Соціально-политическая Библіотека.

В. Х. Мэллокъ.

СОЦІАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. А. Велицына.

МОСКВА.
Университетск. типогр., Страстн. бульв.
1899.

ЦАБ "Автограф"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Отъ переводчика		I—XI
Глава	I. Къ чему стремится современная демократія?	1
	II. Основные принципы современнаго демократизма	29
	III. Лже-наука современной демократіи	55
	IV. Основы правильнаго научнаго изслѣдованія	95
	V. Наука о человѣческомъ характерѣ	112
	VI. Человѣческій характеръ и стремленіе къ неравенству.	153
	VII. Человѣческій характеръ и стремленіе къ богатству	172
	VIII. Неравенство и матеріальный прогрессъ	192
	IX. Неравенство и дальнѣйшее существованіе цивилизаціи.	224
	X. Неравенство и соціальный прогрессъ	258

ЦАБ "Автограф"

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Соціализмъ является въ настоящее время злобой дня. Соціалистическое движеніе съ каждымъ днемъ ростетъ на Западѣ, и послѣдніе выборы въ Германіи и Франціи доказываютъ, какъ сильно распространены идеалы соціализма въ низшихъ слояхъ населенія. Правительства западно-европейскихъ державъ серіозно озабочены этимъ тревожнымъ явленіемъ, грозящимъ ниспровергнуть всѣ до сихъ поръ существовавшія основы общественнаго строя.

Соціализмъ оказалъ свое вліяніе и у насъ въ Россіи. Не говоря уже объ усиливающихся съ каждымъ годомъ движеніяхъ въ рабочей средѣ,—являющихся непосредственнымъ результатомъ иностранной агитаціи,—на весьма многихъ мѣропріятіяхъ послѣдняго времени лежитъ печать увлеченія,—сознательнаго или безсознательнаго,—идеалами эгалитаризма.

Элементъ прогрессивности обложенія, на которомъ построенъ квартирный налогъ и который положенъ въ основу налога промысловаго, недавнее еще запрещеніе сверхъурочной работы въ законѣ,

ЦАБ "Автограф"

регулирующемъ продолжительность рабочаго дня, и, наконецъ, постоянно усиливающееся стремленіе съузить область частной производительности и иниціативы и сосредоточить производство всѣхъ предметовъ первой необходимости въ рукахъ правительства, то-есть сдѣлать эти производства источникомъ государственныхъ доходовъ—все это свидѣтельствуетъ, что и нашему обществу не чуждо увлеченіе тѣми же принципами соціализма, которые такъ широко распространены на Западѣ.

Но что, если эти идеалы соціализма—логическій абсурдъ? Что, если они немыслимы и недостижимы до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется человѣкомъ?—Что, если стремленіе къ установленію всеобщаго равенства вмѣсто благополучія приведетъ лишь къ гибели всей культуры и цивилизаціи и къ увеличенію людской нужды?...

Извѣстный ученый и выдающійся общественный и политическій дѣятель Вилліамъ Лекки въ послѣдней своей книгѣ „Демократія и Свобода“, разсуждая объ идеалахъ эгалитаризма, говоритъ, что „настанетъ день, когда однимъ изъ удивительнѣйшихъ памятниковъ людскаго безумія будетъ считаться фактъ, что подобное ученіе могло быть признаваемо передовымъ и прогрессивнымъ“.

Что, если Лекки правъ въ своемъ суровомъ приговорѣ?...

Вопросъ этотъ имѣетъ особенно важное значеніе для русскаго общества потому, что нигдѣ увлеченіе идеалами соціализма не представляетъ

ЦАБ "Автограф"

такой грозной опасности, какъ въ странахъ, обладающихъ сильною государственною властію.

Для всѣхъ очевидно, что въ настоящее время съ появленіемъ *соціалистической* революціонной идеи, способы проведенія принциповъ эгалитаризма въ народную среду стали иными, нежели во времена *политическихъ* революцій.

Въ основѣ всякой политической революціи лежитъ борьба съ предержащею правительственною властью, какою бы она ни была; политическій агитаторъ стремится въ самодержавной монархіи ввести конституцію, конституціонную монархію превратить въ республику, а въ республикѣ установить анархію...

Совершенно иначе дѣйствуютъ соціалисты. Эти возстаютъ противъ правительственной власти лишь въ томъ случаѣ, если встрѣчаютъ въ ней противодѣйствіе своимъ стремленіямъ; разъ же такого противодѣйствія нѣтъ, разъ они, наоборотъ, усматриваютъ возможность пользоваться этою властью для проведенія въ жизнь своихъ доктринъ, они становятся самыми ревностными защитниками правительства. Въ этомъ случаѣ соціалисты готовы съ неумолимою суровостью карать всякое посягательство на престижъ правительственной власти, они будутъ радостно привѣтствовать всякое распространеніе правительственной опеки надъ явленіями общественной жизни, такъ какъ чѣмъ сильнѣе будетъ эта правительственная власть, тѣмъ успѣшнѣе соціалисты, пользуясь ею, могутъ про-

ЦАБ "Автограф"

вести въ народную среду свои идеалы эгалитаризма.

Кто не помнитъ соціалиста Лассаля и его стремленій сблизиться съ княземъ Бисмаркомъ, для того чтобы при посредствѣ князя попытаться ввести въ Пруссіи государственный соціализмъ? Лассаль отлично понималъ, какъ важна для успѣха соціализма сильная правительственная власть, которая въ Западной Европѣ сохранилась, сравнительно въ высокой степени, въ одной лишь Пруссіи.

Это различіе между соціалистомъ и политическимъ агитаторомъ необходимо имѣть въ виду для того, чтобъ уяснить себѣ дѣйствительное значеніе многихъ явленій современной жизни, въ которой послѣдователи Лассаля до поры до времени горячо защищаютъ неприкосновенность и силу правительственной власти, пользуясь ею для того, чтобы успѣшнѣе и основательнѣе проводить въ жизнь такія мѣры, которыя должны незамѣтнымъ образомъ подточить основы, на которыхъ эта власть покоится. И чѣмъ большимъ могуществомъ отличается правительство, подчиняющееся вліянію соціалистическихъ идей, тѣмъ быстрѣе можетъ наступить тотъ моментъ, когда, съ видимаго апогея величія и силы, правительственная власть сразу низвергнется въ ничто, такъ какъ послѣдовательно будутъ уничтожены всѣ основы, на которыхъ держался существующій общественный строй.

Поэтому для Россіи соціальныя ученія гораздо

ЦАБ "Автограф"

опаснѣе, нежели всякія теоріи парламентаризма и республиканства. Эти послѣднія не могутъ проникнуть къ намъ безъ видимаго, для всѣхъ яснаго, нарушенія нашего государственнаго строя, между тѣмъ, какъ принципы соціалистическаго характера могутъ быть введены въ нашу народную жизнь, ничѣмъ не нарушая внѣшней стороны нашихъ существующихъ установленій, а наоборотъ пользуясь ими какъ наиболѣе мощнымъ и цѣлесообразнымъ средствомъ.

На Западѣ существуетъ цѣлая литература, посвященная доказательству ложности основныхъ началъ соціализма.

Труды Мэллока и Лекки въ Англіи и Ле-Плэ, Тэна и Гастона Бержере во Франціи извѣстны на Западѣ каждому образованному человѣку. Между тѣмъ ихъ почти не знаютъ у насъ и русское общество продолжаетъ пребывать въ наивномъ убѣжденіи, что принципы соціализма, провозглашающіе всеобщее равенство, какъ конечную цѣль міроваго прогресса—суть непреложныя, никѣмъ неоспариваемыя, научныя истины.

Книга В. Х. Мэллока „Соціальное Равенство", переводъ которой мы нынѣ предлагаемъ русскимъ читателямъ, является, по силѣ и глубинѣ анализа и по ясности и логичности изложенія, однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ произведеній этой, замолчанной у насъ, области современной западно-европейской науки.

ЦАБ "Автограф"

По мнѣнію Мэллока, въ основу каждой соціальной доктрины должно быть положено изученіе естественныхъ свойствъ человѣческаго характера. Всѣ ученія, касающіяся перемѣны въ нынѣ существующемъ общественномъ строѣ и направленныя къ тому, чтобы поставить на новыя основанія взаимныя отношенія людей между собою, всѣ они, въ концѣ-концовъ, должны будутъ осуществляться *людьми* или, точнѣе говоря, каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности. Поэтому, если при проектированіи этихъ новыхъ общественныхъ устройствъ не будетъ принято въ соображеніе, что̀ вообще склоненъ дѣлать человѣкъ, что̀ онъ можетъ исполнить и чего онъ навѣрное не сдѣлаетъ, если упущено будетъ изъ виду изученіе и формулированіе этихъ основныхъ, свойственныхъ всѣмъ людямъ чертъ,—тогда всѣ теоріи мыслителей, избравшихъ предметомъ изслѣдованія область соціальныхъ отношеній, будутъ не болѣе какъ праздными фантазіями, не имѣющими подъ собой никакой твердой почвы.

Такова основная мысль книги Мэллока. Указавъ затѣмъ на то, что никто изъ современныхъ мыслителей, не обратилъ должнаго вниманія на эту, наиболѣе существенную, сторону вопроса, а большинство соціалистическихъ теоретиковъ построили свои доктрины на совершенно ложныхъ, ими же самими измышленныхъ свойствахъ человѣческой натуры, Мэллокъ переходитъ къ опредѣленію, путемъ индук-

ЦАБ "Автограф"

тивнаго метода изслѣдованія, нѣкоторыхъ основныхъ чертъ общечеловѣческаго характера.

Одною изъ главнѣйшихъ чертъ онъ считаетъ присущее каждому человѣку стремленіе къ неравенству. Въ людяхъ, посвящающихъ себя высшимъ формамъ труда, стремленіе это относится къ области нравственной и интеллектуальной; въ людяхъ же, занимающихся по преимуществу трудомъ продуктивнымъ, стремленіе это прямо направлено на пріобрѣтеніе бо́льшаго, сравнительно съ другими, богатства.

Установивъ этотъ фактъ, Мэллокъ въ послѣдующемъ изложеніи доказываетъ, что вся наша цивилизація возникла благодаря этому основному мотиву людской дѣятельности и имъ же и поддерживается и что если мы уничтожимъ возможность достиженія подобнаго неравенства, посредствомъ искусственнаго установленія всеобщаго равенства, мы убьемъ всякую иниціативу и производительность и, постепенно уничтожая существующую нашу цивилизацію, начнемъ возвращаться ко временамъ варварства.

Поэтому онъ считаетъ, что всякая попытка къ уничтоженію неравенства, нанося непосредственный ударъ истинному прогрессу человѣчества, вмѣстѣ съ тѣмъ только увеличиваетъ то зло, искорененіе котораго составляетъ общепризнаваемую цѣль всего соціалистическаго движенія. Онъ доказываетъ, что если даже допустить возможность, что, посредствомъ какихъ-нибудь кро-

ЦАБ "Автограф"

вавыхъ насильственныхъ мѣръ, удастся установить на одно мгновеніе всеобщее равенство на землѣ, мгновеніе это не принесетъ съ собою радости и счастія людямъ, а будетъ наоборотъ моментомъ ужаса и отчаянія, и затѣмъ, просуществовавъ одинъ мигъ, это всеобщее равенство исчезнетъ и немедленно вновь народятся неравенства, но уже въ крайне уродливой и возмутительной формѣ.

Далѣе Мэллокъ указываетъ на то, что существованіе неравенства не имѣетъ никакого отношенія къ счастію или несчастію всего человѣчества, такъ какъ счастіе людское, вопреки мнѣнію *соціалистовъ*, *зависитъ не отъ внѣшнихъ условій* и не отъ количества богатства, а отъ нѣкоторыхъ причинъ, лежащихъ въ самомъ человѣкѣ, въ его душѣ.

Будь справедливо соціалистическое ученіе о томъ, что счастіе людское исключительно зависитъ отъ количества земныхъ благъ, находящихся въ распоряженіи человѣка, тогда богатые не знали бы горя, а людямъ несостоятельнымъ недоступны были бы минуты чистой радости и счастія.

Но мы всѣ отлично знаемъ, что это не такъ и что бѣдный человѣкъ можетъ быть неизмѣримо счастливѣе богатаго.

Въ заключеніе Мэллокъ высказываетъ убѣжденіе, что если доктрина о всеобщемъ равенствѣ будетъ оцѣнена по достоинству и вся глубокая

ЦАБ "Автограф"

ложность ея будетъ понята всѣми, интересы бѣдныхъ и обездоленныхъ только выиграютъ отъ этого, такъ какъ, вмѣсто несбыточныхъ мечтаній о невозможномъ будущемъ, всякое стремленіе къ достиженію котораго лишь увеличиваетъ обще - человѣческую нужду, усилія всѣхъ классовъ населенія *дружно* будутъ направлены на то, что̀ дѣйствительно можетъ содѣйствовать истинному прогрессу, имѣющему цѣлью всеобщее благо человѣчества...

Книга Мэллока носитъ главнымъ образомъ характеръ критическій и имѣетъ цѣлью доказать всю научную несостоятельность соціалистическихъ теорій.

Она является протестомъ противъ этого грубаго матеріалистическаго ученія, приковывающаго всѣ радости людскія къ землѣ, пріурочивая ихъ къ тому небольшому числу лѣтъ, которыя отдѣляютъ колыбель человѣка отъ его могилы.

Соціализмъ не знаетъ и не признаетъ высшихъ духовныхъ идеаловъ; кругъ счастія людскаго онъ ограничиваетъ суммой физіологическихъ ощущеній. Въ этомъ первая и величайшая его ошибка; но затѣмъ, даже и въ этой области чисто матеріалистическихъ взаимноотношеній, соціализмъ рисуетъ такіе идеалы будущаго общечеловѣческаго строя, которые являются полнѣйшимъ логическимъ абсурдомъ.

Будущее, которое обѣщаютъ проповѣдники со-

ЦАБ "Автограф"

ціализма своимъ наивнымъ слушателямъ, немыслимо и неосуществимо, но проповѣдь ихъ расчитана на людскую алчность, и на свойственное неразвитымъ людямъ стремленіе къ преумноженію своихъ достатковъ при возможно маломъ трудѣ и не стѣсняясь чужими интересами.

Соціалисты возбуждаютъ своими ученіями самые дурные, животные инстинкты, присущіе человѣческой природѣ, и этимъ объясняется успѣхъ ихъ проповѣди среди темныхъ и неразвитыхъ народныхъ массъ.

Громкія же фразы о томъ, что ученіе ихъ „послѣднее слово науки“ и безапелляціонные приговоры, которые они во имя той же бѣдной науки изрекаютъ надо всѣмъ нынѣ существующимъ общественнымъ строемъ, внушаютъ даже многимъ болѣе интеллигентнымъ лицамъ, не дающимъ себѣ труда вдуматься въ сущность этой страстной проповѣди—убѣжденіе, что въ концѣ-концовъ соціалисты правы и что дѣйствительно,—какъ это ни грустно,—провозвѣщаемое ими всеобщее равенство должно воцариться въ мірѣ.

Между тѣмъ достаточно небольшаго усилія ума, чтобы убѣдиться во всей глубокой лживости соціалистическихъ теорій.

Соціализмъ опасенъ только для тѣхъ, кто не понимаетъ его внутренней сущности, такъ какъ для тѣхъ, кто понялъ эту сущность, всѣ соціалистическія вожделѣнія будутъ не болѣе, какъ ло-

ЦАБ "Автограф"

гическою нелѣпостью, безплоднымъ стремленіемъ къ несбыточному и невозможному будущему.

Въ этомъ отношеніи книга Мэллока можетъ дать благотворный толчокъ общественной мысли, и поэтому мы и предлагаемъ ее вниманію русскихъ читателей.

А. Велицынъ.

Новый Петергофъ.
11 Іюля 1898 г.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА I.

КЪ ЧЕМУ СТРЕМИТСЯ СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТІЯ?

Представимъ себѣ, что мы стоимъ на главной улицѣ англійскаго провинціальнаго города, и передъ нашими глазами происходитъ сцена, которую можно увидѣть тамъ ежедневно.

У одного изъ самыхъ большихъ мѣстныхъ магазиновъ остановилась старомодная, объемистая коляска, и хозяинъ магазина въ почтительной позѣ стоитъ у дверецъ и принимаетъ заказъ какого-нибудь изъ сосѣднихъ крупныхъ помѣщиковъ. Въ то же время по улицѣ двигаются различныя, хорошо намъ знакомыя фигуры: частный повѣренный въ очкахъ и черномъ сюртукѣ, кучка рабочихъ въ перепачканныхъ блузахъ; жена мелочнаго торговца въ боа и завиткахъ; фермеръ проѣзжаетъ въ своемъ догъ-картѣ, а за нимъ медленно двигается фаэтонъ мѣстнаго пастора.

Центральною группой картины являются коляска и ея сѣдоки

Всѣ проходящіе или проѣзжающіе останав-

ЦАБ "Автограф"

ливаютъ на ней свое вниманіе, хотя бы на мгновеніе, и во всѣхъ этихъ взглядахъ или поклонахъ видно признаніе значенія того принципа, который представляютъ собою эта коляска и ея сѣдоки. Частный повѣренный косится на нее; фермеръ снимаетъ шапку, а пасторъ посылаетъ привѣтливый поклонъ.

Кромѣ того, между всѣми второстепенными дѣйствующими лицами этой картины также происходитъ обмѣнъ взглядовъ и поклоновъ, и каждый изъ этихъ взглядовъ и поклоновъ содержитъ въ себѣ выраженіе или уваженія, или же сознанія своего превосходства.

Картина эта такъ намъ знакома, что мы безъ труда можемъ ее себѣ представить во всѣхъ ея деталяхъ, и, по мнѣнію многихъ, она настолько заурядна, что менѣе, чѣмъ что-либо иное, могла бы дать поводъ къ какимъ бы то ни было серіознымъ размышленіямъ.

Введемъ въ нее однако еще двухъ дѣйствующихъ лицъ: англійскаго радикала и континентальнаго демократа и посмотримъ, какое она на нихъ произведетъ впечатлѣніе.

Эти двое не только не станутъ хладнокровно и равнодушно взирать на нее, но въ одинъ голосъ объявятъ, что, по ихъ мнѣнію, эта картина дышитъ несправедливостью и насиліемъ, и что каждая изъ ея деталей дока-

ЦАБ "Автограф"

зываетъ настоятельную необходимость коренныхъ перемѣнъ.

Выслушаемъ сначала сужденія радикала.

Этотъ безъ всякихъ колебаній скажетъ намъ въ чемъ должна состоять перемѣна, которой онъ желаетъ. Вниманіе сего будетъ приковано къ старомодной коляскѣ и къ мѣстному крупному землевладѣльцу, который въ ней сидитъ, и вся цѣль человѣческаго прогресса, скажетъ намъ радикалъ, должна состоять въ стремленіи къ тому, чтобы сдѣлать подобныя явленія невозможными.

Помѣщичій паркъ, барскій домъ, своя охота, а главное, то вліяніе, которымъ пользуется крупный земельный владѣлецъ,—вотъ зло, подлежащее искорененію, такъ какъ, по мнѣнію радикала, всѣ эти явленія составляютъ кошмаръ, подъ гнетомъ котораго изнываетъ наше современное общество. Эксвайръ или пэръ долженъ сдѣлаться бѣднякомъ, прислуга его должна быть распущена, домъ его запертъ, коляска обращена въ курятникъ, имѣніе распродано по мелкимъ частямъ, а паркъ разбитъ на участки подъ постройки—вотъ измѣненія, которыхъ потребовалъ бы радикалъ, и при осуществленіи ихъ онъ былъ бы до нѣкоторой степени удовлетворенъ.

Обратимся теперь къ его сотоварищу, бо-

ЦАБ "Автограф"

лѣе послѣдовательному и логичному демократу, и мы не замедлимъ убѣдиться. что такая перемѣна нисколько не удовлетворила бы его.

Это правильное начало, скажетъ онъ намъ, но только начало и не болѣе.

Покончивъ съ паркомъ и барскимъ домомъ, онъ съ еще большею даже суровостью примется за магазинъ и за его владѣльца, и точно такъ же, какъ нашъ радикалъ желалъ уничтожить типъ крупнаго землевладѣльца, континентальный демократъ будетъ добиваться уничтоженія типа мелкаго капиталиста и буржуа. По мнѣнію демократа, помѣщикъ и лавочникъ— это разбойники. существующіе на счетъ народнаго труда, и поэтому надлежитъ въ равной мѣрѣ стремиться къ уничтоженію обоихъ этихъ типовъ существованія; скромную пригородную дачу мелкаго коммерсанта также мало слѣдуетъ щадить, какъ и роскошный барскій домъ помѣщика.

Словомъ, демократъ, болѣе логичный и послѣдовательный въ своихъ стремленіяхъ, желалъ бы въ корень измѣнить весь существующій строй; у каждаго. имѣющаго какую-либо собственность, онъ желалъ бы отнять часть его достоянія, а то, что онъ сохранилъ бы каждому изъ насъ, демократъ даровалъ бы намъ на совершенно новыхъ основаніяхъ...

ЦАБ "Автограф"

Трудно себѣ представить тотъ домашній обиходъ, тѣ изъ существующихъ привычекъ, обычаевъ, развлеченій и даже способовъ мышленія, которые не были бы въ корень потрясены такою перемѣной.

Само собою разумѣется, что прежде всего должно было бы исчезнуть все, что до сихъ поръ было нераздѣльно связано съ высшею культурой отдѣльной личности. У нашихъ демократовъ не нашлось бы мѣста для того типа людей, который вырабатывается отъ спокойныхъ занятій наукой, вдали отъ повседневныхъ заботъ, отъ широкаго и многообразнаго общенія съ людьми, отъ обладанія предметами и твореніями искусства и отъ суммы впечатлѣній, вынесенныхъ изъ далекихъ путешествій.

Правда, демократы могутъ намъ сказать, что они замѣнятъ этотъ типъ инымъ, хотя весьма сомнительно, чтобы они могли болѣе точно охарактеризовать этотъ новый грядущій типъ высшей культуры. Въ одномъ только можемъ мы быть увѣрены, что, каковъ бы ни былъ этотъ новый типъ, онъ будетъ совершенно отличенъ отъ того, который нынѣ существуетъ.

То же самое было бы и со всѣми другими явленіями и фактами жизни, такъ что при полномъ

ЦАБ "Автограф"

осуществленіи режима, къ которому стремятся демократы, намъ могло бы показаться, что мы живемъ на совершенно другой планетѣ.

По мнѣнію многихъ, къ такой именно перемѣнѣ и идетъ современный намъ міръ, къ перемѣнѣ не только въ формахъ правленія и отдѣльныхъ частностяхъ государственнаго устройства, но къ перемѣнѣ въ распредѣленіи собственности, къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ однихъ классовъ населенія къ другимъ, къ измѣненію, наконецъ, повседневныхъ условій жизни каждаго изъ насъ; и эти многіе утверждаютъ, что предъ нами занимается заря новой соціальной реформы, еще не виданной въ исторіи.

Нельзя не признать, что ожиданія эти имѣютъ нѣкоторое основаніе.

Мы живемъ въ эпоху горячихъ политическихъ страстей и соціальныхъ вожделѣній, которыя лишь слегка маскируются политикой, и гдѣ бы мы ни начали изучать эти соціальныя движенія, въ какой бы ни было странѣ или общественномъ слоѣ, вездѣ мы увидимъ, что они покоятся на одной основной идеѣ, которая, хотя и имѣетъ нѣкоторую связь съ національными и конституціонными движеніями, но связь чисто внѣшнюю, такъ какъ идея эта скорѣе маскируется, нежели выражается во

ЦАБ "Автограф"

всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ распряхъ, которыя она сама же между тѣмъ порождаетъ.

Идея эта въ основѣ своей касается вопроса весьма сложнаго по существу, который, однако, благодаря своей кажущейся на первый взглядъ простотѣ, можетъ могущественнѣйшимъ образомъ дѣйствовать на чувства людей.

Вопросъ этотъ—существующій строй общества или, точнѣе говоря, главное основное начало этого строя.

Я говорю о существующемъ *неравенствѣ въ обществѣ*; отчасти о неравенствѣ въ званіи и власти, но главнымъ образомъ о неравенствѣ въ условіяхъ частной жизни и индивидуальнаго существованія.

Наверху стоятъ немногіе, которые, сами не трудясь въ потѣ лица своего, распоряжаются по своему усмотрѣнію трудомъ массъ. Внизу находятся тѣ милліоны людей, трудомъ которыхъ такимъ образомъ распоряжается вышеуказанное меньшинство, и которые сами никогда не вкушаютъ отъ лучшихъ плодовъ его. Въ результатѣ получается, что, хотя въ послѣдовательныхъ ступеняхъ жизненнаго строя и не видно нигдѣ какого-либо рѣзкаго перерыва или глубокой грани, тѣмъ не менѣе жизнь на одномъ концѣ этой соціальной лѣстницы и жизнь на другомъ ея концѣ—двѣ совершенно различныя вещи.

ЦАБ "Автограф"

Таковъ общественный строй, въ которомъ мы нынѣ живемъ. Строй этотъ существуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и вліяніе его въ большей или меньшей степени отражается на частной жизни каждаго изъ насъ.

Противъ этого именно строя и направлено современное демократическое движеніе.

Впервые въ исторіи намъ приходится слышать, что строй этотъ можетъ, а слѣдовательно и долженъ, подлежать измѣненію.

До нашего времени присяжная партія прогресса стремилась только къ уравненію въ политическихъ правахъ и не затрогивала вопроса о равенствѣ въ условіяхъ частной жизни. Правда, о такомъ равенствѣ помышляли нѣкоторые мечтатели-утописты, но равенство это до такой степени противорѣчило здравому смыслу людей, что даже среди дикихъ крайностей первой французской революціи «собственность поземельная и иная», какъ было провозглашено, «должна быть на вѣки неприкосновенною». Революція эта была по идеѣ направлена противъ привилегій, а не противъ имущества аристократіи и не только не посягала, но стремилась даже всячески оградить неприкосновенность права собственности.

Съ тѣхъ поръ, однако, присяжная партія

ЦАБ "Автограф"

прогресса поставила себѣ новую задачу и, хотя она по прежнему всячески нападаетъ на правительство, но дѣлаетъ это съ новою и нѣсколько болѣе отдаленною цѣлью.

Въ настоящее время партія эта стремится не только къ политическому равенству, но и къ равенству соціальному; подъ этимъ же равенствомъ она разумѣетъ уравненіе въ матеріальныхъ условіяхъ жизни.

Поэтому, какъ въ прежнее время она пріурочивала прогрессъ къ уничтоженію политическихъ привилегій, точно также нынѣ партія эта пріурочиваетъ прогрессъ къ новому распредѣленію собственности.

Стремленіе къ такому уравненію съ каждымъ днемъ становится все опредѣленнѣе и сильнѣе въ средѣ этой партіи, и численный составъ самой партіи также возрастаетъ.

Приверженцы этой партіи разсѣяны весьма широко; смотря по мѣстности, обликъ и пріемы ихъ видоизмѣняются; но тѣмъ не менѣе можно найти ихъ въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они болѣе, въ другихъ менѣе рѣзко даютъ себя знать, и не всегда возможно съ перваго же взгляда обнаружить ихъ дѣятельность; но если обратить вниманіе на то, какъ ревностно они пропагандируютъ свое ученіе,

ЦАБ "Автограф"

какъ могучи тѣ страсти людскія, къ которымъ они взываютъ, и до какой степени имъ уже удалось пробудить эти страсти,—мы должны будемъ признать, что наша существующая цивилизація—на благо или на гибель—стоитъ лицомъ къ лицу съ весьма опаснымъ врагомъ, и поэтому тѣ опасенія и тѣ надежды, которыя нынѣ раздѣляютъ на двѣ части каждый народъ въ Европѣ и которыя, если не ошибаемся, не чужды и Америкѣ, являются вполнѣ обоснованными.

Категорическое констатированіе этого факта можетъ дать поводъ къ весьма серіознымъ опасеніямъ. Поэтому, дабы не преувеличивать опасности, необходимо прежде всего установить дѣйствительные размѣры этого явленія.

Въ этомъ отношеніи надлежитъ замѣтить, что надежды и опасенія, о которыхъ мы только что говорили, далеко еще не повсемѣстны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они такъ слабы, что не могутъ быть даже точно опредѣлены, а скорѣе являются отблесками движеній, которыя дѣйствительно существуютъ въ иномъ мѣстѣ и другой сторонѣ. Въ иныхъ же случаяхъ, хотя надежды эти и проявляются съ особенною силой, но мы, по положенію вещей, можемъ отнестись къ нимъ съ улыбкой и пройти мимо, отнеся ихъ къ разряду несбыточныхъ фантазій.

ЦАБ "Автограф"

Иными словами, существующему общественному строю грозитъ серіозная опасность, но онъ еще не поколебленъ, и у насъ достаточно времени впереди для того, чтобъ устранить катастрофу или, по крайней мѣрѣ, приготовиться къ ея наступленію.

Поэтому, какъ бы серіозно ни было настоящее положеніе вещей, мы можемъ изслѣдовать его, не волнуясь.

Изслѣдованіе это покажетъ намъ, что тотъ или иной соціальный переворотъ весьма возможенъ; мало того, мы обнаружимъ цѣлый рядъ явленій, которыя способствуютъ его наступленію; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, что онъ *далеко не неизбѣженъ*. Вслѣдствіе этого мы также мало должны поддаваться чувству страха, какъ и успокоивать себя сознаніемъ полной безопасности.

Наоборотъ, если мы хотимъ добиться истины, намъ надо сдѣлать слѣдующее:

Прежде всего намъ надлежитъ совершенно опредѣленно установить, что́ будетъ предметомъ и цѣлью борьбы, если таковой суждено произойти.

Затѣмъ, дѣйствуя строго научнымъ методомъ, мы должны опредѣлить: въ какой мѣрѣ осуществима эта цѣль вообще, и каковы могутъ быть результаты всякой энергической попытки достигнуть ея.

ЦАБ "Автограф"

Такой нашъ способъ дѣйствій можетъ принести двоякаго рода пользу.

Вопервыхъ, если намъ удастся придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ по этому вопросу, и выводы эти, какъ непреложныя научныя истины, станутъ извѣстны міру, они не могутъ не оказать существеннаго вліянія на современное теченіе событій и, весьма возможно, могутъ даже кореннымъ образомъ видоизмѣнить ихъ.

Вовторыхъ, и во всякомъ случаѣ, дѣйствуя такъ, мы поставимъ себя въ единственно правильное положеніе для того, чтобы надлежащимъ образомъ понять современное намъ соціальное движеніе, и для того, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ грядущихъ событій.

Какъ это ни странно, но до настоящаго времени не было сдѣлано даже попытокъ произвести такого рода изслѣдованіе.

Весь міръ на нашихъ глазахъ быстро распадается на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна отрицаетъ, а другая проповѣдуетъ извѣстные соціальные принципы. Принципы эти совершенно опредѣлены, нападки на нихъ и защита ихъ весьма горячи. Но еслибы мы пожелали узнать о научномъ обоснованіи этихъ принциповъ, обѣ стороны въ одинаковой мѣрѣ не въ силахъ будутъ этого сдѣлать.

ЦАБ "Автограф"

Во всѣхъ ихъ аргументаціяхъ нельзя найти ничего такого, что имѣло бы характеръ систематичнаго научнаго мышленія. Я не отрицаю, что въ этихъ аргументаціяхъ могутъ встрѣтиться выводы и положенія, которые, взятые каждое порознь, носятъ научный характеръ. Но я утверждаю, что нѣтъ того мыслителя, который привелъ бы ихъ въ стройную научную доктрину. Эти отдѣльные, сами по себѣ вѣрные, выводы весьма слабы, потому что недостаточно развиты, и мало убѣдительны, потому что не приведены въ надлежащую связь и систему.

Такимъ образомъ, хотя сужденія, высказываемыя по этому вопросу, съ каждымъ днемъ становятся все рѣзче и опредѣленнѣе, они являются только убѣжденіями отдѣльныхъ лицъ, но не научными истинами,—и выводы одной партіи не могутъ доказать неправильности умозаключеній другой.

Поэтому всѣ эти нынѣ существующіе выводы и положенія совершенно безполезны при спорѣ на научной почвѣ.

Каждое изъ такихъ сужденій можетъ представиться достаточно убѣдительнымъ только для того, кто заранѣе не склоненъ сомнѣваться въ ихъ истинности; но всѣми этими выводами и положеніями нельзя убѣдить того, чьимъ

ЦАБ "Автограф"

интересамъ или стремленіямъ они противорѣчатъ.

Въ наши дни мы находимся въ такомъ же невѣдѣніи по всему, что касается соціальныхъ вопросовъ, въ какомъ люди находились по вопросамъ экономическимъ до Юма, и по совершенно одинаковой причинѣ: нѣтъ той науки, которая одна можетъ пролить надлежащій свѣтъ на этотъ вопросъ.

Науки этой такъ же не существуетъ въ концѣ XIX вѣка, какъ не существовало науки политической экономіи въ началѣ XVIII-го.

Это отсутствіе научнаго обоснованія особенно ощутительно въ разсужденіяхъ консервативной партіи. Такъ, напримѣръ, когда приверженцы ея критикуютъ какую-нибудь теорію, которая посягаетъ на право собственности,—а таково большинство теорій, съ которыми имъ приходится бороться,—у консерваторовъ въ большинствѣ случаевъ только одинъ способъ убѣдить другихъ въ ея зловредности, это—назвать ее системой воровства, и если они могутъ доказать справедливость такой квалификаціи, они считаютъ, что окончательно побѣдили этимъ своихъ противниковъ.

Конечно было время, когда они были бы правы, думая такъ: было время, когда воров-

ЦАБ "Автограф"

сево было акгомъ предосудительнымъ, и когда достаточно было съ должнымъ основаніемъ назвать воровствомъ какую-нибудь теорію, чтобы она подверглась немедленному и всеобщему осужденію.

Но вотъ именно здѣсь и произошелъ главнѣйшій переворотъ въ міросозерцаніи людей. Консервативные элементы поставлены нынѣ лицомъ къ лицу съ теоріями, которыя смотрятъ на воровство съ совершенно иной точки зрѣнія, и на основаніи которыхъ воровство не есть грѣхъ, а есть необходимость.

Иными словами, въ настоящее время совершенно открыто доказываютъ, что ключъ ко всякому соціальному прогрессу лежитъ въ извѣстномъ новомъ распредѣленіи собственности, въ нѣкоторомъ нарушеніи такихъ правъ, которыя доселѣ считались неприкосновенными.

Поэтому назвать демократовъ шайкой воровъ и разбойниковъ, это значитъ примѣнить къ нимъ тѣ наименованія, отъ которыхъ они и не думаютъ отказываться, и противники ихъ, разсчитывая дискредитировать ихъ такимъ способомъ, глубоко въ этомъ ошибаются.

Консерваторамъ въ настоящее время прежде всего необходимо доказать, что *права собственности должны быть неприкосновенными,* и только затѣмъ они могутъ вызвать осужденіе тѣхъ, кто посягаетъ на эти права.

ЦАБ "Автограф"

Въ этомъ заключается вся суть современнаго положенія вещей.

Въ наши дни право собственности находится теоретически въ совершенно новомъ положеніи. Изъ обвинителя оно превратилось въ обвиняемаго, изъ истца въ отвѣтчика, а присяжными засѣдателями въ этомъ міровомъ спорѣ являются тѣ милліоны людей, которые не имѣютъ никакого основанія вынести ей снисходительный приговоръ.

Подобный порядокъ вещей нельзя не признать крайне ненормальнымъ, но чѣмъ скорѣе мы придемъ къ ясному сознанію его, тѣмъ лучше.

Мы должны разъ на всегда признать, что вся прежняя аргументація консервативной партіи является въ наши дни совершенно устарѣвшею. Прежніе принципы, которые когда-то были священными, нравственныя основанія, которыя прежде казались безспорными,—мы не можемъ уже на нихъ опираться; мало того, намъ приходится ихъ доказывать и защищать или, точнѣе говоря, приходится думать о томъ, въ какой мѣрѣ они могутъ быть защищены.

Такъ, было бы напрасною потерей времени разъяснить, какъ несправедливо потерпѣло бы меньшинство при всякомъ новомъ насильственномъ распредѣленіи собственности. «Тѣмъ

ЦАБ "Автограф"

хуже для меньшинства»,—вотъ единственный отвѣтъ, котораго мы бы добились.

Поэтому въ настоящее время приходится доказывать и защищать права собственности на совершенно иныхъ, болѣе глубокихъ основаніяхъ.

Необходимо доказать, что всякое посягательство на право собственности не только причинитъ ущербъ меньшинству, но и повлечетъ за собой гибель и разореніе большинства.

Убѣдить же въ этомъ можно только доказавъ строго научнымъ способомъ *одно* изъ двухъ, или *оба* нижеслѣдующія положенія.

Первое изъ такихъ положеній заключается въ томъ, что, какъ бы ни было желательно уравнять собственность, невозможно установить такого уравненія долѣе, чѣмъ на одно мгновеніе; что это на одно мгновеніе установленное равенство принесетъ съ собою нужду, ужасъ и отчаяніе, а не благополучіе; и что прежнее неравенство вновь немедленно же возродится, но въ гораздо худшей и еще болѣе рѣзкой формѣ.

Второе положеніе заключается въ томъ, что, допуская даже возможность болѣе продолжительнаго существованія такого равенства, и установленія его какъ нормальной основы

ЦАБ "Автограф"

соціальнаго строя, такой порядокъ вещей не принесъ бы никакой пользы и не далъ бы никакихъ преимуществъ даже самымъ бѣднымъ классамъ современнаго намъ міра. Иными словами, это второе положеніе заключается въ томъ, что окружающее насъ неравенство не есть случайный порокъ нашего общественнаго строя, къ искорененію котораго намъ надо стремиться, но что, наоборотъ, неравенство это является главнымъ двигателемъ цивилизаціи, источникомъ благоденствія, а не причиной лишеній, и что уничтоженіе этого неравенства не уменьшитъ, а, наоборотъ, увеличитъ людскую нужду.

Вотъ тѣ положенія, которыя должна доказать консервативная партія, и если мы, по разсмотрѣніи вопроса, пришли бы къ заключенію, что не можемъ этого сдѣлать, еслибы мы признали, что равенство въ матеріальныхъ условіяхъ жизни можетъ быть установлено на продолжительное время и что большинство выиграетъ отъ подобнаго порядка вещей—тогда всѣ тѣ изъ насъ, которые принадлежатъ къ имущимъ классамъ общества, должны считать, что дни наши въ этомъ отношеніи сочтены. Если мы филантропы,—мы будемъ привѣтствовать грядущую перемѣну, если философы,—мы молча подчинимся ей.

ЦАБ "Автограф"

Но если наше изслѣдованіе приведетъ насъ къ противоположному заключенію, если мы найдемъ, что вышеизложенныя два положенія выражаютъ собой научныя истины, и что такой научный ихъ характеръ можетъ быть непреложно подтвержденъ цѣлымъ рядомъ фактовъ,—тогда право собственности пріобрѣтетъ совершенно новую и незыблемую почву; всѣ посягатели на нее станутъ не болѣе, какъ жалкими сумасбродами или преступниками, современное броженіе мысли постепенно уляжется, и поборники прогресса должны будутъ направить свои усилія на иные предметы.

Но, какъ я уже сказалъ, достигнуть того или иного результата возможно лишь указаннымъ способомъ. Вопросъ долженъ быть сдѣланъ предметомъ особой науки, и такой науки, какъ я сказалъ, до сего времени не существуетъ.

Въ настоящемъ трудѣ я хочу установить границы этой науки и намѣтить рядъ фактовъ и явленій, которые войдутъ въ кругъ ея вѣдѣнія.

Затѣмъ я намѣренъ разсмотрѣть наиболѣе выдающіеся изъ нихъ и изложить въ общихъ чертахъ тѣ главные выводы, къ которымъ приводитъ строго научное изслѣдованіе этихъ фактовъ и явленій.

ЦАБ "Автограф"

Здѣсь, какъ я предвижу, меня могутъ встрѣтить возраженія троякаго рода.

Вопервыхъ, защитники демократическихъ теорій могутъ возразить, что наука, о которой я говорю, давно уже существуетъ и считаетъ въ числѣ своихъ послѣдователей цѣлую школу европейскихъ мыслителей, каковы: Прудонъ, Луи Бланъ и Карлъ Марксъ. Мыслители эти не только достигли выдающихся теоретическихъ результатовъ, но ученія ихъ имѣли и первостепенное практическое значеніе. Мнѣ могутъ даже указать, что я самъ въ предшествующихъ моихъ разсужденіяхъ констатировалъ этотъ фактъ.

Вовторыхъ, со стороны консервативной партіи мнѣ могутъ указать, что доктрины вышеназванныхъ мыслителей уже опровергнуты изслѣдованіями правовѣрныхъ экономистовъ и новѣйшихъ соціологовъ въ родѣ Герберга Спенсера,—что наука, которую я считаю несуществующею, не что иное, какъ политическая экономія или соціологія, подъ инымъ только названіемъ, и что посему всѣ мои разсужденія на эту тему являются излишними.

Втретьихъ, предположивъ, что мнѣ удастся доказать неосновательность первыхъ двухъ возраженій, мнѣ могутъ сказать слѣдующее:

Тѣ истины, которыя я предполагаю изслѣ-

ЦАБ "Автограф"

довать научнымъ методомъ, дѣйствительно ни разу не были разсматриваемы такимъ способомъ; но по той простой причинѣ, что въ этомъ не было никакой надобности, такъ какъ всѣ эти истины слишкомъ хорошо намъ извѣстны на основаніи нашего здраваго смысла. Мы ссылаемся на нихъ, какъ на очевидныя аксіомы во всѣхъ случаяхъ нашей каждодневной жизни, и поэтому выставлять ихъ какъ предметъ научнаго изслѣдованія было бы совершенно праздною потерей времени.

Всѣ эти возраженія будутъ мною подробно разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

По отношенію къ ученіямъ континентальныхъ демократовъ я докажу, что, несмотря на ихъ практическое вліяніе и на внѣшнюю стройность ихъ системъ,—это не люди науки въ истинномъ значеніи этого слова, что если ими и были сдѣланы нѣкоторые вѣрные выводы, это произошло совершенно случайно; я выясню, что они понятія не имѣютъ объ истинно-индуктивномъ методѣ, что всѣ ихъ выводы основаны на нѣкоторыхъ, а priori признаваемыхъ вѣрными принципахъ, и что поэтому ученія ихъ такъ же мало имѣютъ отношенія къ дѣйствительности, какъ разсужденія Ѳалеса о физикѣ или мечтанія средневѣковыхъ алхимиковъ.

ЦАБ "Автограф"

По отношенію къ политической экономіи я докажу, что, хотя она и имѣетъ отношеніе къ той наукѣ, о которой я говорю, она касается только внѣшнихъ сторонъ ея. Почти то же самое, хотя и въ нѣсколько иномъ видѣ, я выясню по отношенію къ соціологіи и другимъ родственнымъ ей наукамъ.

Наконецъ я докажу, что, хотя факты, о которыхъ я буду говорить, и весьма обыденны, это нисколько не исключаетъ возможности научнаго ихъ изслѣдованія. Я напомню читателю, что сущность научнаго знанія заключается не столько въ открытіи новыхъ фактовъ, сколько въ анализѣ и классификаціи явленій и фактовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, и я надѣюсь убѣдить его, по крайней мѣрѣ по отношенію къ настоящему вопросу, что, хотя опираться на здравый смыслъ гораздо лучше, чѣмъ пребывать въ невѣжествѣ, тѣмъ не менѣе строить свои заключенія на почвѣ науки еще предпочтительнѣе, нежели основывать ихъ на выводахъ здраваго смысла.

Послѣднія два изъ изложенныхъ мною выше возраженій я разсмотрю подробнѣе въ послѣдующемъ изложеніи.

Что же касается перваго возраженія, то оно лежитъ на порогѣ нашего изслѣдованія, и поэтому на немъ необходимо остановиться прежде чѣмъ идти далѣе.

ЦАБ "Автограф"

Я сказалъ и утверждаю, что до настоящаго времени современныя соціальныя задачи не были предметомъ строго научнаго изученія. Этимъ я нисколько не хочу сказать, что онѣ совершенно не были изучаемы. Наоборотъ, за отсутствіемъ настоящей науки по этому предмету существуетъ цѣлый рядъ доктринъ, которыя всѣ претендуютъ на научное значеніе; мало того, всѣ эти доктрины имѣли такое могучее вліяніе на теченіе общественной жизни, какого до сего времени не имѣли никакія отвлеченныя теоріи.

Доктрины эти общеизвѣстны; онѣ проповѣдуются присяжными вожаками современнаго демократическаго движенія и всѣ направлены противъ неравенствъ, нынѣ существующихъ въ обществѣ. Но приверженцы этихъ доктринъ глубоко ошибаются, утверждая, что они изучали строго научнымъ способомъ вопросъ о существованіи неравенства въ обществѣ, и что они могутъ сдѣлать какіе-либо серіозно обоснованные выводы о причинахъ возникновенія этихъ неравенствъ, о томъ имѣютъ ли они право на существованіе, и въ какой мѣрѣ эти неравенства могутъ быть устранены *).

*) Какъ я выясню въ послѣдующемъ изложеніи, соціологи также совершенно ошибаются въ опредѣленіи той точки зрѣнія, съ которой надлежитъ приступить къ изслѣдованію этого вопроса. Точно также и экономисты, какъ

ЦАБ "Автограф"

При этомъ необходимо также констатировать тотъ фактъ, что положеніе борющихся въ настоящее время двухъ противоположныхъ теченій мысли совершенно разное.

Все, что носило хотя бы и самый поверхностный характеръ научнаго мышленія, счи-

---

видно будетъ дальше, принимаютъ за исходную точку своихъ выводовъ нѣкоторыя общія положенія, которыя они считаютъ почему-то безспорными, и весьма слабо касаются вопроса о доказательствѣ научной ихъ истинности. Доктринеры современной демократической школы доказываютъ, поэтому, не то, что выводы этихъ экономистовъ не вытекаютъ изъ принятыхъ ими за основаніе положеній, но то, что эти положенія являются результатомъ такого строя общества, который, хотя и существуетъ фактически, но подлежитъ коренному видоизмѣненію До тѣхъ же поръ, пока будетъ существовать этотъ строй, они признаютъ всѣ выводы экономистовъ строго логичными и вѣрными. Они утверждаютъ только, что существующій строй общества можетъ и долженъ быть измѣненъ, и что тогда естественно всѣ эти выводы экономистовъ окажутся ложными.

Поэтому, если при дальнѣйшемъ теченіи современной борьбы экономисты пожелали бы стать на сторону консервативной партіи, имъ пришлось бы искать иныхъ орудій для борьбы, нежели выводы и положенія разрабатываемой ими науки. Принципы, которые исповѣдуютъ эти экономисты и тѣ, которые проповѣдуются доктринерами демократіи, не только ни въ чемъ не противорѣчатъ другъ другу, но относятся къ совершенно различнымъ областямъ знанія. Демократы не отрицаютъ того, что доказываютъ экономисты; то же, что утверждаютъ демократы, ни разу не было даже надлежащимъ образомъ изслѣдовано экономистами.

ЦАБ "Автограф"

талось монополіей нападающей стороны, и оно встрѣчало въ консервативной партіи либо противодѣйствіе насиліемъ, либо догматическія возраженія, которыя едва-ли могутъ быть признаны кѣмъ-либо убѣдительными сами по себѣ.

До настоящаго времени міръ не знаетъ никакихъ научныхъ теорій консерватизма, которыя могли бы оказать фактическое воздѣйствіе на теченіе современной жизни, или которыя какая-либо партія сдѣлала своимъ лозунгомъ. На ряду съ этимъ, какъ я уже указалъ, нѣтъ того выдающагося соціальнаго движенія текущаго столѣтія, которое не имѣло бы своимъ первичнымъ источникомъ какой-либо теоретической доктрины демократическаго характера.

Демократы, нападая на существующій порядокъ вещей, всегда оправдывали свои разрушительныя стремленія указаніемъ на извѣстные принципы, которые они признаютъ научными истинами.

Консерваторы же, подавляя эти движенія, до сихъ поръ не нуждались въ умозрительныхъ хитросплетеніяхъ и не заботились, поэтому, оправдать свой образъ дѣйствій ссылкой на какіе-либо выводы науки. У нихъ несомнѣнно были свои убѣжденія, не менѣе искреннія и глубокія, чѣмъ у ихъ противниковъ; но основной базисъ этихъ убѣжденій

ЦАБ "Автограф"

былъ совершенно различный. Убѣжденія консерваторовъ были унаслѣдованы, а не благопріобрѣтены, и въ ихъ глазахъ они были такъ святы и очевидны, что доказывать истинность ихъ они считали столь же празднымъ, какъ считали преступнымъ всякое оспариваніе ихъ.

Поэтому съ тѣми, которые осмѣлились не только усомниться въ истинности этихъ убѣжденій, но прямо объявили ихъ ложными, было поступлено, какъ съ сумасшедшими или опасными преступниками, а не какъ съ людьми, которые ошибаются въ своихъ выводахъ, и съ которыми поэтому надлежитъ спорить. Ученія демократовъ были оставляемы безъ вниманія или подавляемы силой, но ни разу еще не были опровергнуты, и широкое распространеніе этихъ доктринъ въ значительной степени слѣдуетъ приписать такому къ нимъ отношенію.

Благодаря тому, что они одни присвоивали себѣ монополію научнаго обоснованія, постепенно распространилось совершенно ложное понятіе, что въ дѣйствительности одна только демократическая теорія и находитъ себѣ доказательство въ выводахъ научнаго знанія; это ложное убѣжденіе настолько внѣдрилось въ массы, что очень многіе, которымъ противны теоріи демократовъ,—въ тайникѣ своей души также раздѣляютъ это общее заблужденіе.

ЦАБ "Автограф"

Такое положеніе вещей даетъ силу демократамъ и вселяетъ робость въ средѣ приверженцевъ консервативной партіи, изъ которыхъ многіе носятъ въ сердцѣ тревожное предчувствіе, что въ концѣ концовъ эти теоріи демократовъ все-таки являются безошибочными научными выводами и посему изображаютъ собой истинное положеніе вещей.

Такое воззрѣніе—думается мнѣ—приходилось наблюдать всякому, кто внимательно слѣдилъ за образомъ мыслей современныхъ намъ болѣе достаточныхъ классовъ населенія.

Какъ часто приходится, напримѣръ, слышать въ настоящее время такого рода разсужденіе, что «совершенно естественно бѣднымъ людямъ исповѣдывать демократическія теоріи, такъ какъ, вѣдь, они могутъ только выиграть при такой перемѣнѣ общественнаго строя».

Еще чаще приходится слышать такого рода возгласы, что «въ настоящее время дальнѣйшія событія внѣ нашего вліянія», и что «намъ ничего нельзя сдѣлать, а приходится смиренно ждать, пока не наступитъ катастрофа».

О значеніи этого безпомощнаго упадка духа не можетъ быть двухъ мнѣній.

Оно лучше всего доказываетъ, что въ области науки и точнаго мышленія у консерва-

ЦАБ "Автограф"

тивной партіи нѣтъ никакихъ научныхъ теорій, которыми она могла бы доказать истинность исповѣдуемыхъ ею убѣжденій.

На основаніи этого я и беру на себя смѣлость утверждать,—надѣясь доказать это еще убѣдительнѣе въ послѣдующемъ изложеніи,—что въ области вопросовъ о міровомъ прогрессѣ, какъ его понимаютъ демократы, единственныя доктрины, которыя нынѣ существуютъ и могутъ съ нѣкоторымъ, хотя и весьма слабымъ, основаніемъ претендовать на наименованіе теоретическихъ системъ и которыя имѣли существенное вліяніе на теченіе общественной жизни,—это доктрины самихъ демократовъ.

Поэтому, первымъ шагомъ къ установленію настоящей соціальной науки должно быть полное и всестороннее выясненіе истиннаго значенія этихъ демократическихъ доктринъ, которыя въ наши дни такъ самовластно присвоили себѣ монополію научнаго знанія и окружили себя этимъ, совершенно неподобающимъ имъ, ореоломъ.

———

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА II.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННАГО ДЕМОКРАТИЗМА.

Итакъ, я намѣренъ приступить теперь къ краткому изслѣдованію общей доктрины демократіи и къ выясненію тѣхъ методовъ, которыми она была создана.

Здѣсь, однако, можетъ возникнуть нѣкоторое затрудненіе.

Мнѣ совершенно основательно могутъ указать на то, что демократы, равно какъ и доктрины ихъ, весьма существенно разнятся между собою; такъ доктрина Прудона отличается отъ ученія Луи Блана; теорія Лассаля отличается отъ теоріи Шультце Делича, а доктрины, провозглашаемыя мистеромъ Брайтомъ и мистеромъ Чамберлэномъ, отличны отъ всѣхъ упомянутыхъ четырехъ теорій и на первый взглядъ не имѣютъ даже съ ними ничего общаго.

Поэтому мнѣ могутъ сказать, что, хотя съ

ЦАБ "Автограф"

точки зрѣнія теоріи весьма возможно считать всѣхъ демократовъ принадлежащими къ одной опредѣленной категоріи, но что такой точки зрѣнія никоимъ образомъ нельзя допустить при точномъ анализѣ и критикѣ ихъ ученій.

Въ дѣйствительности, однако, положеніе вещей совершенно иное. Тѣ различія между отдѣльными ученіями демократовъ, о которыхъ только что было упомянуто, несмотря на все значеніе ихъ при практическомъ осуществленіи этихъ теорій, являются только различіями въ способахъ примѣненія и развитія данныхъ началъ, но никакъ не различіями въ основныхъ принципахъ.

Вездѣ эти основные принципы одинаковы, и только ихъ мы и будемъ разсматривать въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи.

Если мы будемъ въ силахъ доказать, что они ложны, намъ уже нечего будетъ касаться тѣхъ различныхъ теорій, которыя являются дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ основныхъ началъ.

Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ эти основные принципы, которые соединяютъ воедино Чамберлэна съ Прудономъ и Брайта съ Луизой Мишель.

Принципы эти весьма несложны, и ихъ очень нетрудно формулировать.

ЦАБ "Автограф"

Первый и главнѣйшій изъ этихъ основныхъ принциповъ заключается въ отвлеченномъ положеніи, что соціальное равенство является основаніемъ всякаго соціальнаго прогресса.

Внимательно обсудимъ смыслъ и значеніе этого отвлеченнаго положенія. Оно не значитъ, что прогрессъ и равенство одно и то же, такъ какъ вѣдь равенство само по себѣ можетъ быть равенствомъ въ нуждѣ и нищетѣ; но оно обозначаетъ, что неравенство есть зло, свидѣтельствующее о несовершенномъ состояніи общественнаго строя.

Демократы столь же энергично, какъ и консерваторы, настаиваютъ на необходимости сохраненія и даже преумноженія существующихъ матеріальныхъ благъ. Но, стремясь къ этому, демократъ вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдуетъ, что корень зла лежитъ въ неравномѣрномъ ихъ распредѣленіи, и что поэтому прогрессъ въ обществѣ долженъ выражаться въ стремленіи къ равенству, въ распредѣленіи этихъ матеріальныхъ благъ.

Доктрина эта выражается въ слѣдующемъ рядѣ умозаключеній.

Счастіе пропорціонально тѣмъ земнымъ благамъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи;—благъ этихъ опредѣленное количество, и они должны быть распредѣлены между

ЦАБ "Автограф"

извѣстнымъ числомъ людей. Поэтому, если одинъ какой-нибудь классъ людей надѣленъ этими благами въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ сколько ему слѣдовало бы по общей разверсткѣ, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ долженъ обнаруживаться соотвѣтственный въ нихъ недостатокъ. Роскошь одного лица означаетъ нищету другого; высокое и привилегированное положеніе одного человѣка означаетъ приниженное и безправное положеніе другого. А такъ какъ счастіе пропорціонально земнымъ благамъ—богатству и положенію въ обществѣ, то соціальное неравенство, по самому существу своему, является доказательствомъ того, что гдѣ-то существуетъ соотвѣтственная нужда и убожество, то-есть нѣкоторое соціальное зло. Сообразно этому, разъ конечною цѣлью прогресса является умноженіе человѣческаго счастія,—прогрессъ этотъ долженъ выражаться въ неустанномъ стремленіи къ установленію равенства въ обществѣ.

Таковъ первый и главнѣйшій изъ основныхъ принциповъ современной демократіи, одинаково исповѣдуемый какъ самыми крайними, такъ и самыми умѣренными ея приверженцами.

Въ какой мѣрѣ достижимо установленіе подобнаго равенства—является вопросомъ вто-

ЦАБ "Автограф"

ростепеннымъ; часть демократовъ утверждаетъ, что это вполнѣ достижимо, другая часть говоритъ, что этого можно достигнуть лишь приблизительно, но всѣ безъ исключенія демократы утверждаютъ, что установленіе такого равенства въ обществѣ есть идеалъ, къ которому надлежитъ стремиться, и что чѣмъ болѣе мы къ нему приближаемся, тѣмъ болѣе совершенною является наша цивилизація.

Въ этомъ всѣ они согласны между собою.

Прудонъ расходится съ Луи Бланомъ только въ опредѣленіи наилучшихъ способовъ практическаго приложенія этого основного принципа. Мистеръ Брайтъ расходится съ Прудономъ лишь въ томъ, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ считаетъ установленіе такого равенства возможнымъ, и до какой степени послѣдовательно каждый изъ нихъ стремится осуществить этотъ основной принципъ.

Для выясненія этой послѣдней связи между ученіемъ современныхъ вожаковъ европейской демократіи и нашими англійскими радикалами, стоитъ обратить вниманіе на тѣ пріемы, которые употребляютъ наши радикалы, желая привлечь къ себѣ сочувствіе толпы.

Они окружаютъ себя ореоломъ проповѣдниковъ соціальной справедливости и громко воз-

ЦАБ "Автограф"

глашаютъ, что ихъ признаніе—уничтожить существующее зло.

Поэтому они прежде всего стараются выставить это соціальное зло въ самомъ возмутительномъ видѣ и, по мѣрѣ возможности, возбудить противъ него народныя страсти.

Какъ же они это дѣлаютъ?

Неизмѣнно однимъ и тѣмъ же способомъ.

Они выставляютъ данное явленіе, на которое нападаютъ, не какъ зло, непосредственно причиняющее ущербъ ихъ слушателямъ, а какъ нарушеніе общей соціальной справедливости.

Идетъ ли рѣчь о назначеніи пенсіи, или объ ассигнованіи денегъ кому-либо изъ членовъ царствующей семьи,—ни одинъ изъ радикальныхъ ораторовъ, возставая противъ этого на какомъ-нибудь митингѣ, не станетъ утверждать, что деньги эти, распредѣленныя между его слушателями, дали бы болѣе чѣмъ по копѣйкѣ въ годъ дохода каждому; точно также не станетъ онъ доказывать, что назначеніемъ этихъ пенсій или суммъ былъ бы нанесенъ прямой ущербъ кому-либо изъ его слушателей.

Нѣтъ, пріемы радикальнаго оратора совершенно иные. Задача его, само собою разумѣется, есть польза его слушателей; но онъ приступаетъ къ разъясненію этой пользы далеко несразу.

ЦАБ "Автограф"

Онъ не столько стремится возбудить ихъ недовольство собственнымъ ихъ стѣсненнымъ положеніемъ, сколько вселить въ нихъ негодованіе противъ того, что другіе богаты, и поэтому основной вопросъ, который онъ ставитъ своимъ слушателямъ—не то: «почему у васъ такъ мало?»—а то: «зачѣмъ у другихъ такъ много?»

Особенно ярко обнаруживается этотъ пріемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда радикалы нападаютъ на крупную земельную собственность.

Почти всегда главнымъ мотивомъ такого рода нападокъ на этотъ классъ населенія—является не то зло, которое существованіе этого класса причиняетъ обществу, а привилегированное положеніе, которое онъ занимаетъ.

Противъ него возстаютъ главнымъ образомъ потому, что положеніе это внушаетъ зависть, а не потому, что оно приноситъ какой-либо вредъ.

Примѣромъ этому можетъ служить та аргументація, которую такъ часто приходится слышать по этому вопросу отъ англійскихъ радикаловъ.

Они съ негодованіемъ указываютъ на тотъ фактъ, что владѣльцы четырехъ пятыхъ земли всей Англіи могутъ помѣститься въ одной

ЦАБ "Автограф"

комнатѣ и могутъ всѣ слышать голосъ одного и того же оратора *).

Несомнѣнно фактъ этотъ можетъ быть вѣренъ, но что же они хотятъ имъ доказать?

Вѣдь тотъ фактъ, что аристократія данной страны можетъ помѣститься въ одной комнатѣ, такъ же мало содержитъ въ себѣ угрожающаго для общественнаго строя, какъ тотъ фактъ, что государь можетъ помѣститься на одномъ стулѣ, или столь же несомнѣнный фактъ, что населеніе всего земного шара можетъ помѣститься на островѣ Уайтѣ.

Съ радикальной точки зрѣнія фактъ этотъ имѣетъ выдающееся значеніе только потому, что особенно наглядно свидѣтельствуетъ о существованіи неравенства въ обществѣ.

Его цитируетъ не для того, чтобы разъяснить толпѣ слушателей, какъ они близки къ нищетѣ, а для того, чтобы показать имъ, какъ далеки они отъ роскоши, и поэтому всѣми подобными примѣрами радикалы стараются

*) Мистеръ Артуръ Арнольдъ подробно останавливается на этомъ фактѣ въ своемъ трудѣ *Свободная земля* (*Free Land*). Точно также объ этомъ говорится въ двухъ томахъ, озаглавленныхъ *Наше Дворянство* (*Our Old Nobility*), специально предназначенныхъ для народа; кромѣ того, я самъ видѣлъ эту истину, провозглашенную, какъ нѣчто чрезвычайное, въ окнахъ магазиновъ почти всѣхъ радикально-памфлетныхъ издателей.

ЦАБ "Автограф"

возбудить ихъ желаніе унизить другихъ, а не стремленіе подняться самимъ.

Радикалы, со своей точки зрѣнія, совершенно правы и послѣдовательны, добиваясь подобнаго рода цѣлей. Дѣйствительно, *если соціальное равенство есть главнѣйшее условіе счастія*, вполнѣ естественно ставить его первѣйшею цѣлью, къ достиженію которой надлежитъ стремиться.

Если даже мы попытались бы указать, что, дѣйствуя подобнымъ образомъ, радикалы стараются прежде всего пробудить чувство зависти, то и это наше возраженіе не имѣло бы никакого значенія, такъ какъ, признавая истинность вышеизложенной доктрины о соціальномъ равенствѣ какъ о главнѣйшемъ условіи счастія, пришлось бы признать, что чувство зависти есть столь же вѣрный и непреложный руководитель въ вопросахъ соціальныхъ и политическихъ, какъ чувство благоговѣнія у людей вѣрующихъ въ вопросахъ религіозныхъ. Подобно тому, какъ въ чувствѣ благоговѣнія у людей религіозныхъ выражается стремленіе къ прославленію Господа Бога, также точно чувство зависти у послѣдователей демократическихъ теорій должно почитаться стремленіемъ къ достиженію всеобщаго блага.

ЦАБ "Автограф"

Я напомнилъ читателю объ аргументаціяхъ англійскихъ радикаловъ не для того, чтобы доказать, что они непослѣдовательны въ своихъ теоріяхъ, а лишь для того, чтобы наглядно установить тотъ фактъ, что въ своихъ основахъ теоріи ихъ совершенно одинаковы съ доктринами континентальныхъ демократовъ.

Въ этихъ основныхъ принципахъ нѣтъ разногласій въ средѣ поборниковъ демократическихъ идей, и германскій соціалистъ въ своей тюрьмѣ, французскій коммунаръ въ своемъ изгнаніи и англійскій радикальный министръ, прогуливающійся въ своей оранжереѣ или около своего питомника форелей, всѣ основываютъ свои убѣжденія на одномъ основномъ принципѣ, который гласитъ, что соціальное равенство является основаніемъ всякаго соціальнаго прогресса, и что посему, чѣмъ ближе мы къ нему подходимъ, тѣмъ выше и совершеннѣе наша цивилизація.

Этотъ основной принципъ, хотя и является краеугольнымъ камнемъ всего символа вѣры демократіи, далеко, однако, не единственный, который признается единогласно всѣми поборниками современнаго прогресса; мало того, онъ даже не имѣетъ первенствующаго практическаго значенія, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи рѣшающее вліяніе имѣетъ

ЦАБ "Автограф"

другой принципъ, который вытекаетъ изъ перваго и одинаково единогласно исповѣдуется всѣми демократами.

Этотъ второй принципъ слѣдующій: Неравенство есть не только зло, признаваемое въ теоріи, но и такое явленіе, которое поддается искорененію на практикѣ; во всякомъ уже случаѣ въ такой мѣрѣ, что всѣ наиболѣе выдающіяся въ настоящее время проявленія этого неравенства могутъ быть совершенно уничтожены.

Демократы не говорятъ, какъ какіе-нибудь любознательные соціальные алхимики, что богатство, находящееся въ рукахъ меньшинства, есть естественный осадокъ достатка большинства; но, какъ дѣятельные и энергическіе мужи, утверждаютъ, что богатство получилось отъ искусственнаго механическаго процесса, и посему всѣ составныя его части весьма легко и съ пользой для всѣхъ могутъ быть возвращены въ мѣста первоначальнаго ихъ нахожденія.

Не утверждай они этого, демократы были бы не болѣе, какъ сентиментальные мечтатели, скорбящіе о несправедливостяхъ нашей земной жизни, подобно тому, какъ другіе скорбятъ объ ея кратковременности: они бы вздыхали, но не агитировали, и человѣкъ дѣла не на-

ЦАБ "Автограф"

шелъ бы той практической почвы, на которой могъ бы съ ними спорить.

Было бы вѣдь совершенно праздно разсуждать о томъ—желательно ли или нежелательно установленіе подобнаго равенства, еслибы наши демократы не утверждали совершенно категорически, что такое соціальное равенство можетъ быть достигнуто.

Мы имѣемъ дѣло не съ областью теоретическихъ мечтаній, въ которой люди могутъ быть надѣлены шапками-невидимками, крыльями и даже изображаться ангелами во плоти.

Мы должны имѣть дѣло съ точными фактами и явленіями, существующими въ настоящее время или могущими дѣйствительно наступить.

И вотъ, беря нашъ міръ и его обитателей такъ, какъ они есть, и какими, надо думать, они останутся еще въ теченіе многихъ вѣковъ, мы ставимъ вопросъ: *можетъ ли въ дѣйствительности соціальное равенство быть цѣлью, къ достиженію которой мы можемъ стремиться*; возможно ли когда-либо и съ достаточною опредѣленностью констатировать фактъ, что мы сдѣлали шагъ впередъ въ этомъ отношеніи, и принесетъ ли намъ этотъ шагъ, буде мы окажемся въ силахъ его сдѣлать, какое-либо улучшеніе въ нашемъ современномъ положеніи?

ЦАБ "Автограф"

Послѣдователи демократической теоріи отвѣчаютъ намъ: Да.

Здѣсь, наконецъ, мы становимся на болѣе прочную почву.

Намъ уже не приходится теоретически разсуждать объ отвлеченной идеѣ того, что должно было бы быть. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ совершенно опредѣленнымъ утвержденіемъ о томъ, что есть и что будетъ, то-есть съ такого рода положеніемъ, относительно котораго вполнѣ возможно выяснить, истинно оно или ложно, и во всякомъ уже случаѣ можно опредѣлить—имѣетъ ли оно какія-либо основанія, или же нѣтъ.

При самомъ даже бѣгломъ разсмотрѣніи этого положенія, мы прежде всего не замедлимъ, однако, убѣдиться, что оно не основано на фактахъ и явленіяхъ нынѣ существующихъ или когда-либо существовавшихъ, такъ какъ сами демократы утверждаютъ, что равенство, къ установленію котораго они стремятся, никогда не существовало ни при какихъ исторически-извѣстныхъ намъ формахъ цивилизаціи. Поэтому положеніе это является выводомъ изъ нѣсколькихъ предшествующихъ, и мы безъ особаго труда можемъ опредѣлить и эти первоисточники.

Демократы, утверждая, что такого рода измѣ-

ЦАБ "Автограф"

неніе общественнаго строя вполнѣ возможно, указываютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и способы, которые могутъ вести къ достиженію этой цѣли. Способы и средства эти давно уже намъ знакомы, и поэтому достаточно упомянуть только нѣкоторые изъ нихъ, каковы, напримѣръ: признаніе всей земли государственною собственностью, прогрессивный подоходный налогъ, уничтоженіе званій и сословій, нормальный рабочій день, обязательное обученіе въ государственныхъ школахъ и, на первомъ, конечно, мѣстѣ,—всеобщая подача голосовъ, для того чтобы народныя массы могли установлять законы, которые имъ болѣе по вкусу. Иными словами демократы говорятъ намъ, что равенство въ обществѣ можетъ быть достигнуто рядомъ измѣненій въ современныхъ общественныхъ установленіяхъ.

Посмотримъ внимательно, какая мысль лежитъ въ основѣ такого рода утвержденія?

Основаніемъ его является доктрина, что, видоизмѣняя учрежденія даннаго общества, мы можемъ измѣнить и весь строй общественной жизни.

Эта же доктрина, въ свою очередь, является результатомъ еще болѣе широкаго положенія, которое заключается въ томъ, что *строй даннаго общества зависитъ отъ существующихъ въ немъ учрежденій.*

ЦАБ "Автограф"

Говоря болѣе подробно, это означаетъ слѣдующее: то рѣзкое различіе, которое существуетъ между богатыми и бѣдными, привилегированными и непривилегированными, начальствующими и подначальными, производителями и непроизводителями, и которое характеризуетъ всѣ доселѣ существовавшія цивилизаціи, — создано и держится только тѣми законами и формами правленія, которые охраняютъ ихъ отъ всякихъ посягательствъ.

Вотъ то общее положеніе, котораго мы искали.

Прежнее утвержденіе о возможности установленія равенства въ обществѣ является ни болѣе ни менѣе какъ логическимъ выводомъ изъ этого положенія.

Демократы разсуждаютъ въ этомъ отношеніи слѣдующимъ образомъ: законы и формы правленія должны клониться къ какой-либо опредѣленной цѣли; до сихъ поръ направленіе всѣхъ этихъ законодательныхъ мѣропріятій было сосредоточено въ рукахъ меньшинства, и поэтому мѣропріятія эти и имѣли исключительно цѣлью обезпеченіе за этимъ меньшинствомъ всевозможныхъ преимуществъ; разъ же большинству удастся ниспровергнуть нынѣ существующій порядокъ, оно направитъ всѣ эти мѣропріятія къ совершенно иной цѣли,

ЦАБ "Автограф"

ко благу большинства; будутъ изданы новые законы, установлены новыя формы правленія, и, подобно тому, какъ прежнія порождали неравенство въ обществѣ, точно также эти новыя законоположенія установятъ соціальное равенство.

Въ болѣе сжатомъ видѣ аргументація демократовъ въ этомъ отношеніи выражается въ слѣдующемъ силлогизмѣ:

Строй общества зависитъ отъ существующихъ въ немъ установленій; мы можемъ измѣнить эти установленія: слѣдовательно, мы можемъ измѣнить и общественный строй.

Такимъ образомъ утвержденіе, что строй общества зависитъ отъ существующихъ въ немъ установленій, является большою посылкой (major premiss) современнаго демократическаго силлогизма.

Если оно вѣрно—вѣренъ и весь силлогизмъ; если же оно ложно, то и всѣ разсужденія демократовъ являются совершенно ошибочными.

Мы, такимъ образомъ, уже нѣсколько углубились въ сущность этого вопроса, но все-таки еще не достигли ничего такого, что̀ могло бы быть непосредственно провѣрено на почвѣ фактовъ, ибо и эта посылка точно такъ же, какъ и вытекающее изъ нея заключеніе, не являются результатомъ изслѣдованія того, что̀

ЦАБ "Автограф"

нынѣ есть, или того, что было. Наоборотъ, этотъ демократическій силлогизмъ говоритъ намъ о такихъ причинахъ и послѣдствіяхъ, которыя донынѣ никогда еще не встрѣчались въ дѣйствительности.

Употребляя выраженіе «строй общества» въ томъ смыслѣ, какъ это мы дѣлаемъ, оказывается, что во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ строй этотъ былъ одинаковъ и ничѣмъ не отличался отъ нынѣ существующаго въ Европѣ.

Всюду и всегда на одномъ концѣ іерархической ступени человѣческихъ существованій былъ почетъ и богатство, а на другомъ—ничтожество и нужда.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ азіатскомъ деспотизмѣ, неравенство это выражалось въ уродливыхъ и рѣзкихъ проявленіяхъ; въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ греческихъ и итальянскихъ республикахъ, оно было замаскировано и не выступало на первый планъ. Но всюду и всегда, гдѣ была цивилизація, былъ нынѣ существующій общественный строй, и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при первой французской революціи, строй этотъ и принималъ нѣкоторыя новыя внѣшнія формы, онъ никогда не измѣнялся по существу. Такъ и послѣ

ЦАБ "Автограф"

первой французской революціи онъ снова появился въ видѣ особаго новаго рода феодализма, который, по выраженію Луи Блана, «былъ даже хуже прежняго».

Иными словами, какія бы измѣненія ни происходили въ установленіяхъ различныхъ государствъ, никогда эти перемѣны не видоизмѣняли въ чемъ либо общественнаго строя, и поэтому во всей прошлой исторіи человѣчества нѣтъ тѣхъ фактовъ, которые могли бы показать намъ зависимость общественнаго строя отъ существующихъ въ этомъ обществѣ установленій.

Мнѣ могутъ сказать, что всѣ доселѣ производившіяся измѣненія существовавшихъ установленій дѣлались не такъ, какъ слѣдуетъ.

Не спорю; но вѣдь это только подтверждаетъ истинность высказанной мною мысли, и поэтому слѣдуетъ признать, что большая посылка демократическаго силлогизма не является результатомъ изученія чего-либо, что было, и что она даже не была провѣрена сравненіемъ съ дѣйствительно существующими или существовавшими фактами и явленіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, несомнѣнно, что, будучи утвержденіемъ научнаго характера, она должна такъ или иначе имѣть свое первичное основаніе, если не непосредственно въ

ЦАБ "Автограф"

рядѣ фактовъ, то въ какомъ-либо иномъ научномъ положеніи.

Поэтому, убѣдившись, что посылка эта не является результатомъ непосредственнаго изученія фактовъ, намъ остается найти ту научную доктрину, изъ которой она вытекаетъ, и опредѣлить тотъ разрядъ фактовъ и явленій, которыхъ касается эта послѣдняя доктрина.

Сдѣлать это будетъ неособенно трудно.

Я уже указывалъ, что равенство, къ достиженію котораго стремится современная демократія, есть преимущественно уравненіе въ матеріальныхъ условіяхъ жизни—равномѣрное распредѣленіе между всѣми плодовъ современнаго матеріальнаго прогресса или, иными словами, нынѣ существующаго въ мірѣ богатства. *)

Поэтому несомнѣнно, что большая посылка демократическаго силлогизма имѣетъ отношеніе къ вопросу о человѣческомъ богатствѣ, и

---

*) Для упрощенія нашего изложенія мы переводимъ англійское слово *wealth*—словомъ „богатство".

Въ послѣдующемъ изложеніи Мэллокъ неизмѣнно противопоставляетъ „*wealth*" тому, что онъ именуетъ „*a bare subsistance*", то-есть тому, что безусловно необходимо для поддержанія существованія человѣка. Поэтому по-русски „богатство" болье точно характеризуетъ его мысль, нежели слово „достатокъ".

Примѣч. переводчика.

ЦАБ "Автограф"

дѣйствительно она имѣетъ это въ виду, ибо указываетъ на причины того или иного распредѣленія богатствъ и видитъ эти причины въ законахъ и формахъ правленія.

Но изъ этого слѣдуетъ заключить, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ — являются или нѣтъ законы и формы правленія причинами распредѣленія богатствъ, они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причинами ихъ возникновенія.

Поэтому большая посылка демократическаго силлогизма вполнѣ опредѣленно установляетъ, что причины возникновенія богатствъ отличны и вполнѣ независимы отъ причинъ распредѣленія ихъ между людьми.

Разъ это такъ, то должна, слѣдовательно, существовать опредѣленная доктрина о причинахъ возникновенія богатствъ, изъ которой вышеуказанная посылка является логическимъ выводомъ.

Доктрину эту мы можемъ выяснить двоякимъ путемъ: во-первыхъ, на основаніи самостоятельнаго логическаго процесса, а во-вторыхъ, изъ совершенно опредѣленныхъ въ этомъ отношеніи утвержденій демократическихъ мыслителей.

Это доктрина, такъ часто повторяемая и между тѣмъ такъ мало до сихъ поръ разъяс-

ЦАБ "Автограф"

ненная и понятая, о томъ, *что богатство есть продуктъ труда.*

Такъ, Готская программа нѣмецко-рабочей партіи, по общему признанію самое отчетливое выраженіе серіознаго демократическаго мышленія континента, начинается слѣдующей фразой:

«Трудъ есть источникъ возникновенія богатствъ и всякой культуры; а такъ какъ производительный трудъ въ большинствѣ случаевъ только и возможенъ при посредствѣ общества, то поэтому плоды этого труда принадлежатъ всѣмъ членамъ общества, и каждый членъ общества имѣетъ право на равную долю сообразно разумнымъ своимъ потребностямъ, при чемъ каждый членъ долженъ принимать одинаковое участіе въ этомъ общемъ трудѣ.»

Тѣ же самые принципы, хотя и не въ столь категорической формѣ, лежатъ въ основѣ нашего англійскаго радикализма.

Такъ, напримѣръ, мистеръ Брайтъ на митингѣ рабочихъ высказалъ, при громкихъ кликахъ одобренія, слѣдующія знаменательныя фразы:

«Только-что,—сказалъ онъ,—на пути сюда, я встрѣтилъ на улицѣ великолѣпный экипажъ, въ которомъ сидѣли двѣ роскошно одѣтыя

ЦАБ "Автограф"

дамы... Кто дѣлалъ этотъ экипажъ?—Вы... Кто дѣлалъ эти чудныя платья?—Вы... Есть ли у вашихъ женъ такіе экипажи?... Носятъ ли ваши жены такія платья?... Я прослѣдовалъ дальше за этимъ экипажемъ и увидѣлъ, что онъ остановился у роскошнаго подъѣзда громаднаго дома... Кто выстроилъ этотъ домъ?—Вы... Живете ли вы сами и ваши жены въ такихъ домахъ?»...

Какъ я выше сказалъ, доктрина эта не только подтверждается самими демократами, но является и логическою необходимостью, ибо теоріи демократовъ не могли бы основываться ни на какой иной.

Легко въ этомъ убѣдиться, внимательно ознакомившись съ сущностью ихъ аргументаціи.

По ихъ словамъ, мы можемъ распредѣлить на-ново существующія въ мірѣ богатства и въ то же время не уменьшить общаго ихъ количества; мы можемъ отнять у богатыхъ излишекъ ихъ достоянія, который они поглощаютъ ежегодно, и распредѣлить этотъ излишекъ между неимущими, и при этомъ ежегодное количество этихъ богатствъ не уменьшится.

Такого рода умозаключеніе можетъ оказаться правильнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что имущіе классы, какъ таковые, не имѣютъ никакого другого

ЦАБ "Автограф"

отношенія къ своему достоянію, кромѣ того, что они являются случайными обладателями его и не участвуютъ, посему, ни въ чемъ въ дѣлѣ возникновенія богатствъ.

Не будь этого, съ уничтоженіемъ имущихъ классовъ должно было бы соотвѣтственно сократиться и количество ежегодно создающихся богатствъ.

Такимъ образомъ, сила всей демократической теоріи зависитъ отъ научнаго значенія доктрины о богатствѣ, какъ продуктѣ труда.

Здѣсь, наконецъ, мы имѣемъ доктрину, которая приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ явленіями дѣйствительной жизни. Мы имѣемъ утвержденіе о томъ, что̀ есть и что̀ было, о томъ, что̀ происходитъ ежедневно и что̀ мы ежедневно можемъ наблюдать, а не выводъ изъ того, что̀ можетъ случиться, но никогда еще не происходило.

Богатства создаются вокругъ насъ ежедневно; причины, вызывающія это ихъ возникновеніе, также ежедневно оказываютъ свое дѣйствіе, и поэтому доктрина о томъ, что богатство есть продуктъ труда, касается процесса, который въ каждую данную минуту происходитъ въ сосѣдней мельницѣ или мастерской; и въ этой же мельницѣ или мастерской доктрина эта можетъ быть доказана или опровергнута.

ЦАБ "Автограф"

Такимъ образомъ, вотъ тотъ вопросъ, на основаніи котораго должна быть провѣрена вся теорія демократовъ.

Съ этого мы начнемъ и на этомъ, собственно говоря, и окончимъ наше изслѣдованіе ея.

Если окажется, что богатство дѣйствительно есть исключительный продуктъ труда, тогда оно можетъ быть распредѣлено, какъ того хотятъ демократы.

Распредѣленіе это будетъ зависѣть отъ законовъ и формъ правленія; строй общества зависитъ отъ существующихъ въ немъ установленій; мы можемъ измѣнить установленія: слѣдовательно, мы можемъ измѣнить и существующій общественный строй. Словомъ—демократическая теорія вѣрна, и невозможно бороться съ прогрессомъ демократическихъ идей. Консервативной партіи останется только одно—слезно молить о маленькой отсрочкѣ.

Но если мы, наоборотъ, найдемъ, что богатство есть продуктъ чего-то иного, чѣмъ то, что̀ разумѣетъ вышеизложенная доктрина, тогда всѣ эти выводы оказываются ложными, и ихъ надо будетъ замѣнить рядомъ другихъ.

Это и есть то, въ чемъ я надѣюсь убѣдить читателя.

Я намѣренъ, на основаніи дѣйствительныхъ

ЦАБ "Автограф"

фактовъ и явленій окружающей насъ жизни, доказать, *что богатство не есть исключительный продуктъ труда*, и что не будь другихъ причинъ, трудъ самъ по себѣ иногда не могъ бы создать богатства, *что, слѣдовательно, то распредѣленіе богатствъ, о которомъ мечтаютъ демократы, есть научная невозможность*, и нѣтъ тѣхъ законовъ, которыми можно было бы этого достигнуть. Я намѣренъ доказать затѣмъ, что не строй общества зависитъ отъ существующихъ въ немъ установленій, но что, наоборотъ, *установленія эти зависятъ отъ общественнаго строя;* что если уравненіе въ матеріальныхъ условіяхъ жизни и будетъ когда-либо установлено, то это можетъ быть достигнуто только уничтоженіемъ цивилизаціи, а никакъ не распредѣленіемъ среди массы людей лучшихъ плодовъ ея.

Иными словами, я докажу, что основные принципы современнаго демократизма и радикализма, являясь выводами изъ совершенно-ложныхъ и ошибочныхъ общихъ положеній, будутъ, по мѣрѣ своего примѣненія, увеличивать то самое зло, къ искорененію котораго они стремятся, и поэтому вожаки и проповѣдники демократическихъ теорій, вселяя въ массу народа стремленіе къ такого рода прогрессу, который невозможенъ и неосуще-

ЦАБ "Автограф"

ствимъ, въ дѣйствительности ведутъ эту массу назадъ, ко второму варварству, ужасы и бѣдствія котораго мы въ настоящее время едвали въ силахъ себѣ представить.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА III.

ЛЖЕ-НАУКА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Подводя итогъ тому, что̀ сказано въ предыдущей главѣ, мы видимъ, что вся теорія современной демократіи, со всѣми ея надеждами и заманчивыми призраками будущаго благополучія, основана на мнимой правильности и истинности доктрины, доказывающей, что *богатство есть продуктъ труда.*

Теперь посмотримъ, что̀ собственно разумѣютъ теоретики демократизма, защищая эту доктрину.

Прежде всего, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько основательна эта теорія по существу, необходимо замѣтить, что при защитѣ ея нѣкоторые поборники демократизма высказываютъ такія ошибочныя возраженія, отъ которыхъ несомнѣнно они первые отказались бы при серіозномъ теоретическомъ спорѣ.

Было бы неблагородно судить все демокра-

ЦАБ "Автограф"

тическое ученіе по такимъ опрометчиво высказываемымъ сужденіямъ, и поэтому я намѣренъ сначала выдѣлить эти сужденія и затѣмъ, устранивъ ихъ, перейти къ разсмотрѣнію настоящей, самими демократами призываемой, сущности этой доктрины.

Для этого снова обратимся къ цитированной нами въ прошлой главѣ рѣчи мистера Брайта.

Въ ней въ ясной и необычайно популярной формѣ изложено, что богатство есть продуктъ труда. Мало того, въ рѣчи этой перечислены даже нѣкоторые спеціальные виды этого богатства, которые должны, повидимому, съ особою силой подтверждать истинность высказываемой мистеромъ Брайтомъ мысли; таковы: роскошныя платья, прелестный экипажъ и громадный богатый домъ. Отношеніе труда къ производству этихъ предметовъ иллюстрируетъ, по мнѣнію демократовъ, отношеніе труда къ производству богатствъ вообще.

Но что же собственно хотѣлъ доказать своимъ слушателямъ мистеръ Брайтъ по вопросу объ отношеніи труда къ шелковому платью?

Вѣдь не хотѣлъ же онъ имъ разъяснить, что трудъ этотъ производитъ шелковичныхъ червей?

ЦАБ "Автограф"

Точно также онъ не могъ имѣть въ виду доказывать имъ, что, по отношенію къ экипажу и дому, трудъ ихъ производилъ дерево, кожу, камень и мраморъ. Онъ, очевидно, не хотѣлъ сказать, что трудъ есть *единственный* источникъ производства богатствъ, но имѣлъ лишь въ виду доказать, что трудъ является *исключительною*, зависящею отъ людей, причиной возникновенія всѣхъ этихъ предметовъ.

Остальными условіями являются качества почвы, климатъ, географическое положеніе, обиліе или недостатокъ въ углѣ или минералахъ, и поэтому количество такъ же, какъ и качество производимыхъ богатствъ, столько же зависитъ отъ этихъ условій, сколько и отъ людского труда.

Демократы не отрицаютъ этого, но они считаютъ, что вопросъ о вліяніи этихъ естественныхъ условій не входитъ въ область ихъ обсужденія, и поэтому предоставляютъ изслѣдованіе его политико-экономистамъ.

Демократъ не желаетъ изучать явленія неодушевленнаго міра, онъ не хочетъ быть делегатомъ отъ условій почвы и климата и защищать ихъ притязанія на долю участія въ производствѣ матеріальныхъ благъ.

Онъ исключительно занятъ людьми. Между

ЦАБ "Автограф"

людьми только и могутъ быть распредѣлены богатства, и поэтому для демократа безразличенъ вопросъ о томъ, кто имѣетъ бо́льшее вліяніе на ихъ производство—люди или природа. Для чего важенъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли одинъ классъ людей бо́льшее отношеніе къ производству богатства, нежели другой, и нѣтъ ли такого класса людей, который не имѣетъ никакого отношенія къ этому производству.

Все вниманіе демократовъ обращено на этотъ вопросъ, и поэтому теорію ихъ о томъ, что богатство есть исключительный продуктъ труда, слѣдуетъ принять съ этою существенной оговоркой.

Въ ней нѣтъ ничего объ участіи естественныхъ силъ природы въ этомъ отношеніи, и она не говоритъ, что трудъ есть единственный производитель богатствъ; доктрина эта утверждаетъ лишь то, что трудъ является исключительною человѣческою причиной ихъ возникновенія.

Теперь снова обратимся къ одному изъ столь характерныхъ примѣровъ, приведенныхъ мистеромъ Брайтомъ. Примѣръ о чудномъ и богатомъ домѣ всего лучше будетъ намъ годиться для нашей цѣли. Разсмотримъ тотъ процессъ мышленія, который, очевидно, руководилъ мистеромъ Брайтомъ въ данномъ случаѣ.

ЦАБ "Автограф"

— Смотрите, разсуждалъ онъ, на этотъ великолѣпный портикъ, на каменную и кирпичную работу всего этого величественнаго фасада! Является естественный вопросъ: кто ихъ создалъ? Конечно каменотесы и каменщики. При стараніи можно даже найти имена и мѣстожительство всѣхъ этихъ людей... Войдемъ въ домъ... Обратите ваше вниманіе на чудный сводчатый потолокъ гостиной, весь позолоченный и покрытый тонкою лѣпною работой. Вѣдь не дѣлала же его та праздная лэди, которая теперь подъ нимъ сидитъ; она даже понятія не имѣетъ, изъ чего онъ сдѣланъ!... Нѣтъ, потолокъ былъ исполненъ искусными мастерами, которые сами живутъ, быть-можетъ, на чердакахъ... Посмотрите на чудную скульптурную работу камина; неужели онъ дѣло рукъ того элегантнаго гвардейца, который стоитъ, прислонившись къ нему?.. Вѣдь всѣ его скульптурные таланты ограничиваются тѣмъ, что онъ сумѣетъ вырѣзать рожу изъ апельсинной корки!... Нѣтъ, этотъ каминъ дѣлалъ также искусный работникъ, который, окончивъ его, никогда не имѣлъ даже случая видѣть свое произведеніе... А этотъ паркетъ!.. Развѣ онъ былъ сдѣланъ тѣми юными пшютами, которые сегодня вечеромъ будутъ на немъ танцовать?.. Нѣтъ, онъ былъ

ЦАБ "Автограф"

сдѣланъ столярами, у которыхъ дома мы видимъ полное убожество!... Подумайте обо всемъ этомъ,—восклицаетъ мистеръ Брайтъ,—передъ вами типичная картина роскоши, при чемъ всѣ тѣ, кто ею пользуется, не имѣютъ даже никакого представленія о томъ, какимъ образомъ возникли всѣ эти окружающія ихъ богатства. Слѣдовательно, люди эти не принимали никакого участія въ ихъ производствѣ. Всѣ эти предметы роскоши, поскольку производство ихъ зависитъ отъ человѣка, являются продуктомъ труда рабочаго класса людей, продуктомъ ихъ умѣнья, ихъ искусства, приложенія ихъ мускульной силы. Это всѣмъ ясно само собою, и нечего этого доказывать!...

До сихъ поръ очень легко было слѣдить за послѣдовательнымъ ходомъ мысли мистера Брайта. Но здѣсь начинается туманность въ дальнѣйшемъ теченіи его аргументаціи. Всѣ до сихъ поръ изложенныя мысли были ясны и до извѣстной степени вѣрны; но какого рода выводъ дѣлаетъ онъ изъ нихъ?

Онъ, или—оставивъ его въ сторонѣ,—демократы дѣлаютъ двоякаго рода выводъ изъ вышеизложенной аргументаціи. Одинъ выводъ они дѣлаютъ какъ политическіе агитаторы, другой—какъ болѣе серіозные мыслители. Между обоими этими выводами намъ, прежде всего, надлежитъ провести рѣзкую грань.

ЦАБ "Автограф"

Въ качествѣ политическихъ агитаторовъ демократы разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ:

Роскошный домъ, являясь продуктомъ исключительно труда, могъ бы также хорошо существовать, если бы не было совсѣмъ теперешнихъ недостойныхъ его владѣльцевъ. Единственная разница была бы только въ томъ, что имъ пользовались бы по справедливости тѣ, чьимъ трудомъ онъ былъ созданъ... То же самое произошло бы и со всѣми тѣми предметами роскоши, которые нынѣ находятся въ исключительномъ владѣніи нетрудящагося класса населенія; съ уничтоженіемъ этого класса всѣ эти предметы роскоши стали бы достояніемъ трудящейся части населенія. Въ тѣхъ же великолѣпныхъ экипажахъ ѣздили бы жены рабочихъ, и онѣ носили бы тѣ же богатыя платья. Каждый каменщикъ возвращался бы вечеромъ домой въ свою богатую гостиную, и Лондонъ будущаго состоялъ бы весь изъ ряда Бельгревъ-сквэровъ. *)

Вотъ въ краткихъ словахъ та дикая доктрина, которую демократы, въ пылу политической агитаціи, неоднократно проповѣдывали своимъ невѣжественнымъ слушателямъ... Но

*) Самый богатый и аристократическій кварталъ Лондона.

ЦАБ "Автограф"

надо имъ отдать справедливость, что они дѣлаютъ это только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ.

Доктрина эта не составляетъ части ихъ научной системы, и они даже никогда серіозно не пытались защищать ее.

Но, однако, тѣ, кого имъ удалось отуманить своими рѣчами, иногда такъ искренно считаютъ эту доктрину частью демократическаго ученія, что не лишнее въ настоящемъ изложеніи вкратцѣ выяснить всю ея ошибочность.

Итакъ, продолжая пользоваться тѣмъ же примѣромъ о вышеуказанномъ домѣ, какъ типѣ богатства и роскоши, посмотримъ, почему его считаютъ такимъ типомъ?..

Вѣдь не потому считаютъ этотъ домъ типомъ богатства и роскоши, что онъ выстроенъ изъ извѣстнаго рода матеріаловъ и на возведеніе его была затрачена извѣстная сумма искусства и труда. Тѣ же матеріалы и тотъ же трудъ могли вѣдь быть столь же успѣшно затрачены на постройку какого-нибудь уродливаго каменнаго зданія безъ оконъ и трубъ. Но никто не назвалъ бы роскошною такую чудовищную постройку, и мистеръ Брайтъ не сталъ бы возбуждать зависть рабочаго люда тѣмъ, что ихъ жилища не похожи на нее.

ЦАБ "Автограф"

Такимъ образомъ, богатый домъ является типомъ роскоши не отъ того, что на содержаніе его было затрачено столько труда, а отъ того, что трудъ этотъ былъ примѣненъ тѣмъ, а не инымъ образомъ.

Такъ, мы предположили, что у дома этого прекрасный фасадъ. Фасадъ этотъ состоитъ изъ разныхъ матеріаловъ, которые были сложены каменщиками. Но красота его не является продуктомъ ихъ труда, фасадъ является результатомъ ихъ труда лишь въ качествѣ сооруженія вообще. Красота же его возникла, благодаря художественному вкусу архитектора, строившаго домъ. То же самое и по отношенію всего остального въ домѣ. Всею роскошью своею онъ обязанъ архитектору. Благодаря ему, комнаты удобны, хорошо отапливаются, освѣщаются и вентилируются; благодаря ему, онѣ здоровы для жизни, а не являются сырыми и зловредными казематами.

Но пойдемъ еще дальше въ этомъ направленіи. Когда мы говоримъ объ удобствѣ и комфортабельности этихъ комнатъ, мы вѣдь имѣемъ въ виду, что онѣ удобны и комфортабельны для какой-нибудь опредѣленной цѣли, и цѣль эта есть удовлетвореніе вкусамъ и потребностямъ того класса людей, который въ

ЦАБ "Автограф"

нихъ обитаетъ—иными словами, вкусамъ и потребностямъ людей богатыхъ. Такъ, напримѣръ, если-бы богатые никогда не давали баловъ или званыхъ обѣдовъ, въ нашемъ домѣ не было бы обширнаго зала и столовой. Если-бы богатымъ не нравились позолоченные и лѣпные потолки и художественно расписанныя стѣны, въ нашемъ домѣ не было бы ни того, ни другого.

Но именно на эти формы роскоши указываютъ мистеръ Брайтъ и остальные подобные ему ораторы, когда они рисуютъ толпѣ слушателей картины жизни богатыхъ людей.

Поэтому, если они дѣйствительно думаютъ то, что̀ говорятъ, то-есть, что богатство есть та существующая роскошь, которою пользуются люди богатые,—то въ такомъ случаѣ трудъ никоимъ образомъ не является самъ по себѣ производителемъ этой роскоши. Богатство въ этомъ смыслѣ подобно бронзовой статуѣ, вся красота которой зависитъ отъ формы, въ которую она была вылита. Формой этою въ данномъ случаѣ являются вкусы и потребности богатыхъ классовъ; трудъ же рабочаго люда только расплавляетъ металлъ и вливаетъ его въ форму.

Такимъ образомъ, богатство въ этомъ случаѣ обязано своимъ возникновеніемъ самимъ

ЦАБ "Автограф"

богачамъ, ибо, не будь ихъ, не было бы и богатства. Поэтому поставить достиженіе такого богатства цѣлью дѣятельности рабочаго класса и говорить ему, что онъ имѣетъ на него полное нравственное право, это значитъ вводить его умышленно въ заблужденіе съ тѣмъ, чтобы эксплуатировать вызванное въ немъ настроеніе для какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Но такой наивный обманъ не можетъ ввести въ заблужденіе серіознаго мыслителя. Поэтому, какъ я уже сказалъ, я цитировалъ его не для того, чтобъ его оспаривать, а лишь для того, чтобы показать читателю, что здѣсь не съ чѣмъ даже спорить.

То что въ дѣйствительности утверждаютъ болѣе серіозные защитники демократическихъ идей и, что заслуживаетъ внимательнаго разсужденія есть нѣчто совершенно иное.

Они не только признаютъ, что не будь богатыхъ, не производились бы и тѣ предметы роскоши, о которыхъ мы выше говорили, но они утверждаютъ затѣмъ, что *такого рода предметовъ вообще не слѣдуетъ производить*. Главною основой ихъ разсужденія является утвержденіе, что съ уничтоженіемъ класса богатыхъ людей прекратится и производство подобныхъ предметовъ роскоши.

ЦАБ "Автограф"

Не будетъ больше дворцовъ, громадныхъ вестибюлей и роскошныхъ гостиныхъ, не будетъ даже ничего имъ подобнаго. Такому богатству настанетъ конецъ. Однако оно не исчезнетъ совершенно, а лишь измѣнитъ внѣшнія формы своего проявленія.

Измѣнятся эти формы, но количество богатства останется то же.

Такъ, вмѣсто одного дома съ двадцатью совершенно лишними комнатами, изъ которыхъ каждая въ пять разъ больше, чѣмъ сколько нужно для дѣйствительнаго комфорта, будетъ нѣсколько небольшихъ домовъ, построенныхъ, конечно, для совершенно иныхъ цѣлей, но въ своемъ родѣ столь же совершенныхъ. Сумма труда, которая прежде тратилась для удовлетворенія чванливой гордости какой-либо одной семьи, будетъ идти на доставленіе здороваго наслажденія многимъ; то, что̀ прежде дѣлало одну какую-нибудь галлерею знаменитою, можетъ сдѣлать пятьдесятъ домовъ прекрасно убранными.

Такая же перемѣна произойдетъ въ пищѣ, одеждѣ, мебели, словомъ, во всемъ, что̀ касается производства предметовъ необходимыхъ или изящныхъ. Не станетъ болѣе предметовъ фантастической безумной стоимости, такъ часто встрѣчаемыхъ нынѣ. Не будетъ болѣе ли-

ЦАБ "Автограф"

керовъ по пятнадцати шиллинговъ бутылка, ковровъ по три шиллинга аршинъ и письменныхъ столовъ въ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ.

Искусство и трудъ, которые въ наши дни столь напрасно и ошибочно тратятся на производство такого рода вещей, не уменьшаясь въ качествѣ и количествѣ, будутъ примѣняться болѣе правильнымъ образомъ.

Богатство нынѣ существующее въ мірѣ, хотя и размѣненное по мелочамъ, не только не уменьшится въ общей своей массѣ, но вѣроятно даже пріумножится.

Таковъ выводъ, который въ дѣйствительности демократы, не какъ политическіе агитаторы, а какъ болѣе серіозные мыслители, дѣлаютъ изъ доктрины о богатствѣ какъ продуктѣ труда.

Намъ поэтому съ этой точки зрѣнія и надлежитъ приступить къ изслѣдованію внутренней сущности этой доктрины.

Прежде всего, при самомъ поверхностномъ съ нею ознакомленіи ясно, что она содержитъ въ себѣ утвержденіе того, что количество искусства и труда ежегодно затрачиваемаго въ данномъ обществѣ не зависитъ отъ тѣхъ цѣлей, на которыя они направлены; и

ЦАБ "Автограф"

хотя бы послѣднія и видоизмѣнились, количество искусства и труда останется то же.

Въ свою очередь утвержденіе это сводится къ слѣдующему, еще болѣе простому, положенію о томъ, что люди, которые не трудятся—это противоестественный и искусственно созданный классъ населенія, и что человѣкъ, *по естественному влеченію*, по мѣрѣ возможности и если тому не встрѣтится какихъ-либо особыхъ препятствій, будетъ несомнѣнно примѣнять и развивать свои силы и способности. Иными словами, доктрина о богатствѣ, какъ продуктѣ труда, есть, по существу своему, утвержденіе, касающееся человѣческой *природы*. Она провозглашаетъ, что человѣкъ имѣетъ естественную склонность къ труду, что человѣческое общество, по природѣ своей, есть общеніе людей для труда, и, что отъ даннаго числа людей, при отсутствіи какихъ-либо особыхъ препятствій,—неизбѣжно должна получиться опредѣленная сумма труда.

Мы можемъ слѣдовательно разсчитывать на то, что человѣкъ станетъ трудиться, точно такъ же какъ мы можемъ разчитывать на то, что онъ будетъ ѣсть; фактъ этотъ признается безспорнымъ соціальными мыслителями, и на немъ они строятъ всѣ свои дальнѣйшія умозаключенія.

ЦАБ "Автограф"

Здѣсь, наконецъ, мы находимъ то, чего мы такъ долго искали.

Шагъ за шагомъ прослѣдили мы всю теорію демократовъ; восходя постепенно къ первоосновамъ ихъ умозаключеній, мы послѣдовательно, хотя и въ обратномъ порядкѣ, познакомились со всѣми доктринами, составляющими сущность ихъ ученія, и теперь, наконецъ, пришли къ тому основному положенію; изъ котораго всѣ они вытекаютъ и которое является логическимъ базисомъ всего демократическаго ученія.

Воззрѣніе на человѣка, какъ на *существо естественно склонное къ труду*, и признаніе этой склонности несомнѣннымъ соціальнымъ фактомъ, является логическою основой всѣхъ доктринъ, которыя въ настоящее время исходятъ отъ присяжной партіи прогресса.

Истинность или ложность всей доктрины о соціальномъ равенствѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и всей демократической теоріи вообще, зависитъ отъ основательности этого воззрѣнія.

Такимъ образомъ, все наше изслѣдованіе сводится въ сущности къ единственному вопросу о томъ: основательно ли это воззрѣніе или нѣтъ, и каково его отношеніе къ фактамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни?

Несмотря на то, что, какъ мы видѣли, воз-

ЦАБ "Автограф"

зрѣніе это лежитъ въ основѣ всей аргументаціи демократизма, весьма немногіе, надо думать, теоретическіе защитники этихъ ученій выясняли себѣ его въ совершенно точной и опредѣленной формѣ. Мы принуждены такъ думать, ибо ничѣмъ инымъ нельзя себѣ объснить того факта, что цѣлая группа мыслителей могла допускать, а тѣмъ болѣе брать логическимъ основаніемъ своихъ умозаключеній воззрѣніе столь глубоко ложное.

При этомъ надо еще замѣтить, что не одни только демократы впадаютъ въ подобную ошибку.

Изслѣдователи по другимъ вопросамъ въ той же области мысли касались того же ложнаго воззрѣнія, и хотя они и не брали его въ основу своихъ разсужденій, но они или не замѣчали его, или же оставляли его безъ надлежащаго разъясненія.

По моему глубокому убѣжденію мало есть столь поразительныхъ явленій въ области современной науки, какъ это своеобразное игнорированіе вышеизложеннаго воззрѣнія.

Ложь самаго опаснаго свойства стоитъ посреди всѣхъ разсужденій нашихъ современныхъ мыслителей, стоитъ совершенно спокойно, точно играетъ съ ними въ прятки, а они всѣ ходятъ кругомъ и около, почти касаются

ЦАБ "Автограф"

ея и все-таки какъ будто и не подозрѣваютъ объ ея существованіи.

Чѣмъ болѣе я объ этомъ размышляю, тѣмъ болѣе страннымъ кажется мнѣ такое положеніе вещей, ибо нѣтъ, повидимому, лжи болѣе трудно скрываемой, чѣмъ эта, нѣтъ лжи болѣе нея противорѣчащей общеизвѣстнымъ научнымъ истинамъ.

Къ этому надо еще присовокупить, что въ иномъ видѣ и въ другой области знанія ложь эта не только была обнаружена, но въ должной мѣрѣ обличена. Вся современная психологія—не что иное какъ подробное и подавляющее опроверженіе ея. Но, исключенная изъ одной области мысли, она, слегка замаскированная, появилась въ другой. Ложь, которая вчера, обнаженная, была изгнана психологіей, сегодня въ новой одеждѣ фигурируетъ, какъ основная истина во всякихъ соціальныхъ умозрѣніяхъ.

Для того, чтобъ убѣдиться, что я не преувеличиваю, разсмотримъ вышеуказанное воззрѣніе съ психологической точки зрѣнія.

Согласно ему, человѣкъ есть существо естественно склонное къ труду. Разъ нѣтъ какихъ-либо особыхъ препятствій, онъ будетъ работать по мѣрѣ своихъ силъ, независимо отъ того, какое направленіе дадутъ его труду,

ЦАБ "Автограф"

подобно рѣкѣ, которая также будетъ катить свои воды, какого бы рода мельницы мы на ней ни построили.

Иными словами, склонность человѣка къ труду совершенно независима отъ окружающихъ его условій; но такъ какъ условія его жизни являются, какъ извѣстно, мотивами его дѣятельности, то поэтому, съ точки зрѣнія психологической, доктрина о естественной склонности человѣка къ труду есть не что̀ иное какъ утвержденіе, что трудъ людской—такого рода актъ, который производится человѣкомъ безъ опредѣленнаго мотива. Тѣ или иные мотивы могутъ вліять на *направленія* труда, но не порождаютъ его. Трудъ возникаетъ по совершенно иной причинѣ, которая заключается въ томъ, что трудъ также свойственъ человѣческой природѣ, какъ голодъ или жажда, и поэтому такъ же мало, какъ и эти послѣдніе, зависитъ отъ какихъ-либо внѣшнихъ, окружающихъ человѣка, условій.

Будь такого рода теорія изложена въ какомъ-либо сочиненіи по психологіи—вся чудовищность ея сразу стала бы очевидна.

Но когда она связана съ рядомъ конкретныхъ фактовъ и заключеній, когда ее выставляютъ не какъ психологическую теорію, а какъ доктрину, соціальную и экономическую, ложность ея какъ будто скрывается.

ЦАБ "Автограф"

Чѣмъ объяснить себѣ такое явленіе?

Я полагаю, что оно объясняется тѣмъ, что, при созданіи своихъ ученій, демократы работаютъ не столько умомъ, сколько воображеніемъ; къ логическому разсужденію они прибѣгаютъ лишь впослѣдствіи, для подтвержденія готовыхъ уже идеаловъ и воззрѣній.

Первою картиной, которая въ этомъ отношеніи поражаетъ воображеніе демократа, является представленіе о двухъ противоположныхъ типахъ людей: того, кто *работаетъ* и того, кто *не работаетъ*. Ихъ онъ и беретъ, какъ базисъ раздѣленія всего современнаго общества на двѣ части. Изъ этого перваго представленія демократъ дѣлаетъ слѣдующій простой выводъ, что разъ никто не могъ бы существовать безъ извѣстной затраты труда, то очевидно, что человѣкъ, который не трудится, существуетъ благодаря труду другого, и еслибъ этотъ другой пересталъ его поддерживать, онъ несомнѣнно принужденъ былъ бы самъ взяться за работу.

Въ этомъ несложномъ представленіи и простомъ выводѣ изъ него можно, по моему мнѣнію, прослѣдить первичный источникъ возникновенія демократической теоріи о трудѣ.

Нельзя отрицать, что въ выводѣ этомъ содержится нѣкоторая доля истины.

ЦАБ "Автограф"

Но вся суть въ томъ, что эта доля истины весьма незначительна и простирается лишь на опредѣленный кругъ явленій.

Главная ошибка демократовъ и заключается поэтому въ томъ, что, не замѣчая предѣловъ вѣрности этого вывода, они распространяютъ его на кругъ явленій, гдѣ онъ сразу оказывается чудовищно-ложнымъ.

Истинность вышеуказаннаго вывода состоитъ въ томъ, что, если у человѣка нѣтъ подъ руками плодовъ труда другихъ людей и онъ хочетъ жить—ему неизбѣжно придется поработать немного самому, ибо иначе онъ долженъ умереть отъ голода и холода.

Изъ этой, самой по себѣ вѣрной, мысли демократы сразу дѣлаютъ слѣдующее широкое обобщеніе: человѣкъ естественно, если не окажется къ тому какихъ-либо особыхъ препятствій, склоненъ къ труду и будетъ трудиться такъ же, какъ нынѣ работаетъ поденщикъ, а потому человѣкъ всегда будетъ работать независимо отъ того, на что вы направите его трудъ.

Вотъ что разумѣютъ демократы, утверждая, что богатство есть продуктъ труда, а человѣкъ есть существо, имѣющее естественную склонность къ труду.

Какъ мы видѣли, такого обобщенія нельзя

ЦАБ "Автограф"

сдѣлать изъ первоначальнаго разсужденія демократовъ. Изъ него можно вывести лишь заключеніе, что человѣкъ несомнѣнно будетъ работать поскольку нужно для обезпеченія своего существованія.

На эту сумму труда мы дѣйствительно можемъ разсчитывать.

Но посмотримъ: почему? Мы можемъ ожидать отъ человѣка этой суммы труда потому, что мы постоянно можемъ разсчитывать на существованіе извѣстныхъ потребностей въ человѣкѣ.

Поэтому, выражаясь точнѣе, можно сказать, что человѣкъ естественно склоненъ исполнить лишь то количество труда, которое является точнымъ эквивалентомъ тѣхъ естественныхъ нуждъ, которыхъ человѣку нельзя не удовлетворять.

Весь же трудъ, который превышаетъ эту норму, человѣкъ исполняетъ только вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ, и до тѣхъ поръ, пока мы ихъ не знаемъ, мы не можемъ судить и о самомъ этомъ трудѣ.

Въ послѣдующемъ нашемъ изслѣдованіи мы должны, кромѣ того, имѣть еще въ виду, что хотя и возможно разсчитывать на указанный минимумъ труда, который свойственно производить человѣку, но даже и этотъ минимумъ

ЦАБ "Автограф"

зависитъ въ значительной степени отъ внѣшнихъ условій, и труда не было бы вовсе, не явись они мотивами для него.

Представимъ себѣ, напримѣръ, голоднаго человѣка въ тюрьмѣ, гдѣ нельзя никоимъ образомъ достать пищи, и онъ бы это зналъ. Внутренняя естественная потребность была бы на лицо, но труда бы не было, такъ какъ не было бы мотивовъ для работы.

Мотивъ есть совокупность двухъ элементовъ, изъ которыхъ внутренняя потребность только одинъ; другимъ же элементомъ являются тѣ внѣшніе способы, которыми можетъ быть удовлетворена эта потребность, и разъ нѣтъ этого послѣдняго элемента, не будетъ и самаго труда.

Если бы нашъ голодный узникъ зналъ, что гдѣ-нибудь въ выбоинѣ кирпичной стѣны спрятана пища, онъ искровянилъ бы себѣ руки, стараясь вынуть кирпичи; но если онъ увидитъ, что стѣны его тюрьмы изъ сплошнаго гранита и онъ не можетъ питать такой надежды, онъ, если въ здравомъ умѣ, пальцемъ не прикоснется къ холодному камню. Трудъ при такихъ условіяхъ не только не явится для него естественнымъ, но прямо-таки будетъ немыслимъ. Мотива для труда не будетъ, и человѣкъ будетъ пребывать въ бездѣйствіи.

ЦАБ "Автограф"

Такимъ образомъ, даже и тотъ минимумъ труда, который свойственно, повидимому, производить человѣку, не является, строго говоря, естественною прирожденною чертой его природы; и если мы можемъ признать, что въ такомъ утвержденіи есть нѣкоторая доля истины, то этимъ мы никакъ не отрицаемъ того, что трудъ зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а лишь констатируемъ тотъ фактъ, что обстоятельства и условія, порождающія эту форму труда, въ дѣйствительности существуютъ повсюду.

Иными словами, человѣкъ потому неизмѣнно будетъ работать для своего пропитанія, что всюду, гдѣ онъ живетъ, есть возможность заработать трудомъ свой хлѣбъ насущный.

Подведемъ же теперь итогъ всѣмъ предшествовавшимъ разсужденіямъ и, съ точки зрѣнія полученныхъ выводовъ, разсмотримъ изслѣдуемую нами, великую по мнѣнію многихъ, доктрину, являющуюся основнымъ базисомъ всего ученія современной демократіи—доктрину о томъ, *что богатство есть продуктъ труда.*

Сдѣлавъ это, мы не замедлимъ убѣдиться, что эта доктрина, на которую неизмѣнно ссылаются и политическіе агитаторы, и теоретическіе мыслители, выставляя ее предъ лицомъ всего міра, какъ новое соціальное евангеліе,

ЦАБ "Автограф"

какъ провозвѣстникъ грядущаго благополучія для народныхъ массъ,—оказывается, по тщательномъ ея анализѣ и по расчлененіи ея на составные элементы, ученіемъ совершенно противорѣчащимъ всякимъ выводамъ современной науки и тѣмъ болѣе безобразнымъ, чѣмъ глубже мы будемъ вникать въ его сущность. Она окажется или прямымъ противорѣчіемъ дѣйствительнымъ фактамъ и явленіямъ жизни, или же такого рода теоріей, которая не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительности.

Она или ложь, или же логическій абсурдъ.

Если мы будемъ говорить о трудѣ людскомъ въ томъ смыслѣ, какъ это только-что было разъяснено—то-есть разумѣя, что человѣкъ имѣетъ естественную склонность къ труду лишь постольку, поскольку онъ побуждается къ этому какимъ-либо мотивомъ,—тогда это ученіе, не будучи логическимъ абсурдомъ, явится совершенною ложью, такъ какъ трудъ въ этомъ смыслѣ,—какъ мы видѣли,—будетъ производить не богатство (wealth), а нѣчто прямо противоположное богатству—именно средства къ тому, чтобы поддержать свою жизнь и только (a bare subsistence).

Если же мы станемъ говорить о трудѣ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ демократы,

ЦАБ "Автограф"

какъ о первичномъ и неизсякаемомъ источникѣ производства матеріальныхъ благъ, и если, исходя изъ такого воззрѣнія на трудъ, намъ скажутъ, что онъ произвелъ или можетъ произвести что̀ бы то ни было, тогда ученіе это является не болѣе какъ логическимъ абсурдомъ, противорѣча основной истинѣ, незыблемо установленной психологіей и которая одинаково исповѣдуется какъ защитниками, такъ и противниками существованія свободной воли человѣка—именно той истинѣ, что всякое дѣйствіе человѣка происходитъ вслѣдствіе какого-либо мотива, и что, допуская даже существованіе самой свободной воли человѣка, вся эта свобода сведется все-таки лишь къ свободѣ выбора между тѣми или другими мотивами, но никогда не выразится въ томъ, что человѣкъ станетъ дѣйствовать безъ всякихъ мотивовъ...

На этомъ, съ формальной точки зрѣнія, мнѣ слѣдовало бы закончить критическую часть моего изслѣдованія.

Но въ дѣйствительности мнѣ необходимо сказать еще нѣсколько словъ.

Мы дошли, наконецъ, до самаго корня всего ученія демократизма и нашли, что корнемъ этимъ является одно глубоко-ложное теоретическое положеніе.

Весьма вѣроятно, что читатель согласился

ЦАБ "Автограф"

съ каждымъ изъ моихъ разсужденій взятымъ порознь, но когда мы, наконецъ, достигли до конца нашего изслѣдованія, и вся ошибочность и ложность основной доктрины демократизма надлежащимъ образомъ выяснена,— ошибочность и ложность эти станутъ столь очевидны, что въ большинствѣ читателей несомнѣнно явится сомнѣніе:—да неужели кто-нибудь серіозно могъ брать подобную доктрину въ основу своихъ разсужденій, неужели она дѣйствительно является корнемъ всей демократической теоріи, и не сражались ли мы, въ концѣ концовъ, во всѣхъ предшествовавшихъ нашихъ разсужденіяхъ, съ вѣтряными мельницами?..

Пока сомнѣніе это не будетъ совершенно устранено, нельзя считать оконченнымъ наше изслѣдованіе теоріи демократизма, и поэтому я долженъ просить читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующій фактъ.

Гербертъ Спенсеръ въ своемъ трудѣ *Соціологія какъ предметъ изученія* (*The Study of Sociology* *) касается именно вопроса объ источникѣ производства того, что демократы разумѣютъ подъ богатствомъ (wealth) и для этой цѣли приводитъ прекрасный примѣръ «маши-

*) Русскій переводъ—*Соціологія какъ предметъ изученія*. Петербургъ 1896 г., страницы 124 и слѣд.

ЦАБ "Автограф"

ны Уолтера», на которой печатается газета *Times*.

Я говорю, что примѣръ этотъ великолѣпенъ, потому что машина Уолтера производитъ не предметы аристократической роскоши, а газету, слѣдовательно, предметъ первой необходимости идеальнаго демократическаго существованія.

Итакъ, г. Спенсеръ предлагаетъ намъ прослѣдить, какъ возникъ «станокъ Уолтера». Большинство, онъ полагаетъ, не имѣетъ объ этомъ понятія, и поэтому онъ приступаетъ къ послѣдовательному разсмотрѣнію этого вопроса.

«Прежде всего,—пишетъ онъ,—автоматическая книгопечатная машина происходитъ по «прямой линіи отъ другой автоматической машины... изъ которыхъ каждая предполагаетъ «другія ранѣе сдѣланныя»... Затѣмъ, послѣдовательно отыскивая еще болѣе отдаленные антецеденты, онъ находитъ родоначальника книгопечатныхъ машинъ въ ручномъ печатномъ станкѣ, который послѣдовательно улучшался съ каждымъ поколѣніемъ.

«Но это,—говоритъ Спенсеръ,—еще только небольшая часть вопроса». Онъ указываетъ, что для возникновенія «станка Уолтера» не только было необходимо существованіе

ЦАБ "Автограф"

прежнихъ станковъ, но и наличіе тѣхъ машинъ, которыми онъ могъ быть исполненъ; у этихъ же машинъ также есть своя генетическая линія. Затѣмъ онъ напоминаетъ намъ, что «станокъ Уолтера» былъ бы безполезенъ, еслибы не была изобрѣтена машина для бумажнаго производства, которая можетъ выдѣлывать листы почти безкопечной длины. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, сюда входитъ и происхожденіе машины для бумажнаго производства». Въ заключеніе онъ присовокупляетъ нѣсколько словъ объ обиліи желѣза въ Англіи, которое было главною причиной столь сильнаго развитія англійскаго машиностроенія.

Здѣсь онъ останавливается въ своемъ изслѣдованіи, чтобы сказать намъ, что оно еще не окончено. При созданіи «станка Уолтера» дѣйствовали также и нравственныя причины. «Безъ готовности,—пишетъ онъ,—жертвовать настоящимъ спокойствіемъ для будущаго благосостоянія, готовности, которой требуетъ всякая предпріимчивость, никогда бы не могла появиться машина, о которой идетъ рѣчь... Еслибы не было механиковъ-инженеровъ, достаточно хорошо выполняющихъ свои обязательства, съ точностью исполняя порученную имъ работу, то не было бы ни этой машины, ни машинъ, которыя ее сдѣлали, и еслибы не было

ЦАБ "Автограф"

добросовѣстныхъ рабочихъ, то ни одинъ мастеръ не могъ бы ручаться за точность работы... Слѣдовательно, это механическое произведеніе выражаетъ собою не только наше постепенно развивавшееся промышленное состояніе съ его безчисленными продуктами и способами, но также и постепенно развивавшуюся нравственную и умственную природу мастеровъ и рабочихъ»...

«Не забыли ли мы,—спрашиваетъ онъ,—еще чего-нибудь?.. Да мы еще ничего не сказали о цѣломъ отдѣлѣ чрезвычайно важныхъ соціальныхъ явленій, тѣхъ, которыя мы называемъ прогрессомъ знанія... Еслибы не существовало такого значительнаго развитія геометріи... Еслибы не было достигнуто такого развитія физики... Еслибы химія не достигла въ наши дни такихъ успѣховъ... подобная машина не могла бы возникнуть...»

«...Теперь,—восклицаетъ онъ,—мы вѣроятно дошли уже до конца?»

«Не совсѣмъ: остается еще одинъ существенный факторъ. Никто не станетъ тратить тысячи фунтовъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, преодолѣвая неудачу и тревоги, если для этого нѣтъ какого-либо сильнаго побужденія: «Станокъ Уолтера» вовсе не былъ простымъ tour de force... Для чего

ЦАБ "Автограф"

же, въ такомъ случаѣ, былъ онъ устроенъ? Для того, чтобы безъ малѣйшей задержки удовлетворить громадному спросу, печатая на одной машинѣ 16.000 экземпляровъ въ часъ».

Г. Спенсеръ слегка еще развиваетъ это положеніе и затѣмъ объявляетъ намъ, что изслѣдованіе его закончено. Онъ выяснилъ намъ всѣ причины возникновенія типичнаго образчика богатства въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ демократы.

Теперь я попрошу читателя внимательно вдуматься въ вышеизложенное изслѣдованіе Спенсера.

Оно сдѣлано человѣкомъ, котораго можно считать самымъ выдающимся изъ современныхъ нашихъ мыслителей. Мало тѣхъ отраслей, которыя не были бы имъ изучены; мало тѣхъ сужденій, которыя не были бы ему извѣстны; онъ спеціально изучалъ природу человѣка и общества... и вотъ его изслѣдованіе одного изъ самыхъ выдающихся спеціальныхъ явленій—производство матеріальныхъ благъ.

Что же мы видимъ въ этомъ изслѣдованіи?

Прежде всего насъ несомнѣнно поразитъ сложность его сравнительно съ категоричностью и ясностью основной формулы о томъ, что богатство есть продуктъ труда. Но это впечатлѣніе поверхностное, самая же сущность

ЦАБ "Автограф"

этого изслѣдованія, которую я хотѣлъ бы разъяснить читателю, заключается въ томъ, что, несмотря на все знаніе, выказанное въ немъ Гербертомъ Спенсеромъ, въ основѣ его лежитъ то же ложное теоретическое положеніе, которое является, какъ мы видѣли, корнемъ всей демократической теоріи.

Въ каждой изъ тѣхъ причинъ, которыя перечислилъ Спенсеръ, предполагается не только наличіе людского труда вообще, но еще и труда весьма разнообразнаго. Г. Спенсеръ считаетъ, что трудъ этотъ существуетъ и долженъ существовать, и хотя онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подробно разсуждаетъ о томъ, *на что* этотъ трудъ былъ направленъ, онъ ни разу не возбуждаетъ вопроса о томъ, *почему* явился этотъ трудъ.

Иными словами, въ данномъ примѣрѣ онъ, повидимому, считаетъ, что трудъ есть такого рода актъ, который можетъ происходить безъ мотива.

Онъ этого прямо не говоритъ, но несомнѣнно, что такого рода воззрѣніе на трудъ лежитъ въ основѣ всего его изслѣдованія.

Но какъ же такъ? можетъ спросить читатель; вѣдь самъ же Спенсеръ говоритъ о мотивахъ къ труду и даже объясненіемъ этого мотива заключаетъ свое изслѣдованіе?

ЦАБ "Автограф"

Дѣйствительно, г. Спенсеръ не только упоминаетъ о мотивахъ, побуждавшихъ къ производству тѣхъ или иныхъ предметовъ, но даже выставляетъ ихъ на первый планъ. Но самый фактъ, что онъ поступаетъ такимъ образомъ, служитъ только доказательствомъ ошибочности всѣхъ его разсужденій.

Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, обратимся снова къ его изслѣдованію.

Итакъ, прежде всего, изъ тѣхъ безчисленныхъ актовъ, которые, какъ онъ разъяснилъ намъ, были необходимы для созданія «станка Уолтера», онъ считаетъ нужнымъ коснуться мотивовъ только одного---именно мотивовъ дѣятельности самого изобрѣтателя этой машины.

Дѣятельность всѣхъ изобрѣтателей, которые были раньше---трудъ всѣхъ углекоповъ, литейщиковъ, химиковъ и инженеровъ,---принимается какъ нѣчто само собою понятное и не нуждающееся поэтому ни въ какихъ объясненіяхъ.

Но оставляя въ сторонѣ этотъ маленькій пробѣлъ, посмотримъ, что разумѣетъ подъ мотивомъ поступка г. Спенсеръ тамъ, гдѣ онъ считаетъ необходимымъ его коснуться.

Изобрѣтеніе и усовершенствованіе «станка Уолтера», говоритъ г. Спенсеръ, потребовало упорнаго и продолжительнаго труда со сто-

ЦАБ "Автограф"

роны изобрѣтателя, и человѣкъ этотъ трудился такимъ образомъ потому, что побуждаемъ былъ къ этому извѣстнымъ мотивомъ. Въ чемъ же, по мнѣнію Спенсера, заключался этотъ мотивъ?

Мотивомъ этимъ, по его словамъ, было желаніе, чтобы газета *Times* печаталась въ количествѣ 16.000 экземпляровъ въ часъ, или, какъ онъ говоритъ далѣе, стремленіе удовлетворить потребность публики въ такомъ именно количествѣ экземпляровъ газеты. Но здѣсь г. Спенсеръ впадаетъ въ ошибку, очевидно смѣшивая двѣ вещи: мотивы даннаго поступка и цѣль его.

Цѣль каждаго даннаго акта есть объективная причина его, а мотивы этого акта---субъективныя его причины.

Первая заставляетъ человѣка давать то или иное направленіе своей дѣятельности, послѣднія же заставляютъ дѣйствовать человѣка вообще и выводятъ его изъ естественнаго состоянія бездѣйствія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти объективныя и субъективныя причины поступковъ могутъ совпадать, но по существу они совершенно различны и, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ различны и на практикѣ.

Такъ при изобрѣтеніи «станка Уолтера» стремленіе удовлетворить вышеуказанную потребность публики несомнѣнно было *цѣлью*

ЦАБ "Автограф"

изобрѣтателя, но стремленіе это не было мотивомъ къ тому, что онъ началъ работать.

Мотивомъ даннаго труда было не то, что онъ желалъ его исполнить, а то, почему возникло въ немъ подобное желаніе.

Этимъ мотивомъ могло быть дѣйствительно безкорыстное его стремленіе къ тому, что кто бы ни пожелалъ имѣть *Times*, могъ бы всегда получить экземпляръ этой газеты, и въ данномъ случаѣ мотивы и цѣль его дѣятельности случайно бы совпадали. Но даже и здѣсь они были бы глубоко различны по существу, такъ какъ нельзя было бы назвать мотивомъ то, что мы охарактеризовали какъ цѣль его поступка.

Въ данномъ случаѣ намъ пришлось бы пріурочить этотъ мотивъ къ какой-нибудь необычайной чертѣ его характера, къ той чрезмѣрной заботливости о всеобщемъ благѣ, которая наполняла бы его сердце.

Я полагаю, однако, что мы не обидимъ нашего изобрѣтателя, если не припишемъ ему столь необычайныхъ чувствованій, а если скажемъ, что мотивомъ его было заработать деньги; если мы скажемъ, что въ то время, какъ *цѣлью* его дѣятельности было стремленіе доставить нѣкоторое удобство обществу, *мотивомъ* его было желаніе получить для себя что-либо взамѣнъ отъ того же общества.

ЦАБ "Автограф"

Этимъ ли именно мотивомъ руководствовался изобрѣтатель или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ мотивомъ къ его дѣятельности было нѣчто такое, о чемъ г. Спенсеръ не говоритъ ни слова---это было нѣкоторое внутреннее стремленіе къ дѣятельности, вызванное извѣстными внѣшними обстоятельствами, и мотивъ его дѣятельности является точнымъ результатомъ взаимодѣйствія этихъ внѣшнихъ условій, съ одной стороны, и свойствъ характера нашего изобрѣтателя, съ другой.

И это относится не только къ изобрѣтателю, но и ко всему тому громадному числу лицъ, трудъ которыхъ былъ необходимъ, какъ намъ разъяснилъ г. Спенсеръ, для созданія «станка Уолтера».

Не будь какого-нибудь мотива для дѣятельности, ни одинъ изъ нихъ не двинулъ бы пальцемъ.

Мотивъ же, побудившій каждаго изъ нихъ приняться за работу---углекопа взяться за мотыгу, кочегара начать топить котелъ, химика начать оперировать со своими ретортами---былъ не что иное, какъ точный результатъ взаимодѣйствія естественныхъ свойствъ характера лица и окружающихъ его въ данную минуту внѣшнихъ условій, взаимодѣйствіе тѣхъ потребностей, которыя онъ можетъ ощущать,

ЦАБ "Автограф"

тѣхъ способовъ, которые въ данное время находятся въ его распоряженіи для ихъ удовлетворенія.

Въ этомъ именно, и ни въ чемъ другомъ, и заключается основной источникъ не только человѣческаго труда, но и всего поступательнаго движенія человѣческаго развитія, и объ этомъ элементѣ г. Спенсеръ не говоритъ ни слова въ своемъ изслѣдованіи.

Этотъ элементъ, надо думать, извѣстенъ ему какъ психологу, но онъ совершенно забываетъ его въ качествѣ соціолога, и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ онъ ни разу даже о немъ не упоминаетъ.

Но что сказать на это?

То именно, что уже я имѣлъ случай высказать: то глубоко-ложное теоретическое положеніе, лежащее въ основѣ демократическаго ученія, которое, разъ обнаружена его ошибочность, кажется столь чудовищнымъ, что нельзя себѣ представить, чтобы разумное существо защищало его, а тѣмъ менѣе клало бы въ основу цѣлой соціальной системы,— это положеніе, какъ мы видѣли, является логическимъ базисомъ въ разсужденіяхъ того именно мыслителя, который болѣе чѣмъ кто-либо иной могъ бы выяснить всю ложность этого положенія, еслибъ онъ только далъ себѣ

ЦАБ "Автограф"

трудъ обнаружить его присутствіе въ собственныхъ своихъ соціологическихъ этюдахъ.

Разъ же такой мыслитель, какъ Гербертъ Спенсеръ, могъ, въ чемъ надѣюсь читатель убѣдился, допустить такую ошибку, намъ станетъ понятнѣе, что г. Брайтъ положилъ эту же ложь въ основу своихъ разсужденій, и мы вполнѣ уяснимъ себѣ тотъ фактъ, почему, разъ у г. Брайта хватаетъ силы проповѣдывать эту ложную доктрину, находятся милліоны людей, готовыхъ съ жадностью воспринять ее и дѣйствовать сообразно ея завѣтамъ...

Подводя итоги всему, что было до сихъ поръ нами сказано, намъ надлежитъ установить слѣдующіе практическіе выводы изъ предшествовавшихъ разсужденій.

Вмѣсто основной лжи, являющейся базисомъ всей лже-науки демократизма, мы должны поставить основную истину, выработанную настоящею соціальною наукой.

Лже-наука исходитъ изъ основного утвержденія, что человѣкъ есть существо естественно склонное къ труду.

Истинная же наука исходитъ, наоборотъ, изъ основного положенія, что человѣкъ есть существо, у котораго нѣтъ никакой подобной склонности, и который будетъ проявлять стремленіе къ труду лишь подъ давленіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій.

ЦАБ "Автограф"

Разъ не будетъ этихъ внѣшнихъ условій, истинная наука разсматриваетъ человѣка какъ существо еле одушевленное; она допускаетъ въ немъ способность къ растительной жизни и сознаніе такого существованія, но поскольку вопросъ идетъ о какомъ бы то ни было проявленіи активной дѣятельности,—человѣкъ, изъятый ото всякаго вліянія внѣшнихъ условій, будетъ фактически мертвъ. Онъ не двинетъ ни рукой, ни головой и не сдѣлаетъ ни шагу ни впередъ, ни назадъ. Онъ будетъ недвижимъ, ибо у него не будетъ мотивовъ, которые заставляли бы его двигаться.

Если мы хотимъ истинно-научнымъ путемъ выяснить источники и причины возникновенія богатствъ и причины прогресса нашей матеріальной цивилизаціи, мы должны исходить именно изъ такого воззрѣнія на человѣческое существо. Мы должны въ умѣ своемъ лишить его всѣхъ тѣхъ свойствъ и способностей, которыя свойственны ему, какъ существу трудящемуся.

Мы должны смотрѣть на него, какъ на кочанъ капусты, ибо онъ такъ же мало будетъ имѣть склонности и возможности сдѣлать какое-либо усиліе...

Представимъ себѣ фигуру и личность Наполеона, вспомнимъ о той непоколебимой энер-

ЦАБ "Автограф"

гіи, которую онъ проявлялъ повсюду, и остановимся надъ вопросомъ—почему эта энергія ни разу его не покинула?

Потому, что гдѣ бы онъ ни былъ, онъ былъ окруженъ извѣстными внѣшними условіями... Устремите эти внѣшнія условія вполнѣ и совершенно—и тотъ же могучій человѣкъ станетъ такъ же неподвиженъ, какъ восковая кукла въ музеѣ. Но стоитъ взять эту инертную массу и снова поставить ее въ прежнія условія, и немедленно же, во мгновеніе ока, появится цѣлый легіонъ различныхъ мотивовъ, и недвижимое тѣло вновь воспрянетъ къ кипучей дѣятельности...

Такимъ образомъ, разъ мы установили, что, при отсутствіи какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, человѣкъ не будетъ имѣть мотива для дѣятельности, если же не будетъ мотива, онъ такъ же мало будетъ имѣть побужденій къ труду, какъ восковая кукла или кочанъ капусты, мы должны придти къ заключенію, что богатство такъ же мало есть продуктъ труда, какъ *Гамлетъ* является продуктомъ того пера, которымъ его писалъ Шекспиръ.

Первичные источники богатства лежатъ въ тѣхъ мотивахъ, которые побуждаютъ человѣка къ дѣятельности, трудъ же людской есть не болѣе какъ внѣшнее проявленіе этихъ мотивовъ.

ЦАБ "Автограф"

Сами же мотивы, какъ мы видѣли, являются результатомъ взаимодѣйствія двухъ вещей: природныхъ свойствъ характера человѣка, съ одной стороны, и тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя его окружаютъ, съ другой.

Поэтому источниковъ богатства въ концѣ концовъ надлежитъ искать въ этихъ двухъ группахъ явленій, и мы найдемъ ихъ лишь, когда тѣмъ или инымъ способомъ намъ удастся установить систематическую связь возникновенія богатства съ природными свойствами людского характера, съ одной стороны, и съ окружающими насъ внѣшними условіями жизни, съ другой.

Этотъ вопросъ до сего времени не былъ возбуждаемъ, и именно всестороннее выясненіе его и должно составить предметъ той новой науки, о которой я упоминалъ въ началѣ моего труда.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА III.

ОСНОВА ПРАВИЛЬНАГО НАУЧНАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Въ предыдущей главѣ мы выяснили всю ложность аргументаціи демократизма; начнемъ же теперь искать основаній для истинно-научнаго изслѣдованія вопроса.

Одно изъ этихъ основаній мы уже нашли и формулировали: именно, то, что всякій трудъ возникаетъ вслѣдствіе какого-либо мотива, и что мотивъ людскихъ поступковъ является результатомъ взаимодѣйствія характера человѣка и окружающихъ его внѣшнихъ условій.

Въ этомъ видѣ мысль эта едва-ли можетъ возбудить чьи-либо возраженія. Если демократы упустили изъ виду это соображеніе въ своихъ аргументаціяхъ, то это произошло совершенно случайно; въ сущности же они навѣрное не станутъ опровергать истинности этой мысли, разъ она будетъ предложена ихъ обсужденію въ такой ясной и опредѣленной формѣ. Поэтому мы можемъ считать истинность

ЦАБ "Автограф"

вышеизложеннаго основанія стоящею внѣ сомнѣнія.

Но прежде чѣмъ начать дѣлать дальнѣйшіе выводы изъ этого основнаго положенія, мы должны формулировать его нѣсколько подробнѣе и точнѣе.

Намъ недостаточно сказать, что всякій трудъ возникаетъ благодаря какому-нибудь мотиву; мы должны еще имѣть въ виду, что связь эта такъ тѣсна и неразрывна, что для всякой данной разновидности труда является результатомъ соотвѣтственнаго измѣненія въ мотивахъ побуждающихъ человѣка къ этому труду.

Въ этомъ видѣ основное наше положеніе уже перестаетъ быть труизмомъ, такъ какъ оно можетъ имѣть нѣсколько совершенно различныхъ толкованій, и поэтому намъ во всякомъ случаѣ придется подкрѣпить соотвѣтственными доказательствами то изъ нихъ которое окажется истиннымъ.

Итакъ, разсмотримъ сначала, каковы могутъ быть тѣ различныя толкованія которыя можетъ имѣть вышеизложенное положеніе въ подобной формулировкѣ. Причина возникновенія этихъ различныхъ толкованій лежитъ въ томъ, что мотивы побуждающіе человѣка къ труду весьма сложны и многообразны. Поэтому намъ прежде всего, необходимо внимательно анали-

ЦАБ "Автограф"

зировать внутреннюю сущность этихъ мотивовъ.

Мы уже говорили, что мотивъ есть точный результатъ взаимодѣйствія *характера* человѣка и *внѣшнихъ условій*, въ которыя онъ поставленъ; теперь же намъ надо будетъ болѣе точно формулировать эту мысль.

Необходимо имѣть въ виду, что когда мы говоримъ о характерѣ человѣка, мы подразумѣваемъ не одну, но двѣ категоріи свойствъ его составляющихъ.

Мы разумѣемъ не только доброту или злобность, эгоизмъ или альтруизмъ, милосердіе или жестокость, но также мудрость или сумасбродство, умъ или глупость, и даже такія свойства, какъ, напримѣръ, физическая ловкость и выносливость.

Иными словами — человѣческій характеръ состоитъ изъ *желаній* человѣка, съ одной стороны, и *способностей* его—съ другой, и эти два составные его элемента существенно отличны одинъ отъ другого.

Поэтому, подвергнувъ анализу внутреннюю сущность мотивовъ, побуждающихъ человѣка къ труду, намъ надо сказать, что мотивы эти являются результатомъ взаимодѣйствія не двухъ, какъ мы раньше говорили, а трехъ составныхъ элементовъ:—*внѣшнихъ условій*, окружа-

ЦАБ "Автограф"

ющихъ даннаго человѣка, съ одной стороны, и его *желаній* и его *способностей*—съ другой. *)

Возьмемъ, напримѣръ, химика, который за большія деньги руководитъ какимъ-нибудь производствомъ на заводѣ, и разсмотримъ въ чемъ заключаются мотивы его дѣятельности.

Вопервыхъ, намъ станетъ ясно, что для того, чтобъ исполнять такого рода обязанность онъ долженъ имѣть извѣстныя способности, ибо, не имѣя ихъ, онъ принялся бы за какой-нибудь иной трудъ.

Вовторыхъ, несомнѣнно, что чѣмъ больше эти его способности, тѣмъ менѣе вѣроятія,

*) Хотя я уже говорилъ объ этомъ въ предыдущемъ изложеніи, тѣмъ не менѣе считаю необходимымъ еще разъ обратить вниманіе на то, что, придавая значеніе внѣшнимъ окружающимъ человѣка условіямъ въ смыслѣ вліянія ихъ на его дѣятельность, я нисколько не отрицаю свободы воли въ человѣкѣ. Поэтому читатель, который по религіознымъ или инымъ какимъ-либо основаніямъ убѣжденъ въ свободѣ воли человѣка, не найдетъ ничего противорѣчащаго своимъ убѣжденіямъ въ изложенныхъ мною сужденіяхъ. Свободна ли воля или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ *нѣкоторые мотивы являются условіемъ* sine qua non для того, чтобы человѣкъ началъ дѣйствовать. Вся же свобода воли заключается въ томъ, что онъ можетъ выбрать тотъ или иной мотивъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи. Подобно игроку въ вистъ, онъ можетъ по своему усмотрѣнію ходить съ одной изъ картъ, которыя ему сданы. Но онъ не можетъ измѣнить ихъ, и тѣмъ менѣе играть, если у него совсѣмъ не будетъ картъ въ рукахъ.

ЦАБ "Автограф"

чтобъ онъ исполнилъ эту свою,—въ общемъ довольно рутинную,—работу изъ платонической охоты къ такого рода труду; слѣдовательно, онъ дѣлаетъ ее для того, чтобы получить извѣстное вознагражденіе.

Втретьихъ, очевидно, что будь полученіе жалованья невозможно, одно желаніе заработать его, при полномъ сознаніи, что такое стремленіе неосуществимо,—не оказало бы, само по себѣ, никакого вліянія на человѣка въ смыслѣ побужденія его къ дѣятельности. Такимъ образомъ, тѣ внѣшнія условія, которыя даютъ ему возможность получать такое вознагражденіе, безусловно необходимы для того, чтобъ его стремленіе заработать эти деньги сдѣлалось дѣйствительною побудительною причиной къ тому, что человѣкъ этотъ принялся бы за работу.

Предположимъ теперь, что у химика есть братъ, который на томъ же заводѣ работаетъ въ качествѣ простого кочегара, и разсмотримъ въ чемъ заключаются мотивы его дѣятельности.

Мы встрѣтимся съ совершенно однороднымъ рядомъ фактовъ.

Для того, чтобъ исполнять такого рода трудъ, онъ, очевидно, долженъ быть къ нему способенъ; будь онъ безъ рукъ или страдая падучею, онъ не могъ бы дѣлать этой работы.

ЦАБ "Автограф"

Очевидно также, что онъ трудится не ради самаго труда, то-есть не изъ-за сентиментальной любви къ бросанію угля въ топку—а для того, чтобы получать жалованье; это же стремленіе къ полученію жалованья тогда только можетъ дѣйствительно побудить его работать, если такого рода заработокъ вообще возможенъ.

Отними мы отъ того или другого изъ этихъ людей одно изъ трехъ:—его способность, его желаніе заработать деньги, или тѣ внѣшнія условія, которыя даютъ возможность подобнаго заработка,—и мотива для дѣятельности человѣка не станетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ и самаго труда. Если же мы,—сохраняя всѣ три,—замѣнимъ лишь первый изъ этихъ элементовъ какимъ-либо другимъ,—мотивъ для дѣятельности не исчезнетъ, но онъ произведетъ уже трудъ совершенно иного рода.

Мы еще не закончили, однако, нашего изслѣдованія.

Такъ какъ трудъ химика существенно отличенъ отъ труда кочегара, то очевидно, что и въ мотивахъ, побуждающихъ каждаго изъ братьевъ къ труду, должно быть соотвѣтственное различіе.

Въ чемъ же заключается это различіе? Въ ихъ способностяхъ, въ ихъ желаніяхъ или во

ЦАБ "Автограф"

внѣшнихъ, окружающихъ ихъ, условіяхъ? Или же различіе это существуетъ въ большей или меньшей степени во всѣхъ этихъ трехъ элементахъ?.. Происходитъ ли оно отъ того, что одинъ умнѣе другого, одинъ честолюбивѣе другого, или, что одному больше платятъ, чѣмъ его брату, или же различіе въ производимомъ ими трудѣ происходитъ отъ того, что одинъ обладаетъ всѣми этими тремя преимуществами?..

Вотъ вопросъ, который подлежитъ нашему изслѣдованію.

Разъ мы говоримъ, что для производства труда различнаго рода необходимо существованіе соотвѣтственно различныхъ мотивовъ, побуждающихъ человѣка къ тому или иному труду,—мы должны опредѣлить какіе именно изъ трехъ элементовъ, составляющихъ мотивы человѣческой дѣятельности: способности человѣка, желанія его и внѣшнія окружающія его условія—являются измѣнчивыми.

Вернемся къ нашему химику и кочегару, труды которыхъ мы можемъ разсматривать какъ типичные образцы различнаго рода труда, на который способенъ человѣкъ.

Оба родились отъ однихъ и тѣхъ же родителей, вмѣстѣ воспитывались и провели раннее дѣтство въ условіяхъ приблизительно одинаковыхъ.

ЦАБ "Автограф"

Теперешнее различіе между ними произошло впослѣдствіи и постепенно.

Что же было причиной его возникновенія? Разсмотримъ возможныя на этотъ счетъ предположенія.

Прежде всего возможно, что химикъ и кочегаръ начали жизнь, имѣя одинаковыя способности, и оба одинаково понимали, что, чѣмъ болѣе они будутъ ихъ развивать, тѣмъ выше будетъ ихъ заработокъ впослѣдствіи, — но при этомъ кочегаръ былъ такъ лѣнивъ, что это стремленіе къ достиженію бо̀льшаго заработка не могло преодолѣть въ немъ склонности къ бездѣйствію; въ результатѣ онъ оказался способнымъ только къ низшимъ формамъ труда и принужденъ довольствоваться жалованьемъ, которымъ обыкновенно оплачивается подобнаго рода работа.

Вовторыхъ, возможно, что оба брата были одинаково прилежны и оба проникнуты стремленіемъ получить возможно большее вознагражденіе за свой трудъ въ будущемъ; но у нихъ были разныя способности, и хотя оба старались изо всѣхъ силъ, но результаты получились разные. Оба стремились сдѣлаться химиками; удалось же это только одному, болѣе способному.

Такимъ образомъ, различіе въ мотивахъ,

ЦАБ "Автограф"

соотвѣтствующее разному роду ихъ труда, заключалось бы въ первомъ нашемъ предположеніи въ ихъ *желаніяхъ*, а во второмъ,—въ ихъ *способностяхъ*, и въ обоихъ случаяхъ во внѣшнихъ окружающихъ ихъ условіяхъ, потому что въ обоихъ случаяхъ мы предполагали разницу въ размѣрѣ вознагражденія, получаемаго каждымъ изъ братьевъ, и то, что размѣръ этотъ видоизмѣняется сообразно роду ихъ труда.

Наконецъ, мы можемъ предположить еще третій случай. Мы можемъ предположить, что размѣръ вознагражденія, получаемаго ими, одинаковъ и что химикъ зарабатываетъ столько же, сколько и кочегаръ; но необходимо все-таки помнить, что оба они получаютъ какое-нибудь вознагражденіе, ибо не будь его, ни одинъ изъ нихъ не сталъ бы трудиться.

Здѣсь, какъ и прежде, внѣшнія условія являются существеннымъ элементомъ въ мотивахъ, побуждающихъ человѣка къ дѣятельности, но они въ данномъ случаѣ одинаковы для обоихъ братьевъ. Поэтому разницу въ мотивахъ необходимо здѣсь искать въ свойствахъ характера обоихъ этихъ людей.

Химикъ, слѣдовательно, сталъ химикомъ потому только, что любилъ химію и имѣлъ способность и далъ себѣ трудъ изучить эту на-

ЦАБ "Автограф"

уку. Кочегаръ же сталъ кочегаромъ только потому, что онъ не желалъ или не могъ приспособиться къ какому-нибудь болѣе сложному труду, и поэтому взялся за ту наиболѣе простую его форму, которою онъ случайно могъ воспользоваться.

Если мы будемъ разсматривать нашихъ двухъ братьевъ, какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а не какъ типы, то къ нимъ съ одинаковымъ основаніемъ могутъ быть примѣнены всѣ наши три предположенія, объясняющія различіе въ производимомъ ими трудѣ.

Вполнѣ возможно, что въ дѣйствительности могли существовать два брата, изъ которыхъ одинъ, зная, что онъ не заработаетъ отъ этого ни одной лишней копѣйки, тѣмъ не менѣе, изъ чистой любви къ наукѣ, трудился полжизни, чтобы стать выдающимся химикомъ, и затѣмъ согласился поступить на фабрику на то же жалованье, которое получаетъ простой кочегаръ.

Но, вполнѣ допуская возможность подобнаго случая, нельзя не отмѣтить, что это будетъ явленіемъ исключительнымъ.

Разъ же мы будемъ разсматривать нашихъ братьевъ не какъ индивидуумовъ, а какъ типы, тогда мы не можемъ принимать въ соображеніе такого рода исключительныхъ случа-

ЦАБ "Автограф"

чаевъ, а наоборотъ, должны имѣть въ виду то, что является общимъ правиломъ. Поэтому, смотря на нихъ, какъ на типы, намъ надо изслѣдовать не ту разницу въ мотивахъ, которая *могла быть* у обоихъ братьевъ, а ту, которая *была въ дѣйствительности*.

Рѣшить же этотъ послѣдній вопросъ можно лишь путемъ многосторонняго и широкаго изслѣдованія человѣческой жизни такъ, какъ она есть, и какою она была до сего времени.

Познакомившись съ различными способами, какими *могутъ* видоизмѣняться мотивы, побуждающіе человѣка къ той или иной дѣятельности, необходимо опредѣлить теперь, какое изъ этихъ видоизмѣненій въ мотивахъ *происходитъ въ дѣйствительности*, какъ общее правило въ этомъ отношеніи.

Сначала я изложу мое сужденіе по этому вопросу, а затѣмъ перейду къ послѣдовательному доказательству высказанной мною мысли.

Когда мы говоримъ, что для производства людьми различнаго рода работы необходимо существованіе соотвѣтственно различныхъ мотивовъ, побуждающихъ человѣка къ тому или иному труду, мы по отношенію къ этимъ мотивамъ подразумѣваемъ слѣдующее:

Вопервыхъ, мы разумѣемъ, что всегда существуетъ нѣкоторое различіе въ способностяхъ

ЦАБ "Автограф"

и въ желаніяхъ людей. Это, собственно говоря, столь очевидно для каждаго, что никто, навѣрное, не станетъ отрицать того, что подобное различіе неизмѣнно существуетъ въ мотивахъ, побуждающихъ различныхъ людей къ дѣятельности.

Вовторыхъ, мы разумѣемъ нѣкоторое различіе во внѣшнихъ, окружающихъ человѣка, условіяхъ.

На этотъ послѣдній элементъ приходится обратить особенное вниманіе, такъ какъ онъ является основнымъ базисомъ всѣхъ послѣдующихъ моихъ разсужденій.

По отношенію къ этому послѣднему элементу я утверждаю, что онъ является главнѣйшею составною частію мотивовъ, побуждающихъ человѣка къ труду,—что, еслибы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не было налицо соотвѣтственнаго различія въ окружающихъ человѣка условіяхъ, различія въ первыхъ двухъ составныхъ элементахъ мотивовъ человѣческой дѣятельности не имѣли бы, практически, никакого значенія;—ихъ не существовало бы въ дѣйствительности, такъ какъ различія въ желаніяхъ людей,—не будь соотвѣтственнаго различія во внѣшнихъ окружающихъ человѣка условіяхъ,—не имѣли бы подъ собою почвы, а различіе въ способностяхъ было бы незамѣтно, ибо никто не сталъ бы развивать ихъ въ себѣ.

ЦАБ "Автограф"

Иными словами, несмотря на все различіе, которое существуетъ между природными способностями и стремленіями отдѣльныхъ людей, различіе это никогда не было замѣтно, если-бы въ условіяхъ окружающей насъ жизни не было соотвѣтственнаго различія въ матеріальныхъ благахъ, которыя человѣкъ можетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Если талантъ и энергичная дѣятельность не могли бы доставить человѣку больше того, что имѣлъ бы самый лѣнивый и неразвитой индивидуумъ,—тогда всѣ люди были бы одинаково лѣнивы и неразвиты.

При такомъ положеніи вещей Колумбъ не сталъ бы дѣлать бо̀льшаго, чѣмъ дѣлаетъ простой матросъ, и если мы вернемся къ нашимъ двумъ братьямъ, мы не нашли бы уже химика между ними, такъ какъ оба они были бы кочегарами; весь міръ былъ бы живымъ кладбищемъ такихъ безмолвныхъ и никому неизвѣстныхъ Мильтоновъ и Кромвелей, которые ничего не сдѣлали для своего отечества!..

Позвольте мнѣ еще опредѣленнѣе высказать мою мысль.

Предположимъ человѣка, родившагося съ большими природными способностями. Прежде чѣмъ эти его способности могутъ оказать воздѣйствіе на его трудъ, ему необходимо до

ЦАБ "Автограф"

нѣкоторой степени развить ихъ въ самомъ себѣ. Задача эта не легкая, и отъ человѣка зависитъ выполнить ее вполнѣ или же только въ нѣкоторой части.

Такимъ образомъ, природныя способности человѣка являются мѣриломъ того, *какъ много* можетъ онъ сдѣлать, но по нимъ никоимъ образомъ нельзя судить о томъ, *какъ мало* онъ сдѣлаетъ,—быть можетъ,—въ дѣйствительности: въ этихъ максимальныхъ предѣлахъ, которые опредѣляются его способностями, отъ человѣка зависитъ та степень развитія, которую онъ имъ даетъ въ дѣйствительности.

Но чѣмъ же руководится человѣкъ при рѣшеніи подобнаго вопроса?

Онъ руководствуется стремленіемъ пріобрѣсти такимъ путемъ нѣкоторыя внѣшнія преимущества; въ свою же очередь таковое его стремленіе только тогда можетъ побудить его къ дѣятельности, если существуетъ возможность пріобрѣсти бо̀льшія или меньшія преимущества соотвѣтственно большему или меньшему развитію его природныхъ способностей, и если онъ будетъ знать, что, не развивай онъ ихъ совершенно, онъ не получитъ ни одного изъ тѣхъ благъ, которыхъ онъ для себя желаетъ.

Разсужденіе наше сводится такимъ обра-

ЦАБ "Автограф"

зомъ къ слѣдующему: способности людскія неодинаковы, — въ смыслѣ практическаго ихъ осуществленія,—потому что люди стремятся сами къ развитію такого природнаго неравенства; они стремятся къ развитію такого природнаго неравенства, потому что желаютъ поставить себя въ неравныя внѣшнія условія жизни; это же послѣднее желаніе только потому имѣетъ силу, что окружающій насъ общественный строй даетъ возможность достигнуть такого неравенства въ условіяхъ индивидуальнаго существованія.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы видимъ, что во всѣхъ разнообразныхъ мотивахъ, соотвѣтствующихъ различнымъ формамъ труда, всѣ три составные элемента этихъ мотивовъ человѣческой дѣятельности измѣнчивы.

Въ томъ, что первые два элемента измѣнчивы, никто не сомнѣвается, и потому мы можемъ признать это фактомъ доказаннымъ, но, что касается третьяго элемента, то относительно его существуетъ много сомнѣній, и именно этотъ третій элементъ и подлежитъ ближайшему нашему изслѣдованію.

Показавъ выше въ чемъ собственно заключается этотъ элементъ, я теперь слѣдующимъ образомъ формулирую ту доктрину, истинность которой я намѣренъ доказать въ послѣдующемъ изложеніи.

ЦАБ "Автограф"

Тѣ неравенства въ способностяхъ и стремленіяхъ отдѣльныхъ людей, которыя, по общему признанію, вліяютъ на различіе въ мотивахъ, побуждающихъ человѣка къ тому или иному труду,—являются сами продуктомъ неравенства во внѣшнихъ условіяхъ жизни, и не будь этого неравенства, они никогда бы не обнаружились.

Такимъ образомъ, неравенство въ этихъ внѣшнихъ, окружающихъ человѣка, условіяхъ или, что тоже, *соціальное неравенство*—является конечною причиной возникновенія не низшихъ формъ труда, ибо этотъ видъ труда будетъ существовать всегда, а всѣхъ тѣхъ видовъ труда, которые возвышаются надъ этими низшими формами его проявленія.

Формулируя это положеніе, я ни на минуту не теряю изъ виду того, что оно несомнѣнно возбудитъ сильное сомнѣніе, и что, на первый взглядъ, оно скорѣе покажется ложнымъ нежели истиннымъ, такъ какъ есть цѣлый рядъ возраженій, которыя, повидимому, могутъ его совершенно опровергнуть.

Истинность этого положенія можетъ быть доказана только на почвѣ существующихъ фактовъ, сравненіемъ съ явленіями дѣйствительной жизни, а не путемъ отвлеченныхъ разсужденій.

ЦАБ "Автограф"

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ такого рода сопоставленіе съ фактами и явленіями дѣйствительной жизни было дѣлаемо; но оно было производимо торопливо, урывками, а главное—безо всякой системы, такъ какъ предполагали, что при такого рода сопоставленіи никакой системы не можетъ и существовать.

До настоящаго времени никто не сдѣлалъ такого сопоставленія предметомъ послѣдовательнаго и самостоятельнаго изученія, никто до сего времени не отмѣтилъ совершенно опредѣленно того рода фактовъ и явленій, которыхъ должно касаться такого рода изслѣдованіе.

Вотъ почему, какъ я уже сказалъ, въ области этого вопроса существуетъ безчисленное множество личныхъ *убѣжденій*, но нѣтъ никакого *знанія*; вотъ почему на сторонѣ демократовъ фигурируетъ только лже-наука, а на сторонѣ консерваторовъ нѣтъ никакой...

Путемъ правильнаго и систематическаго изслѣдованія вопроса такое положеніе вещей можетъ совершенно видоизмѣниться.

Къ этому изслѣдованію я и намѣренъ приступить въ слѣдующемъ изложеніи.

———

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА V.

НАУКА О ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ХАРАКТЕРѢ.

Мы достигли, наконецъ, порога той новой науки, о которой я говорилъ въ началѣ моего труда. Послѣ всего изложеннаго въ предшествовавшихъ главахъ не трудно опредѣлить кругъ его вѣдѣнія.

Главный предметъ ея—установка той тѣсной связи, которая существуетъ между человѣческимъ характеромъ и соціальнымъ неравенствомъ.

При этомъ надо еще замѣтить, что это соціальное неравенство,—оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о первичныхъ причинахъ его возникновенія,—въ настоящее время не только оказываетъ воздѣйствіе на людской характеръ, но и само порождается тѣми именно свойствами людского характера, на которыя воздѣйствуетъ, — подобно тому, какъ огонь можетъ поддерживаться тѣми же руками, которыя онъ охраняетъ отъ замерзанія.

ЦАБ "Автограф"

Поэтому изслѣдованіе наше сводится въ сущности къ вопросу о человѣческомъ характерѣ, и разъ мы утверждаемъ, что высказанное нами положеніе о существованіи постоянной и неразрывной связи между человѣческимъ характеромъ и соціальнымъ неравенствомъ есть истина, которая можетъ быть доказана строго научнымъ способомъ,—мы этимъ самымъ подразумѣваемъ, что человѣческій характеръ можетъ быть предметомъ науки.

Мы разумѣемъ что, несмотря на все кажущееся разнообразіе въ характерахъ людей, въ нихъ можно прослѣдить нѣкоторыя до такой степени единообразныя проявленія, что эти проявленія возможно будетъ считать законами человѣческой природы и, разъ установивъ незыблемость ихъ, дѣлать изъ нихъ послѣдующіе наши выводы.

Это и есть то, въ чемъ я глубоко убѣжденъ.

Новая наука, о которой я упоминалъ выше и которой не существуетъ въ настоящее время,—это *наука о человѣческомъ характерѣ*.

Въ этомъ видѣ утвержденіе наше можетъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе, и поэтому, чтобы выяснить дѣйствительную его сущность, необходимо нѣсколько развить его, имѣя въ

ЦАБ "Автограф"

виду, что наука, о которой я говорю, будучи тѣсно связана съ весьма многими нынѣ существующими науками, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отлична отъ нихъ. Она подобна центральной точкѣ въ мишени, около которой масса слѣдовъ отъ пуль, и которой нѣкоторыя пули даже коснулись, но въ которую ни одна изъ этихъ пуль полностью не попала.

Поэтому намъ по отношенію къ этой наукѣ необходимо доказать двѣ совершенно различныя вещи: вопервыхъ, что она *можетъ существовать*, вовторыхъ, что ея *нынѣ не существуетъ*.

Разъ это такъ, то лучшимъ способомъ для такого рода доказательства будетъ обратиться къ трудамъ тѣхъ мыслителей, которые ближе другихъ подошли къ познанію этой науки. Мыслители эти — Бокль и Гербертъ Спенсеръ. Начнемъ съ перваго изъ нихъ.

Науку, которую желалъ установить Бокль, онъ назвалъ наукой объ исторіи (The Science of History), и цѣлью ея должно было быть выясненіе тѣхъ принциповъ, которые руководятъ характеромъ и судьбами народовъ.

Что такая наука теоретически возможна долженъ признать, по мнѣнію Бокля, всякій, кто согласится со слѣдующимъ положеніемъ:

«Когда мы производимъ какое-нибудь дѣй-

ЦАБ "Автограф"

ствіе, мы производимъ его вслѣдствіе какого-либо мотива или мотивовъ; эти мотивы являются въ свою очередь результатомъ нѣкоторыхъ предшествующихъ явленій; слѣдовательно, если мы знаемъ всю совокупность этихъ предшествовавшихъ явленій и знаемъ законы, которымъ подчиняются эти явленія, мы могли бы безошибочно предсказать всѣ ихъ непосредственные результаты».

Если мы согласны съ этимъ, говоритъ Бокль, мы должны признать что наука, о которой идетъ рѣчь, теоретически возможна; а если мы узнаемъ какими матеріалами она можетъ располагать, мы должны будемъ придти къ убѣжденію, что она возможна и практически.

Матеріалы для этой науки, съ которыми насъ знакомитъ Бокль, весьма многочисленны и разнообразны; но есть одна категорія этихъ матеріаловъ, надъ которою онъ останавливается съ особымъ вниманіемъ, и которая одна, по его словамъ, можетъ придать научное значеніе всѣмъ остальнымъ. Это категорія тѣхъ матеріаловъ, которые даетъ намъ статистика.

Статистика, говоритъ Бокль, даетъ намъ доказательства совершенно новаго рода, открывая намъ невѣдомую доселѣ область фактовъ. Статистика удостовѣряетъ насъ то, о

ЦАБ "Автограф"

чемъ мы безъ нея могли бы только говорить гадательно и иногда не въ силахъ были бы доказать, именно — одинаковость человѣческихъ поступковъ при одинаковыхъ условіяхъ.

Бокль иллюстрируетъ это положеніе цѣлымъ рядомъ примѣровъ, которые обнаруживаютъ эту одинаковость даже въ мелочахъ.

Такъ существуетъ поразительная правильность въ числѣ писемъ, которыя ежегодно опускаются въ почтовые ящики безъ адресовъ. То же мы видимъ по отношенію къ свадьбамъ и убійствамъ; ту же правильность замѣчаемъ мы въ рожденіяхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Но самымъ поразительнымъ фактомъ, наиболѣе ясно доказывающимъ, по мнѣнію Бокля, истинность его теоріи — это правильность, которая замѣчается въ числѣ самоубійствъ.

«Среди преступленій, пишетъ онъ, нѣтъ такого которое, повидимому, болѣе зависѣло бы отъ воли индивидуума, — какъ самоубійство... Поэтому совершенно естественно можетъ показаться невозможнымъ установить какіе-либо общіе принципы или отмѣтить какую бы то ни было правильность при поступкахъ, такихъ исключительныхъ и единичныхъ, до такой степени ускользающихъ отъ вліянія законодательства, и противъ которыхъ без-

ЦАБ "Автограф"

сильна самая бдительная полиція... При такихъ особенностяхъ даннаго преступленія нельзя не признать поразительнымъ того заключенія, къ которому съ непреложною достовѣрностью приводитъ насъ изслѣдованіе его, именно, что самоубійство является результатомъ общихъ условій соціальнаго строя. При данномъ общественномъ строѣ, опредѣленное количество людей должны лишить себя жизни. Это общій законъ. Затѣмъ вопросъ о томъ, кто именно долженъ учинить этотъ проступокъ, зависитъ, само собою разумѣется, отъ другихъ, частныхъ законовъ; но эти частные законы въ своемъ направленіи слѣдуютъ общему закону, которому они подчинены».

Затѣмъ Бокль прилагаетъ это разсужденіе не только къ преступленіямъ, но вообще ко всѣмъ людскимъ поступкамъ.

Точно такимъ же рядомъ доказательствъ онъ устанавливаетъ, что всѣ они являются не болѣе, какъ «отдѣльными проявленіями одной общей системы міроваго порядка», и по его словамъ поступки эти «проистекаютъ не вслѣдствіе темперамента и стремленій отдѣльныхъ индивидуумовъ, а въ силу нѣкоторыхъ общихъ фактовъ (large, general facts), стоящихъ внѣ сферы воздѣйствія отдѣльныхъ лицъ».

Таково было основное положеніе, на кото-

ЦАБ "Автограф"

ромъ Бокль полагалъ построить науку объ исторіи.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ при этомъ методъ, примѣняемый Боклемъ и присущій этому методу строго-научный и,—по заявленію самого Бокля,—характеръ.

Таковой его характеръ заключается въ томъ, что всякій данный фактъ или явленіе не можетъ быть надлежащимъ образомъ понято, если мы будемъ изслѣдовать какое-либо единичное проявленіе его.

«Все наше знаніе, — говоритъ Бокль, есть результатъ наблюденія надъ явленіями, въ которыхъ тщательно были отдѣлены случайныя переходящія условія, и такимъ образомъ въ остаткѣ получились одни только совершенно опредѣленные законы ихъ внутренней сущности. Этого же можно достигнуть лишь путемъ наблюденій столь многочисленныхъ, чтобы совершенно устранить эти случайные, преходящіе признаки явленій, или же путемъ изслѣдованія настолько сложнаго и глубокаго, чтобы совершенно изолировать данное явленіе. Одинъ изъ этихъ двухъ методовъ безусловно необходимъ при всякомъ индуктивномъ научномъ изслѣдованіи».

Но, очевидно, — говоритъ онъ далѣе,—что когда человѣкъ производитъ какое-либо дѣйствіе, когда онъ, напримѣръ, вступаетъ въ

ЦАБ "Автограф"

бракъ, невозможно изолировать подобнымъ образомъ его чувства, а также нельзя и произвести надъ этими чувствами надлежащаго количества наблюденій.

Поэтому, заключаетъ Бокль, причинъ брака нечего искать «въ темпераментѣ или стремленіяхъ» жениха, ибо это такого рода явленія, которыя не могутъ служить предметомъ научнаго изслѣдованія, но причинъ этихъ слѣдуетъ искать въ нѣкоторыхъ общихъ фактахъ (large, general facts), которые мы можемъ изслѣдовать научнымъ способомъ.

Такова въ общихъ чертахъ теорія Бокля, изложенная имъ въ первыхъ главахъ его труда.

Въ аргументаціи его мы встрѣчаемъ не только массу поразительно вѣрныхъ разсужденій, но вся она, по своему существу, является блестящимъ образцомъ того, единственно-правильнаго, метода, который долженъ быть примѣняемъ при такого рода изслѣдованіи.

Есть, однако, нѣкоторый существенный пробѣлъ въ этой аргументаціи, именно въ вопросѣ о томъ, къ какимъ группамъ явленій долженъ быть прилагаемъ этотъ методъ.

Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, вернемся къ разсужденіямъ Бокля о самоубійствѣ.

ЦАБ "Автограф"

«Поводимому, говоритъ онъ, нѣтъ дѣйствія человѣческаго, которое такъ всецѣло зависѣло бы отъ индивидуальныхъ свойствъ лица, его учиняющаго, какъ самоубійство».

Но это только такъ кажется, въ дѣйствительности же «оно зависитъ отъ общихъ условій соціальнаго строя». Такимъ образомъ, человѣкъ науки, желающій вникнуть въ сущность этого явленія, долженъ изслѣдовать не факты изъ частной жизни такого самоубійцы, а должень обратить свое вниманіе на число самоубійцъ въ данный періодъ и установить соотношеніе между количествомъ ихъ и вышеуказанными условіями общественнаго строя.

Такъ разсуждаетъ Бокль.

При этомъ необходимо обратить особенное вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Весьма возможно—и даже несомнѣнно—что въ дѣйствительности между дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и общими условіями соціальнаго строя существуетъ та тѣсная связь, о которой онъ говоритъ.

Но если такъ, то вслѣдствіе чего существуетъ эта связь?.. Она существуетъ благодаря цѣлой цѣпи явленій, послѣднимъ звеномъ которой служатъ индивидуальныя свойства характера даннаго лица.

Бокль самъ подтверждаетъ это въ основ-

ЦАБ "Автограф"

номъ положеніи всей своей теоріи, говоря, что «когда мы производимъ какое-либо дѣйствіе, мы производимъ его вслѣдствіе нѣкотораго мотива». Въ спеціальномъ вопросѣ о самоубійствѣ онъ подробнѣйшимъ образомъ развиваетъ ту же основную мысль. Онъ указываетъ намъ на сложный внутренній процессъ, который происходитъ въ душѣ самоубійцы, онъ указываетъ намъ на колебаніе его въ выборѣ тѣхъ или иныхъ мотивовъ, на борьбу размышленія со страстями...

Но разъ это такъ, то, при различіи въ свойствахъ характера даннаго индивидуума, очевидно должно произойти и соотвѣтственное различіе въ его поступкахъ.

Возьмемъ смѣлаго человѣка, вмѣсто робкаго, сангвиника, вмѣсто флегматика, и весьма возможно, что подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій общественнаго строя произойдетъ не самоубійство, а наоборотъ, новый подъемъ духа къ энергической дѣятельности.

Слѣдовательно дѣйствія человѣка такъ неразрывно связаны со свойствами его характера,— чего не отрицаетъ и Бокль,—что мы можемъ разсматривать послѣднія какъ обратную сторону первыхъ.

Поэтому если мы говоримъ, что каждый поступокъ человѣка есть въ дѣйствительно-

ЦАБ "Автограф"

сти результатъ нѣкоторыхъ общихъ соціальныхъ условій, мы не только утверждаемъ, что условія эти были причиной даннаго поступка, но и то, что они были причиной образованія тѣхъ свойствъ характера человѣка, въ результатѣ которыхъ произошло это дѣйствіе; и когда мы говоримъ, что правильность въ извѣстнаго рода поступкахъ есть не болѣе какъ отраженіе нѣкоторой правильности во внѣшнихъ условіяхъ, мы должны подразумѣвать, что есть извѣстнаго рода постоянное и единообразное соотношеніе между этими внѣшними условіями и развитіемъ человѣческаго характера.

Въ свою очередь, такого рода соотношеніе возможно только при условіи, что существуетъ нѣкоторое единообразіе въ развитіи самаго характера человѣческаго и что, — какъ бы онъ ни видоизмѣнялся, — измѣненія эти происходятъ въ силу извѣстныхъ законовъ, подобныхъ тѣмъ, по коимъ видоизмѣняются внѣшнія условія, вліяющія на перемѣны въ характерѣ людей.

Возьмемъ, напримѣръ, многочисленную возбужденную толпу, которая, какъ одинъ человѣкъ, одушевлена одинаковымъстремленіемъ,— скажемъ, — взять Бастилію, или разнести рѣшетку Гайдъ-Парка.

ЦАБ "Автограф"

Очевидно, никто изъ такой толпы не могъ бы самъ лично объяснить совершенно подробно, почему онъ принялъ участіе въ такого рода дѣйствіи.

Въ данномъ случаѣ имѣли вліяніе явленія и условія, которыя могутъ быть выяснены историками впослѣдствіи, но которыя незамѣтны и невѣдомы самимъ дѣйствующимъ лицамъ.

При этомъ необходимо, однако, не упускать изъ виду слѣдующее:

Толпа собирается и дѣйствуетъ, говоритъ намъ Бокль, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ причинъ, стоящихъ внѣ жизни отдѣльныхъ членовъ этой толпы и подчиняясь извѣстнымъ общимъ условіямъ.

Мы вполнѣ допускаемъ это. Но прежде всего необходимо замѣтить, что какъ бы ни были общи эти законы, какъ бы отдаленны ни были эти причины, законы эти осуществляются, и поступокъ слѣдуетъ за вызвавшею его причиной только благодаря тому, что каждый участникъ этой толпы является человѣкомъ съ извѣстными свойствами характера.

Въ толпѣ въ двадцать тысячъ человѣкъ есть двадцать тысячъ различныхъ характеровъ, дѣйствуютъ двадцать тысячъ различныхъ мотивовъ, и поступки толпы являются точнымъ ихъ результатомъ.

ЦАБ "Автограф"

Мы очень часто забываемъ это обстоятельство, и говоримъ о толпѣ, точно она въ дѣйствительности одно живое существо. Мы говоримъ, что она разсвирѣпила, что она затихла, что она сдѣлала то или иное.

Но вѣдь это не болѣе какъ оборотъ рѣчи. Въ дѣйствительности мы хотимъ сказать, что двадцать тысячъ человѣкъ въ одно и то же время и подъ вліяніемъ одной и той же причины разсвирѣпѣли или затихли, сдѣлали совмѣстно то или иное.

Въ этомъ именно и заключается вся суть вопроса.

Въ толпѣ этой нѣтъ двухъ человѣкъ, прошлая жизнь которыхъ была бы одинакова, или которые имѣли бы совершенно одинаковые характеры; поэтому каждый участникъ этой толпы отличенъ отъ другого и, не взирая на это различіе, мы въ результатѣ имѣемъ полное единодушіе въ поступкахъ.

Чему это приписать?

Это проистекаетъ изъ того, что въ предположенныхъ нами двадцати тысячахъ различныхъ характеровъ есть нѣкоторыя общія черты и только, благодаря наличности этихъ общихъ чертъ, и возможно совокупное дѣйствіе всей толпы.

Разсмотримъ внимательнѣе этотъ вопросъ.

ЦАБ "Автограф"

У каждаго изъ этихъ двадцати тысячъ людей есть свой темпераментъ, свои интересы.

Тѣ страсти, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствуетъ какъ участникъ толпы, быть-можетъ дремлютъ и совершенно незамѣтны въ частной его жизни; и два участника этой толпы при обычныхъ условіяхъ могутъ показаться, и даже могутъ быть въ дѣйствительности, совершенно противоположныхъ вкусовъ и убѣжденій.

Но разъ они дѣйствуютъ во имя одного какого-либо интереса, всѣ эти безчисленныя различія въ ихъ характерѣ на часъ или на два исчезаютъ, остаются однѣ только общія всѣмъ этимъ людямъ черты, и толпа въ дѣйствительности дѣлается однимъ организмомъ, сила или слабость котораго зависитъ отъ количества составныхъ его частей.

Здѣсь мы имѣемъ надлежащія условія для научнаго изслѣдованія. Поле такого изслѣдованія несомнѣнно весьма ограничено, ибо одна толпа, какъ бы многочисленна она ни была, все-таки является лишь малою частью всего рода человѣческаго.

Тѣмъ не менѣе примѣръ ея даетъ намъ ясное доказательство того, что нѣкоторыя черты человѣческаго характера могутъ служить предметомъ научнаго изслѣдованія. Она

ЦАБ "Автограф"

является выразительницей дѣйствія не одного какого-либо частнаго характера, а дѣйствія характера общаго тысячамъ людей, который одинъ только связываетъ дѣятельность ихъ съ нѣкоторыми общими условіями соціальнаго строя.

Такимъ образомъ требованіе Бокля выполнено: «тщательно отдѣлены случайныя преходящія условія, и получились въ остаткѣ одни только совершенно опредѣленные законы», или, точнѣе говоря, получился тотъ матеріалъ, изъ котораго эти законы могутъ быть выведены.

Но это именно то, что̀ не было принято во вниманіе Боклемъ.

Онъ занялся опроверженіемъ лжи и не замѣтилъ той истины, которую слѣдовало поставить на ея мѣсто.

Онъ говоритъ, какъ мы видѣли, что, имѣя дѣло съ біографическими подробностями, каковы чувства даннаго лица при извѣстныхъ условіяхъ, мы не можемъ ни «изолировать явленія», ни «отдѣлить случайныхъ преходящихъ условій», и поэтому не можемъ возвыситься до какихъ-либо научныхъ обобщеній.

Въ этомъ Бокль совершенно правъ: нѣтъ и не можетъ быть науки о какомъ-либо одномъ спеціальномъ характерѣ.

ЦАБ "Автограф"

Но вся аргументація того же Бокля доказываетъ, что, хотя и не можетъ быть науки о каждомъ отдѣльномъ характерѣ, — *можетъ и должна* существовать наука о человѣческомъ характерѣ вообще.

Обратимся же теперь къ другому мыслителю, изслѣдовавшему этотъ вопросъ, къ Герберту Спенсеру.

Въ трудѣ, который я уже цитировалъ—*Соціологія какъ предметъ изученія*—Гербертъ Спенсеръ утверждаетъ, что возможна наука объ обществѣ, задача которой выяснить намъ, «что̀ желательно, что̀ исполнимо и что̀ является утопіей» въ области соціальнаго прогресса.

Слѣдующія выдержки еще болѣе поясняютъ его мысль.

«Общій законъ, что свойства *единицъ* опредѣляютъ свойство образуемаго ими *цѣлаго*, очевидно, точно такъ же прилагается и къ обществамъ, какъ и ко всему другому...

«Оставляя пока въ сторонѣ частныя особенности племенъ и отдѣльныхъ лицъ, обратимъ вниманіе на особенности общія членамъ человѣческаго рода и разсмотримъ, какъ эти особенности должны вліять на отношенія членовъ, когда они соединяются въ общества... Всѣ люди нуждаются въ пищѣ... у каждаго изъ нихъ движеніе сопровождается физіологи-

ЦАБ "Автограф"

ческою тратой... каждый изъ нихъ можетъ подвергнуться тѣлеснымъ поврежденіямъ... и всѣ они могутъ подвергаться болѣзненнымъ ощущеніямъ положительнаго или отрицательнаго характера и т. д... Слѣдовательно,—заключаетъ онъ,—эти личныя качества должны производить извѣстныя качества собранія людей... и свойства одного собранія будутъ отличаться отъ свойствъ другого настолько, насколько отдѣльныя лица, составляющія одно, отличаются отъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ другое».

Все это, по словамъ г. Спенсера, «стало почти аксіомой», и онъ упоминаетъ объ этомъ, какъ о чемъ-то безспорномъ, на чемъ мы можемъ строить дальнѣйшіе наши выводы.

«Разъ же это такъ»,—продолжаетъ онъ,—«нельзя отвергать и того, что въ каждой общинѣ есть группа явленій, которыя естественно развиваются изъ явленій, предстаавляемыхъ членами этой общины, есть рядъ свойствъ аггрегата, опредѣляемый рядомъ свойствъ единицъ, и что отношенія этихъ двухъ рядовъ составляютъ основной матеріалъ науки» *).

Отсюда,—можетъ намъ показаться,—авторъ не замедлитъ привести насъ къ той именно

*) Гербертъ Спенсеръ, *Соціологія какъ предметъ изученія*. Петербургъ, 1896 г. стр. 47, 48.

ЦАБ "Автограф"

наукѣ о человѣческомъ характерѣ, о которой я говорю. Повидимому, г. Спенсеръ исчерпалъ весь этотъ вопросъ.

Мы еще болѣе утвердимся въ такомъ нашемъ предположеніи, если разсмотримъ тѣ примѣры, которыми онъ подкрѣпляетъ изложенныя выше общія положенія. «Если,—пишетъ онъ,— человѣкъ, переходя черезъ улицу, видитъ, что на него наѣзжаетъ экипажъ, вы можете положительно утверждать, что въ девятьсотъ девяносто девяти случаяхъ изъ тысячи онъ постарается свернуть съ дороги. Если ему необходимо поспѣть на поѣздъ и онъ знаетъ, что по одной дорогѣ до станціи миля, а по другой двѣ мили, вы можете заключить съ достаточною вѣроятностью, что онъ пойдетъ по болѣе короткому пути» *).

Далѣе онъ напоминаетъ намъ, что въ основѣ всѣхъ карательныхъ законовъ лежитъ предположеніе, «что желаніе избѣгнуть наказанія будетъ такъ дѣйствовать на средній уровень людей, что произведетъ предвидѣнный средній результатъ». Точно такъ же говоритъ онъ дальше: «нельзя не признать, что желаніе получить наибольшую плату за трудъ, подняться на высшую общественную ступень, заслужить

*) Тамъ же, стр. 34.

ЦАБ "Автограф"

одобреніе и т. д., произведутъ каждое извѣстный средній результатъ. А признать это, заключаетъ онъ, значитъ признать, что предвидѣніе соціальныхъ явленій возможно, а слѣдовательно возможна и соціальная наука» *).

Повидимому, ничего не можетъ быть болѣе яснаго. Наука, о которой говоритъ Гербертъ Спенсеръ, должна не только указывать, подобно теоріи Бокля, на необходимость существованія науки о человѣческомъ характерѣ, но не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ именно этою самою наукой.

Таковъ выводъ, который мы естественно должны были бы сдѣлать изо всѣхъ вышеизложенныхъ разсужденій; но если мы послѣдуемъ за г. Спенсеромъ далѣе, мы не замедлимъ убѣдиться, что это такой выводъ, къ которому онъ *не приходитъ*.

Правда, онъ касается науки о человѣческомъ характерѣ, но онъ дѣлаетъ это, точно не понимая что̀ онъ подъ этимъ разумѣетъ. Все время соприкасаясь съ этою наукой, онъ соскальзываетъ съ нея, точно съ наклонной плоскости, и въ концѣ концовъ такъ же упускаетъ ее изъ виду, какъ Бокль.

Посмотримъ, какъ это происходитъ.

---

*) Тамъ же, стр. 43.

ЦАБ "Автограф"

Онъ начинаетъ свое доказательство о томъ, что соціальная наука возможна, съ указанія на нѣкоторые случаи, въ которыхъ дѣйствія людей одинаковы, и можно думать, что обобщенія, которыя онъ дѣлаетъ на основаніи этихъ примѣровъ, являются отрывками изъ положеній этой самой, устанавливаемой имъ, соціальной науки.

Но онъ быстро разсѣиваетъ такое наше предположеніе.

Тѣ обобщенія, на которыхъ онъ строитъ свою соціальную науку, какъ оказывается, вытекаютъ изъ совершенно иной категоріи фактовъ.

Онъ также приводитъ намъ примѣры этихъ послѣднихъ, и по нимъ мы ясно можемъ видѣть характеръ всей этой соціальной науки.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить понятіе о соціальной наукѣ, — пишетъ онъ, — «я приведу здѣсь нѣсколько истинъ, о которыхъ упоминаю... Моя цѣль—просто дать ясное понятіе о природѣ соціологическихъ истинъ»... «Обратимъ наше вниманіе»,—продолжаетъ онъ «вопервыхъ, на тотъ общій фактъ, что рядомъ съ общественною аггрегаціей всегда идетъ извѣстная организація... Развитіе правительственнаго строенія, имѣющаго какую-нибудь силу и при томъ сколько-нибудь по-

ЦАБ "Автограф"

стоянную, составляетъ условіе, безъ котораго невозможенъ сколько-нибудь значительный ростъ общества».

Это первый его примѣръ. Перейдемъ теперь ко второму:

«Рядомъ съ развитіемъ роста обществъ происходитъ развитіе координирующихъ центровъ; эти центры, сдѣлавшись постоянными, въ то же время дѣлаются болѣе или менѣе сложными».

А вотъ и третій примѣръ:

«Люди поднимаются до состоянія общественной аггрегаціи только при томъ условіи, когда между ними устанавливается неравенство относительно власти, и они могутъ дѣйствовать вмѣстѣ, какъ цѣлое, только посредствомъ устройства обезпечивающаго повиновеніе» *).

Таковъ, слѣдовательно, тотъ родъ обобщеній, къ которому приводитъ насъ соціальная наука, какъ ее разумѣетъ Спенсеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, эти обобщенія ясно доказываютъ намъ, что, какова бы ни была эта наука, это не есть наука о человѣческомъ характерѣ. Кромѣ того, изъ этихъ обобщеній мы видимъ,—хотя этого не видитъ г. Спенсеръ,—

*) Тамъ же, стр. 56—57.

ЦАБ "Автограф"

что та самая наука о человѣческомъ характерѣ, которой онъ не замѣчаетъ, стоитъ какъ призракъ рядомъ съ тою соціальною наукой, которую онъ устанавливаетъ.

Позвольте мнѣ яснѣе изложить мою мысль. Всѣ эти обобщенія, которыя мы только-что цитировали изъ труда Спенсера, касаются дѣятельности не отдѣльныхъ единицъ, а извѣстныхъ аггрегатовъ. Съ такого же рода явленіями имѣетъ дѣло и вся его соціальная наука.

Она является рядомъ индукцій, касающихся дѣятельности людей въ извѣстнаго рода численной совокупности.

Между тѣмъ, одна изъ основныхъ истинъ, провозглашаемая Спенсеромъ въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что однородность въ дѣятельности извѣстныхъ массъ людей зависитъ отъ характера отдѣльныхъ составляющихъ такую массу *единицъ*.

Эти два фактора, по его словамъ, тѣсно и неразрывно связаны между собою; но онъ весьма своеобразно оцѣниваетъ эту связь. Онъ признаетъ ее существующею, но считаетъ совершенно лишнимъ объяснить вслѣдствіе чего она возникла.

Онъ самъ высказываетъ это совершенно опредѣленно.

ЦАБ "Автограф"

«Признавъ такимъ образомъ», — пишетъ онъ *), — «эту связь между явленіями *личной* человѣческой природы и явленіями *общественной* человѣческой природы, мы не можемъ не видѣть, что явленія общественной человѣческой природы составляютъ матеріалъ для науки»...

Въ этомъ заключается вся суть вопроса.

Задача Спенсера не есть, слѣдовательно, выясненіе природы отношеній, которыя существуютъ между этими двумя категоріями явленій, а заключается въ выясненіи результатовъ этого взаимоотношенія, поскольку оно выражается въ нѣкоторомъ однообразіи во второй категоріи этихъ явленій.

Все научное его вниманіе сосредоточено на этихъ послѣднихъ.

Онъ ни разу не дѣлаетъ обратнаго изслѣдованія отъ явленій общественной человѣческой природы къ явленіямъ единичной человѣческой природы; онъ ни разу не связываетъ обобщеній, касающихся явленій одной категоріи съ соотвѣтственными обобщеніями, касающимися другой. Такъ, указавъ намъ, «что люди поднимаются до состоянія общественной аггрегаціи только при томъ условіи, когда между ними устанавливается неравенство отно-

*) Тамъ же, стр. 56.

ЦАБ "Автограф"

сительно власти», онъ присовокупляетъ, «что это первичная, общая черта въ общественныхъ аггрегатахъ, которая происходитъ отъ такой же общей черты въ ихъ единицахъ» *), и затѣмъ не говоритъ болѣе ни слова по этому вопросу.

Какъ это происходитъ? отчего это происходитъ? что̀ это за «общая черта въ единицахъ?» — объ этомъ онъ даже не задумывается.

А вѣдь между тѣмъ, разъ «общая черта» въ аггрегатахъ можетъ быть предметомъ научнаго изученія, «общая черта въ единицахъ» также должна имѣть такой научный характеръ, ибо для каждаго обобщенія, которое мы дѣлаемъ относительно массы людей, должно быть соотвѣтственное обобщеніе относительно отдѣльнаго человѣка.

Но г. Спенсеръ совершенно упускаетъ это изъ виду.

Въ этомъ мы можемъ еще болѣе убѣдиться изъ нижеслѣдующаго.

Однимъ изъ главныхъ, нынѣ существующихъ препятствій къ упроченію соціальной науки Герберть Спенсеръ считаетъ распространенность *исторической теоріи великихъ*

*) Тамъ же, стр. 57.

ЦАБ "Автограф"

людей, которая гласитъ: «исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мірѣ, есть въ сущности исторія великихъ людей».

«На этой теоріи всѣ мы были воспитаны въ раннемъ дѣтствѣ,—говоритъ онъ,—но она немедленно рухнетъ, разъ мы приложимъ къ ней методы научнаго изслѣдованія.

«Признавая»,—пишетъ онъ,— «что великій человѣкъ можетъ измѣнить свой народъ въ его образѣ дѣйствій, нельзя не признавать и того, что его появленію должны были предшествовать предварительныя измѣненія, составляющія національный прогрессъ. Прежде чѣмъ онъ можетъ передѣлать свое общество, это общество должно сформировать его самого, такъ что всѣ тѣ измѣненія, ближайшимъ началомъ которыхъ онъ считается, произведены главнымъ образомъ тѣми поколѣніями, отъ которыхъ онъ происходитъ. Если возможно какое-либо дѣйствительное объясненіе этихъ измѣненій, то его должно искать въ томъ аггрегатѣ условій, отъ котораго произошли и онъ самъ, и эти измѣненія» *).

Слѣдовательно, по мнѣнію Спенсера, этого объясненія слѣдуетъ искать въ нѣкоторомъ аггрегатѣ условій, а никакъ не въ біографи-

*) Тамъ же, стр. 30 и 31.

ЦАБ "Автограф"

ческихъ подробностяхъ жизни даннаго великаго человѣка.

Эти послѣднія,—какъ онъ говоритъ,—способны только удовлетворить инстинктъ, очень мало отличающійся отъ инстинкта деревенскаго сплетничества *).

Не трудно замѣтить, что Спенсеръ впадаетъ въ этомъ случаѣ въ ту же ошибку, что̀ и Бокль.

Онъ разсуждаетъ, что разъ явленія, ближайшимъ творцомъ которыхъ явился данный великій человѣкъ, не могутъ найти себѣ полнаго и всеобъемлющаго объясненія въ данныхъ личной его жизни, эти біографическія данныя вообще не имѣютъ никакого значенія при изслѣдованіи причинъ тѣхъ или иныхъ учиненныхъ человѣкомъ дѣяній, а причинъ этихъ слѣдуетъ искать въ нѣкоторомъ аггрегатѣ условій, о которомъ онъ упоминаетъ.

Слѣдовательно, — по его мнѣнію,—эти двѣ категоріи причинъ какъ бы взаимно исключаютъ одна другую. Онъ не замѣчаетъ, что въ дѣйствительности онѣ взаимно дополняютъ другъ друга.

Такъ, напримѣръ, онъ предлагаетъ намъ обратить вниманіе на Юлія Цезаря.

---

*) Тамъ же, стр. 28.

ЦАБ "Автограф"

«Цезарь», —пишетъ онъ, «никогда не могъ бы совершить своихъ завоеваній безъ дисциплинарнаго войска, наслѣдовавшаго свою славу, свою тактику и организацію отъ тѣхъ Римлянъ, которые жили до него» *).

Но онъ ни слова не говоритъ о столь же очевидномъ фактѣ, что эти войска также не сдѣлали бы этихъ завоеваній, не будь Цезаря въ ихъ главѣ.

Благодаря какому бы аггрегату условій ни произошли побѣды Цезаря, всѣ эти аггрегаты условій должны были дѣйствовать при посредствѣ Цезаря и, такъ сказать, чрезъ него.

«Правда», — возразитъ намъ г. Спенсеръ, но «фактъ этотъ не имѣетъ значенія, такъ какъ самъ Цезарь является продуктомъ того же самаго аггрегата условій».

Разсмотримъ внимательно, что̀ хочетъ этимъ сказать г. Спенсеръ.

Очевидно, онъ разумѣетъ, что эти внѣшнія условія — нѣчто отличное отъ самого Цезаря.

Они существовали до его рожденія и несомнѣнно имѣли вліяніе на формированіе его личности въ періодъ его безсознательной земной жизни. Но разъ наступилъ въ немъ про-

*) Тамъ же, стр. 31.

ЦАБ "Автограф"

блескъ сознанія, онъ сталъ чѣмъ-то отличнымъ отъ этихъ условій. Что же сдѣлали всѣ эти внѣшнія условія для Цезаря до этого момента? Они сдѣлали то, что онъ родился ребенкомъ съ громадными, правда, способностями, но со способностями еще неразвитыми, и которыя при извѣстныхъ условіяхъ никогда бы и не получили развитія.

Благодаря чему же развѣли эти способности до того, чтобы сдѣлать изъ него извѣстнаго намъ историческаго Цезаря?

Г. Спенсеръ отвѣтитъ намъ: «благодаря тому же аггрегату окружавшихъ Цезаря условій».

Но развѣ г. Спенсеръ не замѣчаетъ, что мы уже стоимъ въ данномъ случаѣ лицомъ къ лицу съ *двумя факторами*, при чемъ одинъ изъ нихъ—это аггрегатъ условій, а второй—сознательная личность самого Цезаря,—и эти условія вліяли на Цезаря извѣстнымъ образомъ только при посредствѣ тѣхъ мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ образовалась вся его личная жизнь?

Развѣ г. Спенсеръ не замѣчаетъ, что разъ тѣ событія, ближайшимъ творцомъ которыхъ былъ Цезарь, являются результатомъ нѣкоторыхъ силъ, коихъ Цезарь былъ только передатчикомъ, онъ могъ передавать ихъ только

ЦАБ "Автограф"

благодаря тому, что мотивы, руководившіе имъ въ его поступкахъ, развивались и дѣйствовали сообразно нѣкоторымъ опредѣленнымъ законамъ?

Наконецъ, развѣ не видитъ г. Спенсеръ, что, хотя мы не можемъ найти этихъ законовъ, изучая ихъ проявленія въ характерѣ одного Цезаря, тѣмъ не менѣе они существуютъ, и, изслѣдуя другіе аналогичные характеры, мы можемъ, — убѣдившись сначала въ ихъ существованіи, — придти затѣмъ къ заключенію, что они могутъ быть научнымъ образомъ установлены?

Но г. Спенсеръ не желаетъ этого видѣть; мало того, онъ утверждаетъ, что мы никогда не откроемъ этихъ законовъ, хотя бы мы «ослѣпли, изучая біографіи великихъ правителей, начиная отъ Фридриха Жаднаго до Наполеона Измѣнника»...

Остановимся пока на приводимыхъ имъ же самимъ примѣрахъ.

Правда, не будучи достаточно знакомъ съ терминологіей философіи исторіи, я не увѣренъ, кто это были: «Фридрихъ Жадный» и «Наполеонъ Измѣнникъ»; но допустимъ, что послѣдній—это Наполеонъ III во Франціи.

Пусть г. Спенсеръ сравнитъ послѣдняго французскаго императора съ Цезаремъ, и

ЦАБ "Автограф"

пусть онъ отмѣтитъ ту роль, которую играло честолюбіе въ обѣихъ этихъ жизняхъ, какъ оно развилось и какого рода поступки были имъ вызваны.

Одно это сопоставленіе должно было бы навести его на мысль о томъ, что честолюбіе возникаетъ при извѣстныхъ одинаковыхъ условіяхъ и вліяетъ на поступки человѣка нѣкоторымъ, тоже одинаковымъ, образомъ. Если же онъ распространилъ бы свое изслѣдованіе въ этомъ отношеніи и на біографіи другихъ историческихъ дѣятелей, надъ которыми онъ такъ иронизируетъ,—это первоначальное предположеніе стало бы научною достовѣрностью.

Онъ бы долженъ былъ придти снова къ истинѣ, которую онъ уже высказалъ: «желаніе подняться на высшую общественную ступень произведетъ извѣстный средній результатъ на человѣка средняго уровня»; но теперь эта истина получила бы иное, несравненно болѣе точное значеніе. Онъ бы узналъ, какъ возникаетъ это желаніе и въ чемъ выражается его вліяніе; и, вмѣсто того, чтобы ограничиться констатированіемъ нѣкотораго однообразія въ результатахъ имъ производимыхъ, онъ бы зналъ въ чемъ собственно заключается это единообразіе.

Иными словами, свое первое утвержденіе,

ЦАБ "Автограф"

являющееся въ сущности «очень мало отличнымъ отъ деревенскаго сплетничества», онъ превратилъ бы въ точное положеніе, основанное на строго научномъ изслѣдованіи вопроса.

Сдѣлай онъ это, г. Спенсеръ не замедлилъ бы убѣдиться, что значеніе біографическихъ данныхъ, какъ бы мелочны они ни были, зависитъ отъ того, какъ на нихъ смотрѣть. Онъ считаетъ ихъ достойными только быть темой для деревенскихъ сплетенъ, но это происходитъ отъ того, что онъ самъ смотрѣлъ на нихъ именно съ этой точки зрѣнія деревенскаго сплетника.

Онъ изучалъ соціальныя явленія какъ будто они не что́ иное какъ сложное движеніе часоваго механизма. Онъ посмотрѣлъ на первое колесо, посмотрѣлъ на послѣднее, и замѣтилъ, что движенія обоихъ связаны между собой; но онъ совершенно упустилъ изъ виду тотъ сложный промежуточный механизмъ, благодаря правильному дѣйствію котораго только и существуетъ та постоянная связь между движеніемъ перваго колеса и движеніемъ послѣдняго, на которую указываетъ Спенсеръ. *Иными словами, онъ упустилъ изъ виду науку о человѣческомъ характерѣ.*

Но мнѣ недостаточно доказать, что онъ упускаетъ изъ виду. Я хочу еще убѣдить чи-

ЦАБ "Автограф"

тателя въ томъ, что, хотя Спенсеръ и сдѣлалъ такую ошибку, тѣмъ не менѣе вся его система является цространнымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ возможности существованія такой науки.

Если возможна соціальная наука Сценсера, если возможна наука объ исторіи Бокля, должна существовать и наука о характерѣ человѣка.

Это доказываетъ Бокль.

Это же доказываетъ Спенсеръ, и, хотя оба они доказываютъ это неумышленно, тѣмъ не менѣе для нашихъ цѣлей такое доказательство является самымъ цѣннымъ изо всѣхъ ихъ аргументацій.

Я послѣдую теперь пріему, который употребляетъ г. Спенсеръ, и приведу нѣсколько примѣровъ обобщеній, которыя являются составными элементати этой новой науки.

Перый примѣръ мы позаимствуемъ у того же Спенсера.

«Если человѣкъ, переходя улицу»,—пишетъ онъ,—«видитъ, что на него наѣзжаетъ экипажъ, вы можете положительно утверждать, что въ девятьсотъ девяносто девяти случаяхъ изъ тысячи онъ постарается свернуть съ дороги».

Здѣсь мы сразу видимъ нѣкоторое обобще-

ЦАБ "Автограф"

ніе, которое примѣнено или выведено изъ извѣстнаго числа біографическихъ данныхъ.

Но въ этомъ видѣ оно еще не является обобщеніемъ изъ области науки о человѣческомъ характерѣ, оно—или шагъ къ ней, или же выводъ изъ нея. То обобщеніе, которое является дѣйствительнымъ его основаніемъ, есть нѣчто совершенно иное.

Оно состоитъ въ томъ, что въ каждомъ человѣкѣ настолько сильно стремленіе къ сохраненію своей жизни, что разъ онъ видитъ угрожающую ей опасность, онъ всегда будетъ поступать такъ, чтобы защитить ее отъ этой опасности.

Вотъ это—истина, относящаяся къ области науки о человѣческомъ характерѣ.

Она очень несложна, но тѣмъ лучше для нашей цѣли. Разсмотримъ же теперь ея внутреннюю сущность.

Она относится, вопервыхъ, къ дѣятельности не аггрегатовъ, а отдѣльныхъ людскихъ единицъ. И хотя можно немедленно сопоставить ее съ соотвѣтственною истиной по отношенію къ аггрегатамъ, тѣмъ не менѣе, всецѣло относясь къ единичнымъ характерамъ, она можетъ явиться только объясненіемъ этого соотношенія.

Затѣмъ, посмотримъ степень ея достовѣр-

ЦАБ "Автограф"

ности и всеобщности. Въ томъ видѣ, какъ мы ее выразили, она относится къ каждому человѣку, ибо мы сказали, что каждый человѣкъ стремится сохранить свою жизнь. Очевидно, это можетъ быть вѣрно только въ смыслѣ общаго выраженія.

Одни люди сами лишаютъ себя жизни, другіе ищутъ смерти въ бою, нѣкоторые добровольно жертвуютъ ею для близкихъ, и мы не можемъ поручиться ни за кого, что онъ когда-либо не сдѣлаетъ чего нибудь подобнаго. Такимъ образомъ въ этомъ видѣ положеніе наше не является безспорною истиной и, разъ мы захотимъ примѣнить его къ жизни, мы не замедлимъ усмотрѣть, что оно выражаетъ собою только весьма сильное вѣроятіе.

Если мы ищемъ достовѣрности, мы должны иначе выразить нашу мысль.

Намъ не слѣдуетъ говорить, что, разъ жизни человѣка угрожаетъ опасность, стремленіе къ сохраненію жизни всегда заставитъ его принимать мѣры къ ея защитѣ; намъ надо сказать, вмѣсто этого, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ принимаетъ мѣры къ защитѣ своей жизни, причиной таковыхъ его поступковъ неизмѣнно является врожденное стремленіе къ сохраненію жизни.

Я прошу читателя обратить особенное вни-

ЦАБ "Автограф"

маніе на это обстоятельство, такъ какъ оно имѣетъ значеніе не только по отношенію къ данной, разсматриваемой нами, истинѣ, но является характеристикой для всѣхъ истинъ въ области науки о человѣческомъ характерѣ.

Всѣ эти истины—положенія такого же рода, касающіяся соотношенія *дѣйствія* къ *мотиву* въ каждомъ данномъ индивидуальномъ случаѣ, и всѣ они, подобно вышеизложенной истинѣ, могутъ быть разсматриваемы двояко: они могутъ идти отъ мотива въ дѣйствію или же, наоборотъ, начиная съ дѣйствія возвращаться къ мотиву.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вѣроятіями болѣе или менѣе сильными, — во второмъ же съ несомнѣнно достовѣрными научными выводами.

Иными словами, наука о человѣческомъ характерѣ не можетъ дать возможности, иначе какъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, утверждать, что у всякаго даннаго человѣка есть извѣстные мотивы, или что, имѣя ихъ теперь, онъ сохранитъ ихъ и въ будущемъ.

Она не можетъ утверждать этого съ достовѣрностью даже по отношенію къ вопросу о самосохраненіи.

Поэтому она можетъ лишь съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ показать намъ, какъ данный человѣкъ поступитъ въ будущемъ.

ЦАБ "Автограф"

Но зато, съ другой стороны, наука эта *съ полною достовѣрностью* можетъ доказать намъ, что, разъ какое-либо дѣйствіе совершено, это послѣдовало въ силу нѣкотораго, опредѣленнаго мотива, и что, слѣдовательно, не будь такого мотива, не было бы и самаго дѣйствія.

Все значеніе этихъ именно послѣднихъ данныхъ, которыя намъ можетъ доставить наука о человѣческомъ характерѣ, выяснится въ послѣдующемъ изложеніи.

Теперь позвольте мнѣ привести другой образчикъ этой науки, который я заимствую изъ источника, по мнѣнію многихъ, пожалуй, неумѣстнаго,—именно изъ романа одной изъ популярнѣйшихъ нашихъ романистокъ... «Состраданіе — пишетъ Джорджъ Элліотъ — есть нѣчто прямо нераціональное. Оно упорно отказывается прилагать *количественное* мѣрило къ оцѣнкѣ людскихъ страданій. При подведеніи итога общаго счастья, положимъ, *двадцати-пяти* человѣкъ, состраданіе не позволяетъ намъ признать чтобы жизнь *тринадцати* человѣкъ, оказавшихся счастливыми, могла съ избыткомъ уравновѣсить горе остальныхъ *двѣнадцати*, оказавшихся несчастными».

Изъ тѣхъ безчисленныхъ читателей, которые прочли и согласились съ этою мыслью, ни

ЦАБ "Автограф"

одинъ, вѣроятно, не обратилъ вниманія на то, что въ ней выражается весьма крупное научное обобщеніе.

А между тѣмъ это въ дѣйствительности такъ; и если только эта мысль вѣрна, она выражаетъ собою такую же истину въ области науки о человѣческомъ характерѣ, какъ любая формула въ химіи и съ одинаковымъ правомъ можетъ быть помѣщена въ какую-нибудь справочную научную книжку.

Пусть читатель самъ обсудитъ этотъ вопросъ. Джорджъ Элліотъ дѣлаетъ утвержденіе, касающееся чувства состраданія людей. Это очевидно; но является—вопросъ—чьего состраданія?.. Вѣдь не состраданія же Мэри, Джона, или Джека, или вообще какого-либо отдѣльнаго лица или группы людей?.. Нѣтъ, она, очевидно, говоритъ о чувствѣ состраданія у людей вообще. Все ея утвержденіе можетъ имѣть значеніе только въ этомъ смыслѣ.

Слѣдовательно, оно должно быть научнымъ обобщеніемъ...

Возьмемъ другой примѣръ изъ Ла-Брюйэра: «Любовь можетъ повести къ честолюбію, но честолюбіе никогда не вернется къ любви»...

Это можетъ быть вѣрно, можетъ быть и не вѣрно; но если это вѣрно, иными словами. если это не нонсенсъ—утвержденіе это тоже есть

ЦАБ "Автограф"

научное обобщеніе, принадлежащее къ области науки о человѣческомъ характерѣ.

Возьмемъ еще примѣръ изъ Шекспира... «Мелочи легкія какъ воздухъ—неоспоримыя доказательства для ревнивца»... * И это, очевидно, тоже — или научная истина, или же совершенная ложь.

Во всѣхъ этихъ трехъ утвержденіяхъ выражены,—какъ мы сказали,—нѣкоторыя общія истины; но общія въ какомъ отношеніи?

Всѣ они касаются чувства пріязни въ томъ или иномъ его видѣ; и во всѣхъ ихъ подразумѣвается, что такого рода чувство присуще всѣмъ людямъ, то-есть что, взявъ на удачу какого-нибудь человѣка, мы съ достаточною вѣроятностью можемъ разсчитывать на то, что онъ въ состояніи будетъ испытывать то чувство, о которомъ идетъ рѣчь. Но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ, особенно же въ томъ, который говоритъ о любви и честолюбіи,—нельзя этого сказать съ полною достовѣрностью.

Джорджъ Элліотъ не говоритъ, что *каждый* человѣкъ сострадателенъ; Ла-Брюйэръ не говоритъ, что *каждый* человѣкъ долженъ влюбляться; Шекспиръ не говоритъ, что *каждый* человѣкъ можетъ стать ревнивцемъ.

---

* Trifles light as air are to the jealous confirmations strong.

ЦАБ "Автограф"

Общая истинность этого утвержденія заключается не въ этомъ. Она заключается въ томъ, *что*, *разъ существуетъ* состраданіе, любовь или ревность, — это состраданіе, эта любовь или эта ревность *будутъ дѣйствовать извѣстнымъ единообразнымъ*, для каждаго изъ этихъ чувствъ, *способомъ*...

Теперь, въ заключеніе, я долженъ привести еще одинъ примѣръ.

Примѣръ этотъ намъ уже знакомъ и заключается въ слѣдующемъ:

Каждый производительный трудъ, возвышающійся надъ низшими формами его,—неизмѣнно происходитъ вслѣдствіе стремленія къ соціальному неравенству.

Это то положеніе, къ которому я постепенно приводилъ обратно читателя, и я упоминалъ обо всѣхъ вышеизложенныхъ примѣрахъ только для того, чтобы надлежащимъ образомъ освѣтить эту основную мою мысль.

До сихъ поръ я не сдѣлалъ еще попытокъ доказать ея истинность. Вся моя цѣль лишь состояла въ охарактеризованіи того рода истинъ, къ которой принадлежитъ вышеизложенное положеніе.

Оно принадлежитъ, вопервыхъ, къ области индуктивной науки и, какъ таковое, заклю-

ЦАБ "Автограф"

чаетъ въ себѣ не сужденіе о частныхъ лицахъ, а знаніе объ извѣстнаго рода незыблемомъ принципѣ. Вовторыхъ, хотя знаніе это не можетъ быть безошибочно прилагаемо къ настоящему въ смыслѣ опредѣленнаго предсказанія поступковъ человѣка въ будущемъ; тѣмъ не менѣе, оно даетъ намъ возможность съ полною достовѣрностью опредѣлить, какая причина вызвала данный поступокъ, разъ онъ совершенъ.

Разъ есть налицо дѣйствіе, знаніе это даетъ намъ возможность точно установить его мотивы и, разъ не будетъ такого рода мотивовъ, знаніе это позволяетъ намъ съ полною увѣренностью отрицать возможность возникновенія соотвѣтственнаго дѣйствія.

Иными словами, наука о человѣческомъ характерѣ не даетъ намъ никакого опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: будутъ ли существовать въ мірѣ, сто лѣтъ спустя, какія - либо высшія формы труда или нѣтъ.

Но она можетъ доставить намъ *непреложныя доказательства* того, что, если такія высшія формы труда будутъ существовать черезъ сто лѣтъ,—мотивомъ къ ихъ возникновенію будетъ, по прежнему, стремленіе къ соціальному неравенству, и что неравенство въ условіяхъ индивидуальнаго существованія будетъ существо-

ЦАБ "Автограф"

вать и будетъ достижимо черезъ сто лѣтъ, какъ и теперь, ибо только при этомъ условіи стремленіе къ нему можетъ сдѣлаться побудительною причиной къ тому, чтобы люди принимались за эти высшія формы труда.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА VI.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ И СТРЕМЛЕНІЕ КЪ НЕРАВЕНСТВУ.

Въ предыдущемъ изложеніи выяснено, что̀ мы хотимъ доказать; обращаясь же нынѣ къ доказательству нашей основной мысли, я считаю необходимымъ, прежде всего, выяснить, что этого нельзя будетъ сдѣлать дедуктивнымъ способомъ, исходя изъ нѣкоторыхъ общихъ принциповъ. Наоборотъ, основное наше положеніе относится къ области индуктивныхъ наукъ и является обобщеніемъ изъ громаднаго числа фактовъ; поэтому оно только тогда можетъ считаться доказаннымъ, когда связь этого основнаго положенія съ вышеупомянутыми фактами будетъ выяснена и установлена совершенно незыблемо и прочно.

Въ различныхъ индуктивныхъ наукахъ связь эта бываетъ разнаго рода.

Въ нѣкоторыхъ факты, на которыхъ строится обобщеніе, совершенно новы и невѣдомы и, будучи открыты впервые какимъ-либо уче-

ЦАБ "Автограф"

нымъ, должны приниматься на вѣру и лежать, такъ-сказать, на его отвѣтственности.

Таковы, напримѣръ, многіе факты, приводимые Дарвиномъ.

Въ другихъ случаяхъ факты, на которые ссылается изслѣдователь, общеизвѣстны, и задача его сводится только къ тому, чтобы выяснить читателю то сопоставленіе этихъ фактовъ, на основаніи котораго можно сдѣлать изъ нихъ соотвѣтственный выводъ.

Этому послѣднему роду индуктивнаго доказательства подлежитъ и изслѣдуемое нами основное положеніе.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому доказательству, я опять долженъ пойти на встрѣчу нѣкоторымъ возвраженіямъ, которыя, какъ я предвижу, могутъ возникнуть въ умѣ читателя и лишатъ его возможности разсмотрѣть этотъ вопросъ хладнокровно и безпристрастно.

Несомнѣнно, многіе могутъ подумать, что высказанное мною основное положеніе пріурочиваетъ всю цивилизацію къ одному изъ самыхъ низменныхъ людскихъ побужденій, — и что поэтому все мое разсужденіе не что́ иное какъ образецъ такого цинизма, на который не сто́итъ даже возражать.

Неужели талантъ художника проистекаетъ изъ стремленія его къ первенству? Неужели

ЦАБ "Автограф"

это же стремленіе внушаетъ химику или астроному ихъ терпѣніе, ихъ жажду новыхъ открытій? Неужели у человѣка нѣтъ въ душѣ болѣе благородныхъ побужденій, болѣе возвышенныхъ вожделѣній? Неужели служеніе искусству не есть само по себѣ громадное наслажденіе, которое одно можетъ побудить человѣка служить ему? Неужели у человѣка нѣтъ въ душѣ любви къ ближнимъ, и неужели чувство это не имѣло никакого вліянія на ходъ нашей цивилизаціи?..

Такія и подобныя этимъ возраженія несомнѣнно должны возникнуть въ умѣ читателя.

Въ возраженіяхъ этихъ несомнѣнно заключается глубокая истина, самое лучшее выраженіе которой заключается въ словахъ: «Не о хлѣбѣ единомъ сытъ будетъ человѣкъ», и еслибы какой-нибудь циникъ вздумалъ отрицать ее, онъ былъ бы не только циниченъ, но и глупъ.

Но дѣло въ томъ, что истина эта не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу, который я хочу доказать; наоборотъ, она совершенно совмѣстима съ высказаннымъ нами общимъ положеніемъ, въ чемъ мы не замедлимъ убѣдиться, болѣе внимательно разсмотрѣвъ этотъ вопросъ.

Прежде всего необходимо обратить внима-

ЦАБ "Автограф"

ніе на точныя границы этого основного нашего положенія.

Мы не говоримъ, что всякая людская дѣятельность вызывается стремленіемъ къ неравенству; мы говоримъ только, что стремленіе это является побужденіемъ ко всякому производительному труду, исключая самыхъ низшихъ формъ его.

Это не значитъ, напримѣръ, что человѣкъ ѣстъ или идетъ въ театръ, потому что стремится къ неравенству; не объ этихъ актахъ, не касающихся никого, кромѣ лица, учинившаго ихъ, думаетъ читатель, когда въ умѣ его возникаютъ всѣ вышеизложенныя возраженія. Онъ, очевидно, думаетъ о дѣйствіяхъ имѣющихъ вліяніе на общество, содѣйствующихъ поднятію или пониженію общаго уровня цивилизаціи; и въ числѣ такого рода дѣйствій безспорно есть много такихъ, побудительная причина которыхъ нѣчто иное, чѣмъ стремленіе къ неравенству.

Необходимо замѣтить, однако, что факты эти, вопервыхъ, не имѣютъ того значенія, какое можно имъ приписать съ перваго взгляда, а вовторыхъ, количество этихъ фактовъ очень ограничено.

Разсмотримъ этотъ вопросъ болѣе внимательно.

ЦАБ "Автограф"

Изо всѣхъ дѣйствій, имѣющихъ вліяніе на общество, только *четыремъ* категоріямъ чуждо стремленіе къ неравенству. Это—артистическое творчество, научныя открытія, дѣла личнаго милосердія и проповѣдь религіозная.

Это перечисленіе исчерпываетъ всѣ изъятія изъ общаго закона о стремленіи къ неравенству, руководящаго дѣятельностью людей.

Изъ этихъ четырехъ категорій двѣ послѣднія, очевидно, не имѣютъ никакого отношенія къ производительному труду, и мы можемъ ограничиться пока разсмотрѣніемъ первыхъ двухъ категорій.

Между этими дѣйствіями и производительнымъ трудомъ несомнѣнно существуетъ связь; но вопросъ: въ чемъ она заключается?

Начнемъ съ артистическаго творчества.

Картина, статуя и даже литературное произведеніе—сами по себѣ являются извѣстными предметами богатства, и это такого рода богатство, которое можетъ производиться безъ стремленія къ неравенству, ибо самый процессъ творчества ихъ сопряженъ съ извѣстнымъ наслажденіемъ; и разъ они сотворены только ради этого послѣдняго, они являются полными исключеніями изъ того общаго положенія, которое я собираюсь доказать.

Но, вопервыхъ, они являются исключеніями

ЦАБ "Автограф"

только при этомъ условіи, а за тѣмъ и самое значеніе этого исключенія далеко не таково, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Прежде всего, произведенія артистическаго творчества являются весьма маленькою частью въ общемъ числѣ продуктовъ производительнаго труда; кромѣ того, хотя артистическое творчество и является неизмѣнно мотивомъ къ ихъ производству, но очень часто рука объ руку съ нимъ дѣйствуютъ и мотивы, вытекающіе изъ стремленія къ неравенству — къ деньгамъ или славѣ, а иногда и къ обоимъ вмѣстѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что лучшіе образцы артистическаго творчества были именно созданы подъ вліяніемъ совокупности всѣхъ этихъ побужденій.

Греческіе трагики писали для того, чтобы получить одобреніе толпы и почетныя отличія; Шекспиръ писалъ, чтобы доставить себѣ средства къ жизни; Вальтеръ-Скоттъ — для того, чтобы построить Абботсфордъ; Рубенсъ писалъ и для славы, и для денегъ.

Такимъ образомъ мы должны придти къ заключенію, что хотя артистическое творчество и является теоретически исключеніемъ изъ нашего общаго положенія, но въ сущности оно является скорѣе доказательствомъ его справедливости.

ЦАБ "Автограф"

Иное дѣло научныя открытія Мотивъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ гораздо возвышеннѣе. Въ самомъ дѣлѣ,—за исключеніемъ дѣла проповѣдника и миссіонера,—нѣтъ труда, который былъ бы менѣе эгоистиченъ.

Астрономъ, открывая какую-нибудь новую звѣзду, въ самый моментъ такого открытія получаетъ уже нравственное удовлетвореніе, сторицей вознаграждающее его за его предшествовавшіе труды.

Кромѣ того, какъ общее правило, люди науки не ищутъ, да никогда и не создаютъ себѣ состоянія. Не для нихъ также внѣшніе успѣхи въ обществѣ или награжденіе чинами. Они не блещутъ и не хотятъ блистать на аренѣ общественной жизни, и поэтому слово «ученый» для многихъ синонимъ «отшельника». Вся жизнь такихъ истинно - ученыхъ людей одушевлена жаждой познанія истины ради ея самой, и поэтому стремленіе къ неравенству не руководитъ ихъ поступками.

Допуская все это, посмотримъ теперь какое отношеніе имѣетъ оно къ нашему воззрѣнію на производительный трудъ.

Трудъ этотъ, какъ извѣстно, въ значительной степени обязанъ своими успѣхами открытіямъ, сдѣланнымъ чистою наукой.

Отрицать этого нельзя, но при этомъ необходимо принять въ надлежащее вниманіе то

ЦАБ "Автограф"

обстоятельство, что чисто - научное открытіе не есть само по себѣ производительный трудъ; тѣ истины, которыя открываетъ наука, подобны нѣкіимъ могучимъ духамъ, пребывающимъ на какихъ-то отдаленныхъ планетахъ, и поэтому, прежде чѣмъ онѣ могутъ быть примѣнены на практикѣ къ той или иной отрасли обрабатывающей промышленности, эти научныя открытія должны быть въ корень переработаны людьми совершенно иной категоріи; и эти люди будутъ цѣнить эти открытія не ради ихъ самихъ, а ради той пользы, которую они могутъ изъ нихъ извлечь.

Иными словами, до тѣхъ поръ пока ученый ищетъ истины ради ея самой, онъ не ищетъ ея для какихъ-либо утилитарныхъ цѣлей; разъ же онъ не имѣетъ въ виду принимать эту истину къ какой-либо отрасли обрабатывающей промышленности, открытія его не имѣютъ никакого отношенія къ производительному труду.

Слѣдовательно, если мы даже допустимъ,— а больше этого мы не можетъ сдѣлать, — что научныя открытія одни изъ главныхъ двигателей прогресса и вмѣстѣ съ тѣмъ мотивомъ къ нимъ не является стремленіе къ неравенству,—то и въ этомъ случаѣ не будетъ заключаться никакого противорѣчія высказанному мною положенію касательно производительнаго труда.

ЦАБ "Автограф"

Если же мы нѣсколько глубже вникнемъ въ этотъ вопросъ, мы увидимъ, что въ немъ такъ же какъ и въ артистическомъ творчествѣ заключается подтвержденіе по существу истинности нашего воззрѣнія.

Я хочу именно указать на то что, несмотря на скромную жизнь, отличающую ученаго, не взирая на отсутствіе стремленія ко внѣшнему блеску и богатству, — а можетъ-быть именно благодаря такому отсутствію,—мы совершенно отчетливо можемъ замѣтить въ каждомъ такомъ ученомъ желаніе занять мѣсто соотвѣтственное его научнымъ заслугамъ въ ряду другихъ изслѣдователей той же области.

Несомнѣнно, каждый ученый, разъ онъ чувствуетъ, что приближается къ познанію истины, не только страстно желаетъ ея открытія, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же сильно желаетъ, чтобъ онъ, а не кто-нибудь другой открылъ ее.

И это его желаніе не только внутреннее, въ немъ самомъ живущее чувство, которое удовлетворено, разъ онъ сдѣлалъ открытіе.

Нѣтъ, — пусть какой-нибудь другой вздумаетъ приписать себѣ сдѣланное такимъ ученымъ открытіе, и то яростное негодованіе, которое въ немъ вызоветъ подобное поползновеніе — и которое мы, несомнѣнно, въ немъ увидимъ—раскроетъ намъ многое въ его душѣ.

ЦАБ "Автограф"

Онъ почувствуетъ, и совершенно основательно, что у него отнимаютъ честь которая ему принадлежитъ по праву, и хотя, весьма вѣроятно, онъ не думалъ о ней, дѣлая свое открытіе, но значеніе, которое онъ ей придаетъ въ душѣ, выяснится изъ степени его негодованія при попыткѣ отнять ее у него.

Ту же черту замѣчаемъ мы въ той преданности и любви къ своимъ собственнымъ мнѣніямъ которая отличаетъ всѣхъ ученыхъ, въ той непріязни, съ которою они встрѣчаютъ всякое возраженіе, и еще болѣе въ томъ всеобщемъ одобреніи, на которое они претендуютъ въ случаѣ, если сами откровенно признаются въ своей ошибкѣ.

Еслибы человѣкъ при поискахъ истины руководствовался единственно стремленіемъ къ тому, чтобъ истина эта была открыта, ему долженъ былъ бы быть совершенно безразличенъ вопросъ о томъ, кого считаютъ научнымъ открывателемъ ея; и такому ученому такъ же легко было бы отказаться отъ высказаннаго имъ ошибочнаго сужденія, какъ уйти изъ комнаты, въ которую онъ попалъ по ошибкѣ...

Слѣдовательно мы видимъ, что даже и при научныхъ изслѣдованіяхъ стремленіе къ неравенству играетъ нѣкоторую, немаловажную роль.

ЦАБ "Автограф"

Мало того, мы замѣтимъ то же самое и въ области религіозной и филантропической.

Весьма часто,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—въ результатѣ вышеуказанныхъ побужденій мы видимъ жизни людскія, полныя безкорыстнаго и самоотверженнаго труда на пользу ближнихъ.

Но таково свойство человѣческой природы, что даже и здѣсь имѣетъ свою долю вліянія стремленіе къ неравенству.

Допустимъ, что благочестіе или добрыя дѣла дали человѣку большую власть надъ людьми. Мы не можемъ воздать ему большей хвалы, какъ сказать, что онъ не пользуется этою властью для собственнаго своего возвеличенія...

Во всемъ, что̀ я сказалъ, нѣтъ, мнѣ кажется, ничего такого, что́ могло бы возбуждать какія-либо особыя сомнѣнія, и я надѣюсь, что я до нѣкоторой степени отвѣтилъ на возраженія, которыя мнѣ могли быть сдѣланы, и о которыхъ я выше упоминалъ.

Но всѣ убѣжденные въ благости и доброжелательности человѣческой природы могутъ мнѣ сдѣлать суровый упрекъ, что я не только не ограничилъ высказаннаго мною съ самаго начала циническаго положенія, но что я даже расширилъ его. Я не только приписалъ весь производительный трудъ такому низмен-

ЦАБ "Автограф"

ному побужденію, но я даже и во всѣхъ другихъ полезныхъ дѣяніяхъ людей отмѣтилъ то же побужденіе, хотя и въ нѣсколько иной формѣ.

Я слѣдовательно изобразилъ характеръ всѣхъ людей въ такомъ видѣ, который не можетъ не оскорблять нашего нравственнаго чувства.

Мнѣ остается теперь изгладить это впечатлѣніе. И этого не трудно будетъ достигнуть.

Пусть читатель внимательно вникнетъ въ то, что́ было сказано.

Стремленіе къ неравенству, сказалъ я, является единственнымъ или главнѣйшимъ мотивомъ только для производительнаго труда.

Во всѣхъ же остальныхъ видахъ и проявленіяхъ человѣческой дѣятельности я указывалъ на него какъ на мотивъ второстепенный и дополнительный.

При этомъ необходимо еще замѣтить слѣдующее: нравственная оцѣнка поступка, который является продуктомъ нѣсколькихъ мотивовъ, въ большинствѣ случаевъ дѣлается на основаніи самаго низкаго изъ этихъ мотивовъ; но это бываетъ не всегда, и по отношенію къ настоящему, изслѣдуемому нами, вопросу можно даже примѣнить совершенно противоположное правило.

ЦАБ "Автограф"

Возьмемъ, напримѣръ, область религіи.

Въ людяхъ высокой святости, вся цѣль жизни которыхъ была достиженіе ея, и все вліяніе которыхъ на ближнихъ основано на этой святости,—стремленіе ко внѣшнему неравенству было бы, конечно, гибельно всей ихъ нравственной личности.

Но если мы возьмемъ людей сравнительно болѣе низкаго душевнаго уровня, наше сужденіе о нихъ должно быть совсѣмъ иное.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, такое стремленіе ко внѣшнему неравенству можетъ сдѣлать изъ нихъ опасныхъ лицемѣровъ, но за то въ другихъ случаяхъ стремленіе это, нисколько не умаляя ихъ нравственнаго достоинства, можетъ даже содѣйствовать къ дальнѣйшему его развитію.

Люди этой категоріи хороши или дурны, искренни или лицемѣрны, не въ зависимости отъ того присуще ли имъ такое стремленіе или нѣтъ, а въ зависимости отъ того, подчинено ли это стремленіе высшимъ ихъ побужденіямъ или же, наоборотъ, эти побужденія подчинены ему.

Священникъ можетъ быть хорошимъ, даже святымъ человѣкомъ, преисполненнымъ самою сердечною заботой о душахъ ввѣренныхъ его попеченію, и въ то же время горячо желать

ЦАБ "Автограф"

сдѣлаться епископомъ. Мало того, такое его желаніе можетъ служить даже мѣриломъ его нравственной чистоты, разъ онъ для достиженія этой цѣли не будетъ идти инымъ путемъ, кромѣ стези долга.

Я вполнѣ согласенъ, однако, что нельзя считать такого рода характера выдающимся среди людей религіозныхъ, и не отрицаю, что у высшихъ типовъ людей вѣрующихъ нѣтъ такого стремленія къ неравенству. Но это относится только къ религіи; что же касается остальнаго, то въ этомъ отношеніи установленное мною общее правило остается въ полной силѣ.

Такъ, артистическое творчество и жажда знанія, хотя и могутъ существовать безъ такого стремленія къ неравенству, но въ то же время вполнѣ свободно могутъ уживаться въ душѣ человѣка съ подобными стремленіями.

Если такое неравенство заключается въ почестяхъ и славѣ; если оно состоитъ въ признаніи за человѣкомъ тѣхъ заслугъ, которыя онъ дѣйствительно имѣетъ, въ признаніи остальными людьми того, что́ есть въ дѣйствительности, то-есть того, что онъ выше и способнѣе ихъ,—тогда стремленіе къ неравенству не можетъ считаться предосудительнымъ ни въ артистѣ, ни въ философѣ. Утверждая это, мы

ЦАБ "Автограф"

нисколько не умаляемъ значенія художественныхъ и научныхъ стремленій.

Наоборотъ, мы придаемъ имъ еще нѣкоторую новую долю силы.

Если мы разсмотримъ цѣлый рядъ выдающихся людей, мы можемъ установить то общее правило, что—за весьма рѣдкими исключеніями—стремленіе къ неравенству въ смыслѣ славы, хотя и не вызывало художественнаго и научнаго творчества, но шло рука объ руку съ нимъ.

Геній, безъ честолюбія, самъ въ себѣ не носитъ задатковъ къ саморазвитію. Это доказывается: вопервыхъ, примѣромъ тѣхъ, въ комъ геній дремалъ до тѣхъ поръ пока не пробудилось честолюбіе вслѣдствіе какого-либо внѣшняго стимула; вовторыхъ, примѣромъ тѣхъ, въ комъ онъ былъ погашенъ жаждой наслажденій, и наконецъ, втретьихъ, примѣромъ тѣхъ,—каковъ Чатертонъ,—въ которыхъ онъ изсякъ вслѣдствіе того, что не былъ признанъ.

Это общее правило относится ко всѣмъ выдающимся людямъ, и не только въ немъ не заключается ничего для нихъ предосудительнаго, но такое положеніе вещей является вполнѣ нормальнымъ.

Совершенно основательно великіе артисты

ЦАБ "Автограф"

и ученые разсчитываютъ на тотъ почетъ, въ которомъ имъ можетъ отказать только невѣжество, и который одна только зависть можетъ осквернить, и поэтому стремленіе къ такому заслуженному неравенству вполнѣ естественно и справедливо.

Принявъ во вниманіе все изложенное въ настоящей главѣ, нельзя, надѣюсь, не замѣтить, что возраженія, о которыхъ я упомянулъ въ началѣ ея, въ значительной степени потеряли свою силу.

Но, пожалуй, теперь оппонентъ мой можетъ мнѣ указать еще на то, что я отошелъ отъ настоящаго вопроса; что я все толкую о неравенствѣ въ смыслѣ славы, а что это есть нѣчто совершенно отличное отъ того, что̀ мы обыкновенно разумѣемъ подъ соціальнымъ неравенствомъ.

Если онъ сдѣлаетъ мнѣ такого рода замѣчанія, я отвѣчу ему, что онъ правъ; но я попрошу его снова обратить вниманіе на фактъ, на который я уже указывалъ, а именно на то, что артистическое творчество является очень малою частью, а научныя открытія совершенно не участвуютъ въ томъ, что̀ мы обыкновенно разумѣемъ подъ наименованіемъ производительнаго труда.

Неравенство, къ которому стремится артистъ

ЦАБ "Автограф"

или ученый, заключается въ славѣ; неравенство, котораго ищетъ производительный работникъ, состоитъ въ неравенствѣ богатства.

Кромѣ этого существеннаго различія между этими двумя неравенствами, есть еще и та разница, что въ то время какъ первое органически связано съ трудомъ, который къ нему ведетъ, второе совершенно независимо отъ сущности такого труда.

Слава ученаго связана по существу съ его научными открытіями,—между тѣмъ успѣхъ бумагопрядильнаго заведенія въ Лондонѣ нисколько не зависитъ отъ самаго бумагопряденія.

На этотъ фактъ необходимо обратить особенное вниманіе.

Ожидаемые результаты отъ дѣятельности бумагопрядильни не кладутъ никакого оттѣнка на характеръ хозяина самаго заведенія; на основаніи ихъ мы не можемъ судить великій ли онъ человѣкъ или нѣтъ, и руководится ли онъ чувствомъ любви къ ближнему въ своей жизни. Чудная мебель въ кабинетѣ, китайская ваза или дорогой коверъ даютъ основаніе предполагать наличность нѣкоторыхъ качествъ въ томъ, кто ихъ сдѣлалъ; такого же предположенія нельзя сдѣлать на основаніи успѣха или неуспѣха бумагопряденія. И по-

ЦАБ "Автограф"

этому мы не замедлимъ убѣдиться, что чѣмъ данные, производимые людьми, предметы болѣе полезны и чѣмъ шире они распространены, тѣмъ менѣе производитель такого рода предметовъ лично заинтересованъ въ ихъ производствѣ, и тѣмъ отличнѣе становится мотивъ, побуждающій его къ нему отъ самаго процесса производства такого рода вещей.

На основаніи вышеизложеннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующее принципіальное обобщеніе: неравенство, стремленіе къ которому побуждаетъ человѣка къ труду, видоизмѣняется сообразно той пользѣ, которую извлекаетъ общество отъ такого труда.

Чѣмъ шире эта польза, тѣмъ болѣе матеріально это неравенство; и чѣмъ выше и отвлеченнѣе неравенство, къ которому стремится человѣкъ, тѣмъ менѣе практической пользы извлечетъ все общество изъ его дѣятельности.

Такъ, эти высшія стремленія порождаютъ открытія, но они не даютъ изобрѣтеній; они могутъ повести къ уразумѣнію экономическихъ законовъ, но никогда не будутъ имѣть въ непосредственномъ своемъ результатѣ установленіе какой-либо новой отрасли производства. Человѣкъ, стремящійся къ познанію истины, откроетъ законы электричества; но только тотъ,

ЦАБ "Автограф"

кто ищетъ денегъ, вздумаетъ примѣнить электричество къ освѣщенію станціи Чарингъ-Кроссъ въ Лондонѣ.

Мы покончили такимъ образомъ съ этою стороной вопроса. Главное наше основное положеніе теперь совершенно ясно очерчено; мы устранили всѣ тѣ кажущіяся затрудненія, которыя могли возбуждать недовѣріе къ нему въ людяхъ чувствительной души, и поэтому теперь, мы надѣемся, можно приступить къ безпристрастному и спокойному доказательству его истинности.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА VII.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ И СТРЕМЛЕНІЕ КЪ БОГАТСТВУ.

Прежде всего позволяю себѣ предложить читателю самый простой вопросъ. Богатство (wealth) существуетъ въ мірѣ, и оно было такъ или иначе создано людьми; вслѣдствіе чего люди создавали его?

Отвѣтъ, повидимому, совершенно ясенъ: потому что люди хотѣли обладать богатствомъ.

Но что̀ собственно подразумѣвается подъ такого рода отвѣтомъ: то ли что всѣ безъ исключенія люди желаютъ обладать богатствомъ, что это врожденное всѣмъ стремленіе, присущее каждому человѣку, или то, что это желаніе исключительное, совсѣмъ не врожденное, а наоборотъ, возникающее въ человѣкѣ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ?

Для весьма многихъ послѣдній вопросъ покажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ.

ЦАБ "Автограф"

Само собою разумѣется,—скажутъ они,—всѣ люди желаютъ быть богатыми, хотя, къ несчастію, только весьма немногимъ это удается. Какъ извѣстно, это—ходячее, широко распространенное, воззрѣніе на этотъ вопросъ.

Поэтому, констатировавъ такое сужденіе большинства, я попрошу читателя обратить вниманіе на слѣдующій примѣръ, заимствованный изъ области фантазіи.

Представимъ себѣ цѣлое поколѣніе миролюбивыхъ дикарей, живущихъ на волшебномъ островѣ, гдѣ французскія булки и жареная баранина растутъ на всѣхъ деревьяхъ, и гдѣ климатъ такъ мягокъ и постояненъ, что нѣтъ надобности ни въ жилищахъ, ни въ одеждѣ.

Здѣсь, казалось бы, должна быть идеальная колыбель богатства.

Тѣ предметы необходимости, на пріобрѣтеніе которыхъ въ цивилизованныхъ странахъ рабочій нынѣ затрачиваетъ всѣ свои силы,—на этомъ островѣ находятся въ распоряженіи людей безо всякаго съ ихъ стороны труда. Все время ихъ — въ полномъ ихъ распоряженіи, и если они станутъ работать, то не для обезпеченія своего существованія, а для того чтобъ украсить свою жизнь.

Ex hypothesi никто изъ нихъ не можетъ нуждаться и также ex hypothesi каждый изъ нихъ могъ бы жить въ роскоши.

ЦАБ "Автограф"

Не являлись бы такого рода условія осуществленіемъ самыхъ завѣтныхъ мечтаній демократовъ? Богатство, вѣдь, существовало бы и здѣсь и было бы идеальнымъ образомъ распредѣлено между людьми?..

Такъ можетъ показаться на первый взглядъ.

Но что́ было бы на самомъ дѣлѣ?

Если наши островитяне такіе же люди какъ и всѣ, богатства при такого рода условіяхъ совершенно бы не возникло, и самое созданіе его было бы невозможно.

Условія приблизительно такого же рода существуютъ на землѣ, и при наличіи ихъ нѣтъ и не возникаетъ богатства. Это мы можемъ утверждать съ полною достовѣрностью.

Но вслѣдствіе чего происходитъ такого рода явленіе?

Причина его ясна. Мы сказали, что островитяне наши — дикари, слѣдовательно имъ чужды потребности, а посему и мотивы дѣятельности, которые вызываются пользованіемъ продуктами внѣшней матеріальной цивилизаціи.

Мотивы дѣятельности такихъ островитянъ только тѣ, которые возникаютъ вслѣдствіе потребностей животной жизни—потребностей въ пищѣ и въ продолженіи своего рода.

Поэтому, хотя для удовлетворенія этихъ потребностей имъ не нужно почти никакого

ЦАБ "Автограф"

труда, и хотя они могли бы такимъ образомъ употреблять свое время, какъ имъ заблагоразсудится,—они одного только навѣрное не станутъ дѣлать: они не будутъ тратить этого времени на производство предметовъ роскоши.

Имъ чуждъ будетъ производительный трудъ. Онъ также будетъ для нихъ невозможенъ, какъ еслибъ у нихъ не было ни рукъ, ни мускульной силы.

Островъ, на которомъ они живутъ, предположимъ, богатъ углемъ и всякими металлами, но островитяне не строятъ шахтъ, не разжигаютъ горновъ, не знаютъ что̀ такое желѣзо.

Но почему?

Потому что они не знаютъ какую пользу могли бы имъ принести уголь и желѣзо. Они никогда не видѣли богатства, а потому неспособны и желать его; разъ нѣтъ желанія,—нѣтъ и мотива; при отсутствіи же мотива нѣтъ и дѣятельности, точно такъ же какъ безъ огня самая гигантская и совершенная паровая машина ничего произвести не можетъ.

Человѣкъ, который совершенно опредѣленно знаетъ, что онъ всегда будетъ сытъ, которому не надо ни крова, ни одежды и который никогда не видѣлъ и не слыхалъ о богатствѣ, и не мечталъ о тѣхъ наслажденіяхъ, какія оно

ЦАБ "Автограф"

могло бы ему доставить, такой человѣкъ будетъ неспособенъ сдѣлать что-либо для своего обогащенія или для улучшенія своего положенія, и точно также будетъ неспособна на это нація, состоящая изъ такого рода людей.

Предположимъ, однако, что на островъ нашъ пріѣзжаетъ иностранецъ,—человѣкъ со вкусами и привычками цивилизованной жизни, и что, тѣмъ или инымъ способомъ, онъ овладѣваетъ всѣми французскими булками и жареною бараниной произрастающими на островѣ.

Предположимъ, далѣе, что онъ на одинъ день отниметъ эту пищу островитянъ, заставитъ ихъ впервые испытать муки голода и затѣмъ объявитъ имъ, что заставитъ ихъ умереть съ голода, если они не будутъ исполнять его приказаній.

Въ одинъ день создастся энергія; возникнетъ то, чего доселѣ не было. Будутъ и рабочія руки, и умственныя способности, вполнѣ готовыя воспринять и повиноваться разуму того, кто можетъ дать или не дать пищи.

Безпечные и праздные дикари превращаются въ энергичныхъ трудящихся людей. Дремавшая цивилизація вызывается къ жизни. Островитяне наши точно переродились, они стали другими людьми, и все это подъ вліяніемъ одного стимула—подъ вліяніемъ нужды,

ЦАБ "Автограф"

при надеждѣ имѣть возможность удовлетворить свои потребности.

Въ этомъ фантастическомъ примѣрѣ содержится доля истины по отношенію къ тому, что́ дѣйствительно происходитъ на землѣ.

Правда, у насъ нѣтъ острововъ, на которыхъ растутъ французскія булки и жареная баранина; но есть острова, на которыхъ растетъ саговая пальма, и гдѣ человѣкъ, поработавъ въ теченіе одного часа, можетъ обезпечить себѣ пропитаніе на мѣсяцы.

Есть и другія мѣста, гдѣ, по тѣмъ или инымъ условіямъ, также легко добывать себѣ средства къ жизни; но нигдѣ въ такого рода мѣстахъ туземцы не приступали къ созиданію богатствъ иначе какъ подъ какимъ-либо давленіемъ извнѣ.

И это относится не только къ нимъ, но и ко всему человѣчеству.

Большинство людей, разъ они не видятъ богатства предъ собой, неспособны желать его.

Я знаю, что подобное сужденіе весьма многимъ покажется крайнимъ.

Обыкновенно считаютъ, что изъ всѣхъ стремленій, свойственныхъ человѣку, стремленіе къ богатству самое естественное и распространенное, и всякое сомнѣніе въ этомъ неизбѣжно будетъ встрѣчено улыбкой недовѣрія на первыхъ порахъ.

ЦАБ "Автограф"

Поэтому необходимо внимательно разсмотрѣть этотъ вопросъ.

Прежде всего позвольте мнѣ замѣтить, что въ этомъ ходячемъ мнѣніи, какъ и въ большинствѣ такихъ мнѣній, содержится извѣстнаго рода истина; и именно поэтому многіе и считаютъ это мнѣніе безусловно вѣрнымъ.

Начнемъ съ разсмотрѣнія того въ чемъ именно заключается эта истина.

Истина эта заключается въ широко распространенной поговоркѣ, что «деньги все могутъ сдѣлать».

Въ поговоркѣ этой нѣтъ ничего ложнаго. Это есть популярное выраженіе того, что́ существуетъ въ дѣйствительности, то-есть того, что, при извѣстныхъ условіяхъ, деньги, или ихъ эквиваленты, разъ количество ихъ будетъ достаточно, могутъ всегда обезпечить извѣстнаго рода непосредственныя услуги со стороны другихъ людей.

Но это еще не значитъ, что стремленіе къ богатству естественно присуще всѣмъ людямъ. Было бы совершенно нелогично сдѣлать такого рода выводъ изъ вышеуказаннаго вѣрнаго изреченія, весь смыслъ котораго заключается въ томъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, стремленіе къ богатству будетъ неизбѣжно возникать въ людяхъ, и что эти условія, при кото-

ЦАБ "Автограф"

рыхъ неизмѣнно возникаетъ подобное стремленіе, заключаются въ томъ, чтобы человѣкъ видѣлъ богатство предъ собою.

Это и есть то, что̀ я стремлюсь доказать.

Возьмемъ другой примѣръ, не касающійся денегъ.

Существуютъ дикари, которымъ въ теченіе вѣковъ не были извѣстны спиртные напитки, но которые, разъ отвѣдавъ водки, готовы сдѣлать все, что́ угодно, только для того, чтобы еще получить ее.

По отношенію къ такимъ людямъ столь же безошибочно можно было бы сказать, что не «деньги», а «водка все можетъ сдѣлать».

Но вѣдь это не значитъ, что всѣмъ имъ присуще врожденное желаніе пить водку; нѣтъ, это значитъ, что они всѣ будутъ желать пить водку, разъ они имѣли случай отвѣдать ее.

То же самое и съ богатствомъ, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ цивилизованные народы; въ этомъ послѣднемъ случаѣ стремленіе къ нему возникаетъ даже еще гораздо труднѣе, и сила этого стремленія видоизмѣняется сообразно тѣмъ условіямъ, при которыхъ зарождается и развивается такого рода стремленіе въ душѣ человѣка.

Посмотримъ на наши англійскія рабочія сферы.

ЦАБ "Автограф"

Мы найдемъ углекоповъ, которые въ хорошее время зарабатываютъ больше, чѣмъ многіе сельскіе священники, и между фабричными рабочими мы найдемъ семьи, заработокъ которыхъ еще выше. *)

Но что́ же обыкновенно дѣлаютъ эти люди со своимъ заработкомъ?

Нѣкоторые откладываютъ его, помѣщая его въ процентныя бумаги или пріобрѣтая недвижимость. Но это незначительное меньшинство.

Что́ замѣчательно въ остальныхъ, это не то, что они не откладываютъ своихъ заработковъ, а то, какимъ образомъ и на что́ они ихъ тратятъ.

Они не только не пріобрѣтаютъ на эти деньги что́ могло бы доставить имъ какой-либо постоянный комфортъ, но тратятъ ихъ на вещи, которыя сравнительно съ цѣной, которую они за нихъ уплачиваютъ, могутъ имъ въ данный моментъ доставить весьма мало наслажденія.

Такъ, они заплатятъ за виноградъ больше, чѣмъ платятъ за свою квартиру; они купятъ фортепіано, не умѣя ударить по клавишѣ;

---

*) Мнѣ говорилъ, напримѣръ, одинъ изъ крупныхъ бумагопрядильныхъ фабрикантовъ, что въ числѣ его рабочихъ есть семьи, заработокъ которыхъ достигаетъ 3.000 руб. въ годъ. Отъ него же я узналъ многое о томъ, какъ и на что́ тратятся эти доходы.

ЦАБ "Автограф"

они будутъ кормить бифштексами свою собаку и очень часто, какъ извѣстно, курятъ трубки съ нѣсколькими, соединенными въ одинъ, чубуками только для того, чтобы въ данный промежутокъ времени извести возможно большее количество табаку. *)

Въ то же время люди эти живутъ въ грязныхъ лачугахъ, безо всякихъ удобствъ.

Введите такого человѣка въ домъ богача; онъ съ чувствомъ смутной зависти будетъ смотрѣть на просторныя комнаты, на картины и дорогую мебель, но у него въ сущности не явится желанія обладать всѣми подобными предметами; ибо будь оно, онъ могъ бы и самъ обзавестись чѣмъ-либо въ этомъ родѣ.

Точно также каждый изъ нихъ съ жадностью взялъ бы, еслибы ему предложили, тысячу рублей, но у него, очевидно, нѣтъ опредѣленнаго желанія имѣть ихъ, ибо будь оно, онъ бы могъ отложить ихъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Итакъ, мы видимъ здѣсь примѣры людей, жизнь которыхъ протекаетъ бокъ-о-бокъ съ богатствомъ и которые въ сущности его не желаютъ, ибо, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно

---

*) Такого рода трубки одно время спеціально изготовлялись въ Ньюкестлѣ.

ЦАБ "Автограф"

имъ попадаетъ въ руки, они съ пренебреженіемъ отбрасываютъ его.

Но если это такъ, то чѣмъ объяснить ту ожесточенную сословную ненависть, о которой мы столько слышимъ, и проявленія которой наполняютъ современную, окружающую насъ жизнь.

Вѣдь всѣ они основаны, повидимому, на стремленіи къ богатству, и даже весь мой настоящій трудъ,—могутъ мнѣ возразить,—указываетъ на ихъ существованіе.

На это я отвѣчу, вопервыхъ, что я нисколько не отрицаю того, что стремленіе къ богатству можетъ быть распространено почти повсемѣстно; я только утверждаю, что для возникновенія этого желанія въ людяхъ должны быть налицо нѣкоторыя внѣшнія условія.

Вовторыхъ, я укажу на то обстоятельство, до сихъ поръ еще недостаточно для всѣхъ ясное, что стремленіе къ богатству есть нѣчто весьма неопредѣленное и не всегда означаетъ то, что́ мы обыкновенно подъ нимъ разумѣемъ.

Возьмемъ истощенную трудомъ мать съ полуголодною семьей на рукахъ, которая видитъ какъ мимо ея лачуги проѣзжаютъ экипажи, наполненные корзинами съ утонченною провизіей, направляясь на скачки въ Аскоттъ.

Мы слышимъ отовсюду, что сословная нена-

ЦАБ "Автограф"

висть, о которой я выше упоминалъ, особенно рѣзко проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда нужда непосредственно соприкасается съ роскошью.

Поэтому, несомнѣнно, мать голодающей семьи до глубины души возмущена видомъ всего этого изобилія и богатства и горячо желаетъ... но чего же собственно она желаетъ?

Вѣдь не того, чтобы самой ѣхать въ шелковомъ платьѣ въ этомъ великолѣпномъ экипажѣ и вести оживленную бесѣду съ сидящими въ немъ леди и джентльменами, и не шампанское, не омары и не фаршированныя трюфелями индѣйки останавливаютъ на себѣ ея жадный взглядъ. Она ничего не знаетъ обо всѣхъ этихъ вещахъ, и онѣ ничего не говорятъ ея воображенію; точно также ничего для нея не значатъ ливреи лакеевъ, породистость лошадей и блескъ упряжи.

Все это дѣйствуетъ на нее только потому, что воплощаетъ для нея смутный символъ изобилія въ то время, когда сама она въ нуждѣ; изобиліе же, по ея представленію, состоитъ въ томъ, чтобы было достаточно ѣды и одежды.

Поэтому богатство, котораго она въ данную минуту особенно горячо желаетъ, заключается въ томъ, чтобъ избѣжать нужды, а не достигнуть роскоши; и таковы желанія боль-

ЦАБ "Автограф"

шинства подобныхъ ей матерей. Обезпечьте пропитаніе и одежду ея семьѣ, дайте ей скромный достатокъ, и вы увидите какъ затихнетъ въ душѣ ея стремленіе къ богатству; оно также мало будетъ составлять движущую силу въ ея существованіи, какъ мало дѣйствуетъ оно въ углекопѣ или въ фабричномъ рабочемъ, въ смыслѣ побужденія его къ сбереженію денегъ.

Поэтому,—разъ даже въ наше время, когда богатство достижимо для каждаго, и сопряженныя съ нимъ блага ясны для всѣхъ,—существуютъ люди, въ которыхъ нѣтъ въ сущности стремленія къ нему, и для которыхъ богатство означаетъ лишь удовлетвореніе ихъ первыхъ потребностей,—разъ это мы видимъ теперь,—то тѣмъ легче усвоить намъ убѣжденіе, что въ тѣ давнія времена, въ которыя началось движеніе человѣческаго прогресса, люди совершенно были неспособны производить то, чего часть этихъ же людей не желаетъ и нынѣ.

Иными словами, наши воображаемые островитяне являются точнымъ олицетвореніемъ—по отношенію къ богатству—не только того, чѣмъ люди были пока еще не было богатства, но и того, чѣмъ они станутъ, если богатство исчезнетъ съ лица земли.

ЦАБ "Автограф"

Поэтому, если мы хотимъ выяснить причины возникновенія того, чѣмъ богата современная намъ цивилизація, мы должны обратиться къ этимъ отдаленнымъ эпохамъ человѣческой исторіи и установить, по какимъ ступенямъ двигалась цивилизація, пока она достигла нынѣшняго ея уровня.

Итакъ, въ чемъ же заключается первичная причина возникновенія богатства? Если оно не могло возникнуть до тѣхъ поръ пока кто-либо не увидѣлъ его, то чѣмъ объяснить дѣйствіе того человѣка, который создалъ его впервые?

Отвѣтъ на это заключается въ томъ, что человѣкъ, прежде чѣмъ стать существомъ трудящимся, былъ существомъ воинствующимъ.

Первыя неравенства были добыты силой, первыя начала богатства заключались въ накопленіи въ однѣхъ рукахъ предметовъ первой необходимости, добытыхъ насиліемъ...

Для насъ, впрочемъ, важно не то, какимъ именно способомъ происходило созиданіе богатства, ибо мы встрѣчаемъ богатство въ самые отдаленные періоды міровой исторіи; для насъ важно установленіе факта, что разъ варварская нація превращалась въ цивилизованную, этотъ процессъ происходилъ неизмѣнно при однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

Правда, древнія цивилизаціи были основаны

ЦАБ "Автограф"

на рабствѣ, а цивилизація нашихъ дней основана на денежномъ вознагражденіи за трудъ; но та и другая основана на трудѣ, мотивомъ котораго является потребность въ пищѣ и въ обезпеченіи средствъ для существованія, причемъ и тутъ, и тамъ трудъ этотъ примѣняется такимъ образомъ, что въ результатѣ его получается нѣчто большее, чѣмъ простое удовлетвореніе потребностей вызвавшихъ его.

Это мы видимъ въ каждомъ обществѣ, которое возвысилось надъ варварствомъ. Мы видимъ подтвержденіе этого и въ созданіи стѣнъ Вавилонскихъ, и въ проложеніи новой улицы въ Чикаго.

Иными словами, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда создавалось богатство, существеннымъ элементомъ въ его производствѣ былъ трудъ людей, которые ни за что бы не исполнили его, ради его самого.

Египетскіе каменотесы совсѣмъ не интересовались пирамидами; въ ихъ глазахъ онѣ были только средствомъ къ тому, чтобы каждый изъ нихъ могъ ежедневно накормить себя и семью.

Поэтому для насъ существенно важнымъ является вопросъ: благодаря чему возникалъ такого рода трудъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ мы можемъ

ЦАБ "Автограф"

вернувшись снова къ нашимъ островитянамъ.

Во всѣхъ случаяхъ такого рода трудъ, производившій нѣчто большее чѣмъ удовлетвореніе его потребностей, былъ получаемъ тѣмъ же способомъ, который употребилъ иностранецъ на нашемъ островѣ, искусственно создавая потребность въ пищѣ и затѣмъ ставя извѣстныя условія для ея удовлетворенія.

Но кто этотъ иностранецъ? Символомъ какихъ силъ является онъ? И въ чемъ находимъ мы ему соотвѣтствіе въ дѣйствительной исторіи развитія человѣчества?

Иностранецъ этотъ является символомъ троякаго рода.

По отношенію къ древнему міру онъ является символомъ власти побѣдителя, по отношенію къ современному міру онъ является символомъ власти общества, и въ обоихъ случаяхъ онъ является символомъ власти и стремленій меньшинства.

Во всѣхъ случаяхъ, когда въ средѣ людской начинались создаваться богатства, были налицо или вышеуказанное давленіе физической силы, которая дѣлала рабовъ, или нѣкоторый соціальный строй, который дѣлалъ часть людей свободными работниками; и всюду и всегда было налицо меньшинство, въ рукахъ кото-

ЦАБ "Автограф"

раго или была сосредоточена эта внѣшняя сила, или которое, благодаря извѣстному сочетанію условій, пользовалось въ своихъ интересахъ вышеуказаннымъ соціальнымъ строемъ, обезпечивающимъ за нимъ преобладаніе надъ остальными людьми.

Подведемъ же теперь итоги всему вышеизложенному.

Выводъ этотъ заключается въ томъ, что всякая цивилизація, которая когда-либо существовала въ мірѣ, началась *противъ воли большинства людей*, на которыхъ она распространялась, и когда демократы, оглядываясь на прошлое человѣчество, объявляютъ, что оно не что иное какъ пространная исторія притѣсненій, они только подтверждаютъ истинность высказанной мною мысли.

Они подтверждаютъ, что цивилизація повсемѣстно начиналась подъ давленіемъ меньшинства, мотивы котораго заключались единственно въ содѣйствіи собственному своему преуспѣянію.

Нѣкоторые демократы, по всей вѣроятности, не откажутъ намъ въ признаніи, что это такъ, и согласятся, что меньшинство оказало нѣкоторую пользу дѣлу цивилизаціи въ отдаленные періоды человѣческой исторіи.

Но,—могутъ они намъ сказать,—съ тече-

ЦАБ "Автограф"

ніемъ времени все это измѣнилось, и ключъ къ современному положенію вещей не находится уже болѣе въ томъ, что человѣкъ переходитъ отъ варварства къ началу цивилизаціи, а въ томъ, что онъ отъ начала цивилизаціи подымается къ высшимъ ступенямъ ея. Человѣческій характеръ—скажутъ они намъ—совершенно измѣнился; стремленія, которыя въ началѣ приходилось въ него внѣдрять силой, пустили нынѣ прочные корни въ его душѣ, и пріученный въ теченіе столькихъ вѣковъ производить богатства для другихъ, онъ нынѣ уже въ силахъ желать ихъ и производить для самого себя. Поэтому онъ уже не нуждается, какъ это было прежде, въ руководящемъ давленіи надъ нимъ меньшинства.

На это я отвѣчу слѣдующее:

Между среднимъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ началѣ цивилизаціи и тѣмъ, который есть въ настоящее время въ цивилизованныхъ народахъ, существуетъ глубокое различіе, но различіе это заключается не въ томъ, въ чемъ желаютъ видѣть его домократы. По существу своему, характеръ человѣка остался неизмѣннымъ; вся перемѣна, которую мы замѣчаемъ въ типѣ людей, проистекаетъ отъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя ихъ окружаютъ.

Поэтому точно такъ же какъ одинъ видъ

ЦАБ "Автограф"

неравенства вызвалъ возникновеніе богатства, точно такъ же другой видъ неравенства дѣлаетъ то, что производство богатствъ не прекращается, и если въ наши дни производится больше богатствъ, чѣмъ во времена Фараоновъ, то это не доказываетъ, что неравенство перестало имѣть вліяніе на его возникновеніе; это доказываетъ только, что неравенства эти вылились въ нѣкоторыя болѣе совершенныя формы, которыя и производятъ бо́льшіе результаты.

Доказать это возможно, конечно, только обратившись къ исторіи матеріальнаго прогресса путемъ внимательнаго изслѣдованія не отдѣльныхъ фактовъ, а тѣхъ группъ, на которыя распадаются эти отдѣльные факты, при чемъ необходимо будетъ отмѣчать общія этимъ группамъ свойства, лежащія въ ихъ основаніи.

Этихъ группъ, на которыя раздѣляются вышеуказанные факты, двѣ.

Одна заключается въ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; другая же въ тѣхъ соціальныхъ условіяхъ, при которыхъ эти изслѣдованія, открытія и изобрѣтенія были произведены или примѣнены.

Такъ, мы можемъ, сравнивъ современную Европу съ древнимъ Египтомъ, сказать, что она отличается отъ послѣдняго частью тѣмъ,

ЦАБ "Автограф"

что владѣетъ силой пара, частью же тѣмъ, что владѣетъ свободнымъ трудомъ; и посему намъ при такого рода изслѣдованіяхъ пришлось бы считаться съ вопросами слѣдующаго рода:

Какіе процессы въ людскомъ характерѣ привели къ установленію паровыхъ двигателей? И въ чемъ—по отношенію къ труду—видоизмѣнились воззрѣнія Бирмингамскаго рабочаго отъ воззрѣнія раба при Сезострисѣ?

Разница между этими двумя областями изслѣдованія, по моему мнѣнію, очевидна; между тѣмъ, насколько я знаю, ни одинъ демократическій теоретикъ не обратилъ на нее вниманія, и никто не далъ даже соотвѣтственныхъ наименованій этимъ двумъ, совершенно различнымъ, группамъ явленій.

Поэтому я предлагаю нынѣ для удобства изложенія именовать первую «Внѣшнимъ Прогрессомъ», а вторую «Личнымъ Прогрессомъ», въ виду того, что отличительная черта первой состоитъ въ изслѣдованіи того, что́ было сдѣлано, а второй—въ изслѣдованіи внутреннихъ мотивовъ лицъ, производившихъ данныя дѣйствія.

Въ послѣдующемъ изложеніи я разсмотрю каждую изъ этихъ двухъ группъ явленій порознь.

ЦАБ "Автограф"

VIII.

НЕРАВЕНСТВО И МАТЕРІАЛЬНЫЙ ПРОГРЕССЪ.

Сравнимъ современную намъ цивилизацію съ одною изъ самыхъ древнихъ и первоначальныхъ ступеней ея: цивилизацію при королевѣ Викторіи съ цивилизаціей при Сезострисѣ, Валтасарѣ, Карлѣ Великомъ или Вильгельмѣ-Завоевателѣ, и отмѣтимъ нѣкоторые изъ тѣхъ внѣшнихъ фактовъ и явленій, благодаря которымъ современная цивилизація такъ далеко ушла впередъ отъ этихъ первичныхъ своихъ формъ.

Выберемъ для этого тѣ именно факты и явленія, которые имѣютъ самое широкое вліяніе въ мірѣ и которые, по мнѣнію самыхъ крайнихъ домократовъ, точно такъ же какъ и по мнѣнію самыхъ крайнихъ консерватровъ, являются воплощеніемъ торжества прогресса. Таковы: порохъ, книгопечатаніе, примѣненіе силы пара къ передвиженіямъ на сушѣ по водѣ и

ЦАБ "Автограф"

въ области обрабатывающей промышленности, газовое и электрическое освѣщеніе, телеграфъ и тѣсная сѣть торговыхъ сношеній, которая нынѣ связываетъ между собою всѣ страны свѣта.

Перечень этотъ, разумѣется, далеко не полонъ, но его достаточно для того, чтобы читатель увидѣлъ о какой категоріи фактовъ и явленій мы говоримъ, а также уяснилъ себѣ связь, которая существуетъ между всѣми этими фактами, явленіями и идеалами современной демократіи.

Ничего такъ не содѣйствовало распространенію власти какъ порохъ, распространенію знаній—какъ книгопечатаніе, увеличенію комфорта жизни—какъ паръ, и вся нынѣ существующая идея объ общечеловѣческихъ интересахъ обязана своимъ возникновеніемъ расширенію торговыхъ сношеній и облегченію способовъ передвиженія.

Посмотримъ же теперь какъ возникли всѣ эти факты и явленія? Ихъ создали люди - это очевидно,—но какими средствами и какъ?

Если мы начнемъ изслѣдовать эти факты, мы прежде всего замѣтимъ, что возникновеніе каждаго изъ нихъ пріурочивается къ имени одного какого-либо человѣка или къ именамъ нѣсколькихъ людей. Такъ имя Колумба свя-

ЦАБ "Автограф"

зано съ открытіемъ Америки; Бэкона (Роджера) съ открытіемъ пороха; Уатта, Стефенсона и другихъ съ открытіемъ и примѣненіемъ силы пара, и широко распространенное воззрѣніе на этотъ вопросъ состоитъ въ томъ, что всѣ эти великія событія обязаны своимъ возникновеніемъ тѣмъ людямъ, съ именами которыхъ они тѣсно связаны. Иными словами, принято думать, что внѣшній матеріальный прогрессъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и успѣхами генію извѣстныхъ, особо выдающихся, личностей.

Я предполагаю, прежде всего, доказать, что это ходячее, широко распространенное мнѣніе совершенно вѣрно и согласно съ истиной, а затѣмъ перейти къ изслѣдованію вопроса о томъ, какіе мотивы руководили всѣми этими выдающимися людьми въ ихъ дѣятельности.

Мнѣ могутъ, пожалуй, возразить, что разъ я считаю это ходячее мнѣніе столь широко распространеннымъ, мнѣ нѣтъ надобности тратить время на доказательство его истинности.

Отвѣтъ на это мы найдемъ въ нѣсколькихъ цитированныхъ уже нами отрывкахъ изъ сочиненія Герберта Спенсера.

Вспомнимъ, что онъ прямо и категорично заявляетъ, что такого рода ходячее мнѣніе совершенно ошибочно. Оно несовмѣстимо, по его словамъ, ни съ какимъ правильнымъ воз-

ЦАБ "Автограф"

зрѣніемъ на прогрессъ, и наука съ каждымъ днемъ все яснѣе и неоспоримѣе доказываетъ его ложность.

Ходячее мнѣніе это онъ назвалъ «теоріей о великихъ людяхъ» (the great man theory), и я уже имѣлъ случай познакомить читателей, какъ безпощадно критикуетъ Спенсеръ эту теорію.

Будь это единоличнымъ воззрѣніемъ Спенсера, объ этомъ вопросѣ не стоило бы говорить вторично. Но дѣло въ томъ, что это воззрѣніе, воспринятое и включенное имъ въ его аргументацію, было квази-научною аксіомой уже въ то время, когда Спенсеръ былъ еще въ пеленкахъ.

Такъ, напримѣръ, Маколэй слѣдующимъ образомъ смотритъ на этотъ вопросъ. Онъ говоритъ о немъ какъ о чемъ-то уже давно извѣстномъ посвященнымъ и что̀ является парадоксомъ только для невѣждъ. Онъ не только предвосхищаетъ мысль Спенсера, но даже до нѣкоторой степени и форму его выраженій.

Спенсеръ, какъ мы видѣли, говоритъ, что «прежде чѣмъ великій человѣкъ можетъ передѣлать свое общество, это общество должно сдѣлать его самого *).

*) Герберт̀ъ Спенсеръ, *Соціологія какъ предметъ изученія*, стр. 30.

ЦАБ "Автограф"

Маколэй же говоритъ:

«Не человѣкъ творитъ вѣкъ, а вѣкъ создаетъ людей. Великіе умы оказываютъ, правда, обратное воздѣйствіе на общество, которое ихъ создало, но они только возвращаютъ съ процентами то, что́ сами получили. Неравенство въ умственныхъ способностяхъ (the inequalities of intellect), — пишетъ онъ дальше,—подобно неровностямъ почвы на земномъ шарѣ, которыя такъ незначительны по сравненію съ общею массой, что ихъ можно совершенно не принимать во вниманіе, обсуждая и изслѣдуя крупныя перемѣны, происходящія въ мірѣ. Солнце освѣщаетъ верхушки горъ, пока оно еще за горизонтомъ; и точно также истины открываются болѣе сильными умами немного раньше того, чѣмъ истины эти становятся общимъ достояніемъ. Въ этомъ только и заключается все ихъ первенство. Они первые воспринимаютъ и воспроизводятъ свѣтъ, который безъ нихъ долженъ былъ бы скоро сдѣлаться видимымъ для тѣхъ, кто стоитъ гораздо ниже ихъ» *).

Таковы воззрѣнія, которыми современная наука стремится замѣнить вышеуказанное широко распространенное ходячее мнѣніе.

---

*) Macaulay. *Essay on Dryden.*

ЦАБ "Автограф"

Слѣдовательно, при изученіи человѣческаго прогресса можно, какъ говоритъ Маколэй, совершенно не принимать во вниманіе «великихъ индивидуальныхъ умовъ и, какъ говоритъ Спенсеръ, изученіе этихъ индивидуальныхъ существованій не открыло бы намъ ничего серіознаго даже «еслибы мы ослѣпли, читая и перечитывая ихъ біографіи».

Умы эти, оказывается, только немного ускоряютъ открытіе истинъ, которыя — «безъ нихъ»—общество открыло бы и само немного времени спустя.

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ я уже останавливался на этой поразительной доктринѣ для того, чтобы разъяснить, какъ наши современные мыслители проглядѣли цѣлую область знанія. Теперь я снова возвращаюсь къ этой доктринѣ для того, чтобы показать, до какой степени она противорѣчитъ фактамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни.

Когда святые начинаютъ грѣшить, нѣтъ грѣшниковъ хуже ихъ; когда люди науки впадаютъ въ ошибку, нѣтъ тѣхъ заблужденій, къ которымъ бы они не пришли.

Оставаясь въ предѣлахъ первоначально возбужденныхъ нами вопросовъ о развитіи торговли, о введеніи паровыхъ двигателей и т. п., посмотримъ, что̀ могло бы быть сдѣлано обществомъ самимъ по себѣ?..

ЦАБ "Автограф"

Могло ли оно открыть Америку? Могло ли оно изобрѣсти книгопечатаніе, могло ли оно открыть законъ о тяжести или опредѣлить разстояніе земли отъ солнца? Могло ли, наконецъ, общество написать Спенсеровскую *Систему Философіи (System of Philosophy)*.

Если кто-нибудь полагаетъ, что общество можетъ это сдѣлать, я попрошу его обратиться къ изслѣдованію того, сдѣлало ли оно когда-либо что-нибудь подобное. Людямъ, которые непрестанно твердятъ объ историческомъ методѣ изслѣдованія, вѣдь не мѣшаетъ справиться и провѣрить свои выводы съ тѣмъ, что̀ дѣйствительно имѣло мѣсто въ прошломъ человѣчества.

Итакъ, возьмемъ для примѣра открытіе Америки.

Событіе это, какъ мы всѣ знаемъ, было до нѣкоторой степени случайностью. Оно явилось вслѣдствіе попытки найти новый путь въ Индію.

Предположимъ теперь, что мнѣнія каждаго изъ жителей Европы были собраны касательно этого вопроса въ то время, когда Колумбъ обдумывалъ уже свою экспедицію. Какъ мало было бы такихъ, которые вообще имѣли бы какое-нибудь сужденіе по этому вопросу; какъ мало было бы такихъ, которые оцѣнили бы

ЦАБ "Автограф"

значеніе такого новаго пути въ Индію; какъ мало изъ тѣхъ,—кто понималъ значеніе этого пути,—считали его возможнымъ; и какъ мало изъ тѣхъ, кто считалъ его возможнымъ, готовы были бы лично испытать, осуществимъ ли онъ въ дѣйствительности?..

Всякій, кто изучалъ состояніе общества въ то время, легко найдетъ отвѣтъ на всѣ эти вопросы; а біографія самого Колумба снабдитъ его еще болѣе подобными на этотъ счетъ свѣдѣніями.

Открытія Колумба не только не были продуктомъ вліянія всего европейскаго общества, но громадное большинство этого общества, до того момента пока не совершилось это открытіе, пребывало въ глубочайшемъ невѣдѣніи о томъ, что оно предполагалось; а то незначительное меньшинство, которое знало, что затѣвается подобное предпріятіе, относилось къ нему частью безразлично, частью же прямо враждебно.

Несомнѣнно, Спенсеръ и другіе могутъ мнѣ замѣтить, что не родился же Колумбъ съ готовою идеей открытія новаго пути въ Индію въ головѣ.

Зарожденіе и развитіе этой идеи можно прослѣдить въ томъ, что онъ поселился въ Лиссабонѣ, гдѣ братъ его занимался составле-

ЦАБ "Автограф"

ніемъ морскихъ картъ, въ томъ, что онъ женился на дочери предпріимчиваго итальянскаго мореплавателя и что онъ воспринялъ такимъ путемъ знанія и жажду открытій предшествовавшихъ ему изслѣдователей отдаленныхъ странъ.

Но прежде всего необходимо замѣтить, что сами эти изслѣдователи были ничтожною крупинкой въ общей массѣ человѣчества, а затѣмъ даже для тѣхъ изъ нихъ, кого зналъ Колумбъ, его надежды и проекты явились неожиданностью и откровеніемъ.

Итакъ, мы стоимъ здѣсь лицомъ къ лицу съ совершенно яснымъ и безспорнымъ фактомъ.

Какія бы предшествовавшія или современныя ему условія ни содѣйствовали созданію Колумба, разъ онъ былъ созданъ, онъ сразу сталъ тѣмъ индивидуальнымъ центромъ, изъ котораго исходитъ и свѣтъ, и сила для выполненія нѣкотораго великаго дѣла.

Онъ былъ не сыномъ своего вѣка, а гораздо выше его; она былъ не ученикомъ, а учителемъ его, и 3 августа 1494 года причины одного изъ величайшихъ событій въ человѣческой исторіи не были—какъ то́ думаетъ Спенсеръ—разсѣяны и распредѣлены (diffused) по всей вообще Европѣ, а всѣ они были сосредоточены на маленькой палубѣ того судна,

ЦАБ "Автограф"

съ котораго Колумбъ слѣдилъ за медленно исчезавшими за горизонтомъ берегами Европы.

Возьмемъ другой примѣръ, о которомъ я уже упоминалъ. Возьмемъ *Систему Философіи* Спенсера и примѣнимъ къ ней его собственную критику *Теоріи о великихъ людяхъ*. Въ силу этой критики, Спенсеръ никоимъ образомъ не можетъ себя считать авторомъ своихъ собственныхъ сочиненій. Конечно, ему принадлежитъ внѣшній трудъ писанія всѣхъ этихъ произведеній; но во всемъ остальномъ онъ является только стенографомъ, записывающимъ то, что́ ему диктуетъ общество, поэтому онъ въ сущности такъ же мало философъ, какъ газетный репортеръ не есть парламентъ, постановленія котораго онъ сообщаетъ въ своей газетѣ.

Впрочемъ, я полагаю, что мысль Спенсера достаточно ясна и нечего на ней болѣе настаивать.

Въ ней несомнѣнно заключается нѣкоторая доля истины; вся ошибка Спенсера заключается въ томъ, что онъ принялъ *одну треть истины за цѣлую,* и что, въ отместку за то, что люди такъ долго не признавали этой *одной трети,* онъ, провозгласивъ ее, сталъ отрицать другія *двѣ трети* той же истины.

Въ наши дни никто уже не воображаетъ

ЦАБ "Автограф"

что человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, можетъ не зависѣть отъ эпохи, въ которой онъ живетъ.

Не будь знаніе подвинуто столь сильно впередъ, какъ нынѣ, Спенсеръ не могъ бы разсуждать такъ, какъ онъ это дѣлаетъ.

Такимъ образомъ онъ является до нѣкоторой степени продуктомъ общества.

Но, вполнѣ допуская это, необходимо подробно остановиться на слѣдующихъ двухъ вопросахъ: вопервыхъ, въ чемъ и какъ повліяло на него общество, и вовторыхъ, возможно ли при оцѣнкѣ его научныхъ трудовъ совершенно игнорировать его личность, поскольку она отдѣльна и обособлена отъ общества?

Читая творенія Спенсера, одна особенность ихъ не можетъ не остановить нашего вниманія: это то черезвычайное пренебреженіе, которое онъ высказываетъ къ ходячимъ сужденіямъ общества вообще.

Нѣтъ почти вопроса, говоря о которомъ онъ не упомянулъ бы о тѣхъ глубоко - ложныхъ воззрѣніяхъ, которыя нынѣ существуютъ по его поводу; причемъ онъ находитъ приверженцевъ такихъ ошибочныхъ воззрѣній не только среди людей мало развитыхъ, но и среди такихъ, которые, по своимъ ученымъ тру-

ЦАБ "Автограф"

дамъ, считаются въ числѣ наиболѣе выдающихся его современниковъ.

Я нисколько не хочу этимъ сказать, что въ большинствѣ такого рода случаевъ Спенсеръ неправъ; нѣтъ, я только хочу здѣсь отмѣтить нижеслѣдующій фактъ.

Если громадное большинство общества, частью котораго является Спенсеръ и которое—по его теоріи—создало его самого—не только не проникнуто его философіей, но пребываетъ въ совершенно противоположныхъ его ученію и глубоко ложныхъ убѣжденіяхъ,—то очевидно, что Спенсеръ является представителемъ чего угодно, но только не сужденій этого общества, какъ цѣлаго. Очевидно, онъ принадлежитъ къ нѣкоторой избранной части цѣ этого общества и является выразителемъ стремленій меньшинства, борющагося съ упорнымъ и коснымъ большинствомъ.

Иными словами, если онъ отказывается признавать свое вліяніе какъ великаго человѣка, онъ долженъ признать свое вліяніе въ качествѣ представителя нѣкоторой группы великихъ людей.

Но въ чемъ заключается его соотношеніе къ этой группѣ великихъ людей?

Онъ воспринялъ отъ нихъ извѣстныя общія воззрѣнія и усвоилъ себѣ, кромѣ того, гро-

ЦАБ "Автограф"

мадное количество фактовъ, которые были ими до него установлены и собраны.

Но затѣмъ, что̀ же онъ сдѣлалъ со всѣмъ этимъ матеріаломъ?

Вѣдь онъ же не оставилъ вещей въ томъ видѣ, какъ ихъ нашелъ; наоборотъ, по общему признанію, онъ сдѣлалъ нѣчто выдающееся, и вѣроятно онъ и самъ думаетъ то же о своихъ трудахъ...

Такимъ образомъ мы видимъ, что уже здѣсь Спенсеръ оказываетъ вліяніе не только какъ выразитель мыслей меньшинства, но какъ человѣкъ самъ прибавившій нѣчто весьма выдающееся къ этимъ мыслямъ.

Что̀ же намъ сказать о немъ?

Развѣ онъ не великій человѣкъ, поскольку онъ оказываетъ вліяніе въ этомъ смыслѣ? И развѣ не онъ самъ является причиной того вліянія, которое оказываетъ?..

Спенсеръ быть - можетъ сказалъ бы намъ, будь ему предложены подобнаго рода вопросы, что онъ былъ не болѣе какъ орудіе извѣстныхъ внѣшнихъ условій, и что не будь его, кто-либо другой сдѣлалъ бы то же, что́ и онъ.

Но что бы это значило?

Это могло бы означать, вопервыхъ, будто бы каждый могъ сдѣлать то же, что́ Спенсеръ, что́ очевидно невѣрно, и будто бы каждый за-

ЦАБ "Автограф"

хотѣлъ бы сдѣлать то же, что̀ Спенсеръ при благопріятномъ случаѣ,—что́ очевидно также невѣрно.

Вовторыхъ, это могло бы значить, что не будь Спенсера, то нашелся бы другой человѣкъ, столь же выдающійся, вмѣсто него; но это ни въ чемъ не измѣнило бы нашего вывода, ибо съ точки зрѣнія «теоріи о великихъ людяхъ» это была бы не болѣе какъ замѣна одного великаго человѣка другимъ.

Слѣдовательно, совершенно ясно, что и по отношенію къ Спенсеру, точно такъ же какъ по отношенію къ Колумбу,—они сами, а не кто-либо иной, были причиной того, что́ ими было сдѣлано; и то же самое относится ко всѣмъ великимъ людямъ.

Позвольте мнѣ, однако, нѣсколько подробнѣе остановиться здѣсь на разъясненіи того, что́ собственно я разумѣю подъ «причиной».

Позвольте мнѣ удостовѣрить еще разъ, что я также хорошо знаю, какъ и г. Спенсеръ, и также полно признаю, какъ и онъ, что дѣянія, учиненныя великимъ человѣкомъ, не могли бы быть имъ совершены, независимо отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ, окружающихъ его, условій. Но, съ другой стороны, столь же вѣрно — и гораздо важнѣе—что указанныя внѣшнія условія не могли бы совершить этого дѣянія безъ него.

ЦАБ "Автограф"

Колумбъ никогда не переплылъ бы океана, не имѣй онъ матросовъ въ своемъ распоряженіи; но было бы страннымъ, по меньшей мѣрѣ, педантизмомъ считать матросовъ одною изъ причинъ сдѣланнаго имъ открытія. Матросы необходимы для всякаго путешествія; Колумбъ же былъ необходимъ для того именно путешествія, которое онъ сдѣлалъ.

То же самое и по отношенію къ Спенсеру. Допустимъ, что весь матеріалъ для его философскихъ изслѣдованій былъ ужъ готовъ, и ему при самомъ незначительномъ личномъ трудѣ оставалось бы только сгруппировать всѣ эти находящіяся у него подъ рукою данныя. Все-таки трудъ этотъ—какъ бы онъ ни былъ незначителенъ—слѣдовало исполнить, и тотъ, кто его сдѣлалъ, былъ бы сколько же причиной созданія этихъ твореній, какъ спичка является причиной возгоранія.

Предположимъ, напримѣръ, что въ библіотекѣ Спенсера случился пожаръ и огонь уничтожилъ рукопись какого-либо новаго его философскаго сочиненія. Если онъ пожелаетъ узнать причину пожара, онъ не станетъ изслѣдовать составъ бумаги, на которой рукопись была написана, не будетъ разсуждать о томъ, что рукопись сгорѣла потому, что бумага вообще есть предметъ легко воспламеня-

ЦАБ "Автограф"

ющійся; какъ только онъ откроетъ, что на письменномъ столѣ его лежала спичка, которая загорѣлась отъ случайнаго тренія о какой-либо предметъ, онъ будетъ знать, что онъ нашелъ причину пожара.

Ему нечего было бы искать дальше.

Для него будетъ безразлично, кто продалъ спичку, кто ее сдѣлалъ или кто первый ее выдумалъ. Съ него было бы довольно того факта, что спичка есть предметъ, обладающій извѣстными свойствами и воспламеняющійся при нѣкоторыхъ данныхъ условіяхъ.

Свойства спички и условія, при которыхъ она можетъ загорѣться, настолько хорошо извѣстны Спенсеру, что ему очевидно нечего было бы углубляться въ изслѣдованіе ихъ. Но еслибы спички были весьма рѣдкимъ естественнымъ продуктомъ, произрастающимъ неизвѣстно какимъ образомъ и воспламеняющимся неизвѣстно отъ чего,—всѣ усилія Спенсера, какъ научнаго изслѣдователя, были бы направлены на то, чтобы опредѣлить природу спички, свойства ея и причины ея воспламененія.

Совершенно то же самое и по отношенію къ великимъ людямъ.

Если Спенсеру угодно низвести ихъ съ той высоты, на которую ихъ ставитъ обществен-

ЦАБ "Автограф"

ное мнѣніе, то вотъ для него весьма подходящее, хотя и нѣсколько тривіальное, сравненіе.

Онъ можетъ назвать ихъ—зажигательными спичками всего міра; хотя при этомъ ему необходимо имѣть въ виду, что воспламененіе этихъ спичекъ происходитъ благодаря извѣстному составу ихъ головокъ и при условіи тренія ихъ объ извѣстную поверхность.

Иными словами, воспламененіе, причиняемое великими людьми,—оставаясь на почвѣ этого сравненія — зависитъ отъ характера самихъ этихъ великихъ людей, и для выясненія причинъ его слѣдуетъ изучать біографіи этихъ людей, и не порознь, а въ совокупности, прилагая къ нимъ сравнительный методъ изслѣдованія.

Если изслѣдованіе это не обнаружитъ никакихъ сходныхъ явленій въ жизни и характерѣ этихъ великихъ людей, мы также мало могли бы объяснить причины, побудившія ихъ къ совершенію ихъ дѣла, и также мало могли бы установить связь ихъ поступковъ съ другими предшествовавшими и послѣдующими событіями и условіями,—какъ невозможно было бы пріурочить пожара къ обыкновеннымъ явленіямъ природы, еслибы каждый сучекъ дерева съ чѣмъ-нибудь черненькимъ на концѣ

ЦАБ "Автограф"

могъ бы—неизвѣстно какимъ образомъ—сдѣлаться зажигательною спичкой.

И до нѣкоторой степени это дѣйствительно такъ.

До сихъ поръ остается еще загадкой, почему данный человѣкъ рождается мальчикомъ или дѣвочкой; до сихъ поръ мы еще не знаемъ, почему одинъ сынъ рождается съ природными геніальными способностями, а другой, братъ его, отъ того же отца и матери рождается съ очень ограниченнымъ отъ природы умомъ.

Но хотя мы не можемъ ни путемъ біографическихъ изслѣдованій, ни путемъ какихъ-либо иныхъ знаній найти и установить какой-либо законъ, опредѣляющій рожденіе дѣтей съ природными геніальными способностями, мы зато можемъ найти и установить совершенно опредѣленный общій законъ касательно развитія этихъ природныхъ способностей и превращенія, слѣдовательно, генія потенціальнаго въ генія дѣйствительнаго. Біографія каждаго великаго человѣка—по крайней мѣрѣ всѣхъ великихъ людей, которые содѣйствовали успѣху матеріальнаго прогресса, даетъ намъ въ этомъ отношеніи слѣдующее общее указаніе.

Каждый великій человѣкъ, насадившій но-

ЦАБ "Автограф"

вую область промышленности, обогатившій міръ новымъ открытіемъ или подчинившій человѣку какую-либо новую силу природы,—каждый такой человѣкъ былъ побуждаемъ къ этому—я не говорю исключительно—но въ весьма большой степени, *стремленіемъ къ соціальному неравенству* того или иного рода.

Вернемся снова къ Колумбу, такъ какъ примѣръ его особенно ярко иллюстрируетъ нашу мысль. Какъ я уже упоминалъ, существуютъ извѣстныя дѣянія, которыя заключаютъ элементъ нѣкотораго нравственнаго неравенства въ самихъ себѣ. Стремленіе къ подобному неравенству могло побуждать людей къ совершенію этихъ дѣяній, даже при отсутствіи надежды на достиженіе еще какого-либо внѣшняго соціальнаго преимущества.

Къ области такого рода дѣяній болѣе чѣмъ что-либо иное должно, казалось бы, относиться открытіе новаго міра.

Но посмотримъ, однако, какъ все это происходило въ дѣйствительности.

Колумбъ—единственный человѣкъ, который въ тѣ отдаленныя времена могъ задумать подобное великое предпріятіе и имѣлъ мужество и энергію осуществить его,—считалъ ли онъ, что величіе этого дѣла является само по себѣ достаточною побудительною причиной для его совершенія?

ЦАБ "Автограф"

Біографія его даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Ему, какъ извѣстно, пришлось бороться съ цѣлымъ рядомъ затрудненій—съ апатіей, невѣжествомъ и суевѣріями; ему надо было преодолѣть все это для того, чтобы обезпечить возможность исполненія своего плана. Но ко всѣмъ этимъ препятствіямъ Колумбъ присовокупилъ еще нѣсколько затрудненій, имъ же самимъ созданныхъ, заключавшихся въ той громадной личной наградѣ, которую онъ требовалъ для самого себя въ случаѣ удачнаго исхода предпріятія.

Онъ требовалъ, чтобъ ему немедленно дали званіе адмирала всѣхъ морей, и чтобы должность и званіе эти были наслѣдственными въ его семьѣ; чтобъ ему принадлежала одна десятая часть всѣхъ товаровъ, привозимыхъ изъ новооткрытыхъ имъ земель, и чтобъ онъ имѣлъ право участія въ одной восьмой долѣ въ расходахъ, а слѣдовательно и въ барышахъ, всѣхъ предпріятій, которыя будутъ основаны для торговыхъ спошеній съ этимъ новымъ міромъ.

Такимъ образомъ, на ряду съ честолюбіемъ открывателя, въ немъ ясно видно стремленіе человѣка, желающаго возвеличить всю свою семью, и о значеніи, которое онъ придавалъ

ЦАБ "Автограф"

этому послѣднему обстоятельству, можно судить по тому, что до тѣхъ поръ пока за нимъ не были закрѣплены эти личныя преимущества, онъ отказывался приступить къ исполненію своего великаго предпріятія.

Въ Колумбѣ мы имѣемъ типичный образчикъ того, какъ дѣйствуетъ людской характеръ въ смыслѣ побужденія человѣка къ развитію и совершенствованію внѣшняго и матеріальнаго прогресса.

Если мы изслѣдуемъ, затѣмъ, исторію каждаго предпріятія или открытія, цѣлью которыхъ было созданіе или обмѣнъ богатствъ, мы найдемъ во всѣхъ великихъ людяхъ, сдѣлавшихъ эти открытія и изобрѣтенія, то же самое стремленіе, по которому Колумбъ требовалъ себѣ права на участіе въ будущей торговлѣ съ Новымъ Свѣтомъ, и особыхъ почестей для своей семьи, то-есть стремленіе къ извѣстнаго рода соціальному неравенству—къ неравенству денежному, или во власти и въ положеніи, или же, наконецъ, къ неравенству въ томъ и другомъ.

Чѣмъ болѣе утилитарною бывала конечная цѣль предпріятій или открытій, тѣмъ болѣе стремленіе къ неравенству являлось преобладающимъ мотивомъ, побуждавшимъ человѣка къ осуществленію ихъ.

ЦАБ "Автограф"

Несомнѣнно весьма много важнѣйшихъ открытій было сдѣлано случайно. Такъ, совершенно случайно было открыто стекло, а двигательная сила пара была открыта благодаря лѣни маленькаго мальчика.

Но это нисколько не служитъ опроверженіемъ высказанной мной мысли. Такія случайныя открытія ничѣмъ не способствуютъ сами по себѣ умноженію богатствъ существующихъ въ мірѣ. Открытія эти, къ какой бы области они ни принадлежали, должны быть сначала усовершенствованы, а затѣмъ аппаратъ или продуктъ должны быть произведены въ достаточномъ количествѣ и распространены въ массѣ общества. До тѣхъ поръ пока этого не сдѣлано, открытій этихъ какъ бы не существуетъ съ точки зрѣніе внѣшняго матеріальнаго прогресса, ибо этотъ прогрессъ зависитъ не только отъ открытій и изобрѣтеній, но и отъ ихъ распространенія среди массы людей. Въ совершенствованіи, воспроизведеніи и распространеніи того, что было открыто или изобрѣтено—будь то стекло, книгопечатаніе, газовое освѣщеніе, желѣзныя дороги или что-либо иное,—лежитъ основа матеріальнаго прогресса въ мірѣ, и посему дѣятельность людей, которую мы разсматривали, была дѣятельностью въ этой именно области.

ЦАБ "Автограф"

Возьмемъ, для примѣра, книгопечатаніе, газовое освѣщеніе и желѣзныя дороги.

Въ трудахъ первыхъ книгопечатниковъ значительную роль играли честолюбіе труженика и до нѣкоторой степени инстинкты художника, и эти побужденія несомнѣнно преобладали надъ стремленіемъ къ денежному заработку.

Но стремленіе это до нѣкоторой степени существовало и въ нихъ, а затѣмъ все возрастало и стало, наконецъ, исключительнымъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ книгопечатниковъ, по мѣрѣ того какъ книгопечатаніе удешевлялось и число печатаемыхъ книгъ увеличивалось.

То же самое видимъ въ дѣлѣ газоваго освѣщенія.

То, что горючій газъ получается изъ угля, было открыто однимъ священникомъ еще въ 1739 г. Фактъ этотъ былъ напечатанъ въ *Извѣстіяхъ Королевскаго Общества* (*The transactions of the Royal Society*) и не замедлилъ привлечь вниманіе другихъ изслѣдователей. Но протекло болѣе полустолѣтія прежде чѣмъ кому-нибудь пришло въ голову сдѣлать практическое примѣненіе этого открытія, и, даже послѣ того какъ оно было примѣнено на практикѣ, прошло еще двадцать лѣтъ, пока оно получило, наконецъ, широкое распростра-

ЦАБ "Автограф"

неніе. Въ теченіе этого времени освѣщеніе это было примѣнено только въ одномъ домѣ въ Корнваллѣ, на одной фабрикѣ близь Бирмингама, и одинъ разъ для освѣщенія одного изъ лондонскихъ театровъ. Все это происходило оттого, что на эксплуатацію открытія еще не были направлены стремленія людей, желавшихъ, посредствомъ его, заработать деньги. Это произошло наконецъ въ 1813 году, когда принялась за дѣло настоящая коммерческая компанія, и тогда почти мгновенно газовое освѣщеніе распространилось по всей Европѣ.

То же мы видимъ въ дѣлѣ развитія и распространенія желѣзнодорожныхъ путей сообщенія и усовершенствованія паровыхъ двигателей. Паровозы были совершенствуемы благодаря трудамъ цѣлаго ряда лицъ, главнѣйшая цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы на этомъ дѣлѣ заработать деньги.

Примѣры подобнаго рода можно было бы приводить безъ конца, и всякій читатель можетъ самъ найти ихъ сколько угодно. Ему стоитъ только для этой цѣли взять факты, хорошо ему извѣстные съ одной стороны, и разсмотрѣть обратную ихъ сторону.

Изобрѣтатели, фабриканты и торговцы, всѣ стремятся къ богатству, и наиболѣе счастли-

ЦАБ "Автограф"

вымъ изъ нихъ удается пріобрѣсти его—это фактъ прекрасно всѣмъ извѣстный. Но полное научное значеніе этого факта до сихъ поръ никѣмъ еще не было установлено.

Достиженіе богатства такими людьми, при успѣшности ихъ операцій, считалось обыкновеннымъ случаемъ въ этой сферѣ жизни, а не существеннымъ факторомъ всей ихъ дѣятельности, и посему демократы могли разсуждать, что это не болѣе какъ случайный результатъ, который можетъ не повториться въ будущемъ, и посему можетъ быть легко устраненъ.

Но такого рода воззрѣніе совершенно не научно, и основной принципъ, являющійся базисомъ всего этого вопроса, былъ совершенно упущенъ изъ виду—тотъ именно принципъ, что, поскольку достиженіе богатства есть обыкновенно вѣнецъ успѣха дѣятельности въ этой области, настолько же стремленіе къ богатству является неизмѣннымъ мотивомъ ко всякой такого рода дѣятельности людей.

Такимъ образомъ сказать, что богатство является обыкновеннымъ результатомъ успѣха въ области промышленности, значитъ указать на существующія нынѣ соціальныя условія, которыя, какъ бы они ни были распространены, могутъ быть кореннымъ образомъ измѣнены.

ЦАБ "Автограф"

Но когда мы скажемъ, что стремленіе къ богатству является неизмѣннымъ мотивомъ всякой подобнаго рода дѣятельности людей, мы уже входимъ въ область обсужденія природныхъ свойствъ человѣческаго характера и установляемъ такимъ образомъ извѣстное научное положеніе.

Мнѣ остается, поэтому, только просить читателя изслѣдовать обратную сторону тѣхъ явленій, которыя ему хорошо знакомы.

Творцы новыхъ открытій, изобрѣтатели, купцы и фабриканты, имена которыхъ являются эпохами въ исторіи матеріальнаго прогресса, не только пріобрѣгали богатства, но и сами были имъ созданы, такъ какъ будь богатство недостижимо, геній этихъ людей никогда бы не получилъ развитія и съ точки зрѣнія практики былъ бы несуществующимъ. Онъ не возросъ бы въ могучій дубъ, а оставался бы простымъ желудемъ. То, чѣмъ плодоносная земля является для желудя, то для людскаго генія составляетъ стремленіе къ неравенству. Сообразно тому, въ какой мѣрѣ достижимо это неравенство, пробуждаются къ дѣятельности и развиваются геніальныя способности человѣка, а поскольку такое неравенство является затруднительнымъ или невозможнымъ, постольку же и геній человѣка будетъ пребывать въ зачаточномъ состояніи.

ЦАБ "Автограф"

Каждое изслѣдованіе, которое мы сдѣлаемъ въ этомъ отношеніи, только послужитъ лишнимъ доказательствомъ этого великаго общаго закона. Матеріалъ для подобныхъ изслѣдованій мы находимъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ, въ различныхъ странахъ свѣта и на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, и повсюду—какъ мы убѣдимся—съ одинаковою силой дѣйствуетъ вышеизложенный общій законъ.

Но намъ недостаточно убѣдиться въ обширности и прочности этого индуктивнаго базиса. Найдутся, быть можетъ, такіе оппоненты наши, которые, не отрицая вліянія, которое до сего времени оказывало неравенство, скажутъ намъ, что впредь оно можетъ быть замѣнено какимъ-либо инымъ стремленіемъ, которое, какъ мотивъ человѣческой дѣятельности, повсдетъ къ совершенно тѣмъ же результатамъ.

Такимъ мотивомъ, скажутъ намъ, который можетъ замѣнить стремленіе къ неравенству, будетъ стремленіе ко благу всего человѣчества,—это будетъ альтруизмъ противопоставленный эгоизму.

Посмотримъ же, на какомъ научномъ основаніи можно придти къ заключенію, будто бы этотъ мотивъ поведетъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, что и прежній.

ЦАБ "Автограф"

Одно возникновеніе подобнаго вопроса служитъ уже доказательствомъ ошибочности высказаннаго сужденія.

Дѣянія, мотивомъ которыхъ былъ альтруизмъ, достаточно извѣстны въ исторіи, и границы и цѣли ихъ совершенно точно опредѣлены. Цѣлью ихъ никогда не было созданіе новыхъ видовъ богатства; задача ихъ неизмѣнно ограничивалась облегченіемъ существующихъ страданій и нуждъ.

Альтруизмъ помогаетъ больнымъ и бѣднымъ, доставляетъ образованіе и даже развлеченіе тѣмъ, кто ихъ не имѣетъ; онъ строитъ больницы, школы, пріюты и мѣста увеселенія для народа; но на этомъ кончается его дѣло; въ немъ нѣтъ и не можетъ быть, по существу, никакого стремленія къ изобрѣтенію. Чувство альтруизма побудитъ человѣка подать стаканъ холодной воды жаждущему, но оно не можетъ побудить его къ изобрѣтенію новаго напитка; оно можетъ побудить человѣка дать бѣдняку немного табаку, но будь табакъ невѣдомъ въ Европѣ, альтруизмъ не могъ бы подвинуть человѣка привозить и насаждать его изъ Америки.

Возможно ли, чтобы до изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ чувство альтруизма могло породить въ какомъ-либо человѣкѣ стремленіе къ

ЦАБ "Автограф"

тому, чтобы остальные люди ѣздили изъ Лондона въ Іоркъ со скоростью одной мили въ минуту, и могло ли то же чувство альтруизма, до изобрѣтенія телеграфа, внушить кому-либо мысль о томъ, что однимъ изъ элементовъ людскаго счастья является возможность переговариваться по телеграфу со всѣми городами Европы?... Очевидно *нѣтъ*, и мы убѣждаемся въ этомъ, изслѣдуя то, что̀ до сихъ поръ было сдѣлано подъ вліяніемъ альтруизма. Подобное же изслѣдованіе является единственнымъ базисомъ дѣйствительнаго знанія въ этой области, и всякое сужденіе по этому вопросу, *не подкрѣпленное доказательствами* опыта, будетъ не болѣе какъ совершенно произвольное и несбыточное мечтаніе.

Опытъ показываетъ намъ, что, какъ мотивъ къ дѣятельности, чувство альтруизма вызывается только однимъ родомъ явленій: нуждой, страданіемъ или отсутствіемъ у однихъ такого рода удобствъ или удовольствій, которыми широко уже пользуются другіе; но, исключая борьбы съ такого рода зломъ, альтруизмъ не можетъ создать ни дѣятельной мысли, ни труда. Онъ можетъ, пожалуй, окрылить фантазію и породить разныя необычайныя утопіи тамъ, гдѣ человѣкъ уже всецѣло подчинилъ себѣ силы природы; но онъ никогда не

ЦАБ "Автограф"

можетъ пробудить творческой мысли, а тѣмъ менѣе внѣдрить въ душу человѣка то непоколебимое упорство и пламенную энергію, которыя одни только могутъ дать ему силу довести до конца задуманное имъ великое и новое дѣло.

Итакъ, по отношенію ко внѣшнему матеріальному прогрессу, мы можемъ считать установленнымъ слѣдующее:

Вопервыхъ, прогрессъ является настолько продуктомъ дѣятельности великихъ людей, что не будь ихъ, онъ бы и не существовалъ.

Вовторыхъ, дѣятельности этихъ великихъ людей также не существовало бы, не будь они проникнуты стремленіемъ къ неравенству, которое, въ свою очередь, только потому столь мощно вліяло на нихъ, что строй общества допускалъ возможность достиженія неравенства.

Слѣдовательно, всѣ тѣ успѣхи матеріальнаго прогресса, которымъ демократы придаютъ столь большое значеніе,—наша обрабатывающая промышленность, наши желѣзныя дороги, телеграфы, газеты и т. п., — никогда бы не возникли, еслибъ общество не было построено на принципѣ неравенства.

Кромѣ того, какъ мы видѣли изъ цѣлаго ряда приведенныхъ выше примѣровъ, при

ЦАБ "Автограф"

всѣхъ измѣненіяхъ, которыя принесъ съ собою матеріальный прогрессъ, онъ ни въ чемъ не измѣнилъ природнаго характера человѣка, и посему стремленіе къ неравенству, какъ мотивъ, побуждающій людей къ дѣятельности, не только такъ же существенно необходимо теперь, какъ было раньше, но практическое значеніе его даже еще болѣе усилилось и распространилось.

Но, могутъ возразить намъ демократы, внѣшній матеріальный прогрессъ уже достаточно развитъ. Подобно тому, какъ это совершенно опредѣленно высказалъ Лассаль, они *могутъ намъ сказать, что этотъ матеріальный* прогрессъ уже не можетъ остановиться въ своемъ развитіи, и что исключительною задачей будущаго является прогрессъ личный, совершенствованіе нравственной личности человѣка. Допуская, что соціальное неравенство было необходимо для того, чтобы достичь суммы настоящаго ежегоднаго производства богатствъ въ мірѣ, они намъ скажутъ, что неравенства болѣе не нужно для поддержанія этого производства на современномъ его уровнѣ. Дѣло, созданное и развившееся, благодаря соціальному неравенству, можетъ нынѣ столь же успѣшно продолжаться при установленіи всеобщаго равенства на землѣ.

ЦАБ "Автограф"

Изслѣдованію этого вопроса я посвящу слѣдующую главу. Мы убѣдились, что не могли бы двигаться впередъ безъ неравенства; посмотримъ же теперь, не попятимся ли мы назадъ, разъ неравенства болѣе не станетъ.

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА IX.

НЕРАВЕНСТВО И ДАЛЬНѢЙШЕЕ СУЩЕСТВОВАНІЕ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Едва ли нужно повторять, что вся та цивилизація, о которой мы говоримъ,—главнѣйшимъ же образомъ тѣ черты ея, которымъ демократы придаютъ наибольшую цѣну, всецѣло зависитъ отъ *раздѣленія труда*. Это аксіома, которую, я полагаю, не станетъ оспаривать никто изъ демократовъ. Безъ раздѣленія труда не могъ бы двигаться ни одинъ поѣздъ, не могла бы быть напечатана ни одна газета.

Предметы, которые могли бы производиться безъ раздѣленія труда, были бы исключительно предметами роскоши, пригодными для богатыхъ, а никакъ не предметами необходимости для бѣдныхъ.

ЦАБ "Автограф"

Неизмѣримо больше рукъ занято изготовленіемъ оловянной кружки для пива, чѣмъ сколько нужно для изготовленія золотаго бокала работы Челлини.

Дѣйствительно, чѣмъ распространеннѣе, чѣмъ демократичнѣе по существу данный продуктъ, тѣмъ болѣе необходимо примѣненіе принципа раздѣленія труда при его производствѣ. Такимъ образомъ раздѣленіе труда является основой всякаго идеальнаго демократическаго строя жизни.

Безъ него не могли распространяться общеполезныя знанія и сужденія, и не было бы взаимныхъ сношеній между народами, за исключеніемъ мелкихъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ результатѣ такого положенія вещей исчезло бы нынѣ существующее стремленіе къ общенію между людьми. Мѣстные узкіе интересы разъединили бы между собою то, что̀ нынѣ только начинаетъ соединяться; а между тѣмъ демократы наши не только знаютъ, но и признаютъ, что ничто такъ не способствуетъ установленію военнаго деспотизма или олигархической формы правленія какъ то, что люди разбиваются на мелкія группы, изъ которыхъ каждая преслѣдуетъ свои узкія, мѣстныя цѣли.

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ во-

ЦАБ "Автограф"

просъ о всякомъ дальнѣйшемъ успѣхѣ внѣшняго матеріальнаго прогресса, мы видимъ, что всѣ мысли и стремленія современной демократіи сосредоточиваются и должны быть сосредоточены на дальнѣйшемъ сохраненіи раздѣленія труда.

Посмотримъ же теперь, какъ можетъ быть сохраненъ этотъ принципъ въ будущемъ.

Одно мы уже твердо знаемъ въ этомъ отношеніи. Раздѣленіе труда, какъ при возникновеніи своемъ, такъ и при дальнѣйшемъ развитіи, является результатомъ нѣкоторой совокупности мотивовъ, проистекающихъ вслѣдствіе извѣстныхъ внѣшнихъ, окружающихъ человѣка, условій, примѣненныхъ къ естественнымъ свойствамъ людскаго характера.

Это заставляетъ меня вернуться къ замѣчанію, которое я уже сдѣлалъ въ первой главѣ о томъ, что политическая экономія касается только весьма поверхностно изслѣдуемаго нами вопроса. Раздѣленіе труда, съ этой точки зрѣнія, является, дѣйствительно, главнымъ предметомъ политической экономіи. Но что касается причинъ этого раздѣленія, заключающихся въ свойствахъ человѣческаго характера, то о нихъ политико-экономисты говорятъ очень мало, и это малое можетъ только служить показателемъ того, какъ много еще остается недосказаннаго въ этой области.

ЦАБ "Автограф"

Раздѣленіе труда, пишетъ, напримѣръ, Адамъ Смитъ, «изъ котораго проистекаетъ столько благъ, по существу своему не является продуктомъ людской мудрости, которая предвидѣла бы то общее благосостояніе, которое должно повлечь за собою примѣненіе этого принципа.

«Оно является необходимымъ, хотя и весьма медленнымъ и постепеннымъ, послѣдствіемъ нѣкоторыхъ стремленій человѣческой природы, не имѣющихъ въ виду столь отдаленной пользы,—стремленій къ обмѣну въ той или иной формѣ одного предмета на другой. Является ли подобное стремленіе однимъ изъ тѣхъ естественныхъ свойствъ человѣческой природы, которымъ нельзя дать какого-либо дальнѣйшаго разъясненія... въ данномъ случаѣ не входитъ въ предметъ нашего изслѣдованія. Намъ достаточно знать, что оно свойственно всѣмъ людямъ, и что его не существуетъ ни въ какой другой породѣ животнаго міра».

Адамъ Смитъ доказываетъ это въ нѣсколькихъ параграфахъ и затѣмъ оставляетъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, очевидно, игнорируя все его громадное значеніе. И всѣ послѣдователи его ничего существеннаго не прибавили отъ себя къ вышеизложенному краткому замѣчанію его по этому предмету.

При этомъ особаго вниманія заслуживаетъ

ЦАБ "Автограф"

не то, что указанное Смитомъ стремленіе является недостаточнымъ объясненіемъ возникновенія раздѣленія труда, а то что онъ почелъ нужнымъ говорить о возникновеніи раздѣленія труда и ничего не говоритъ о томъ, почему оно продолжало развиваться, и почему оно существуетъ и понынѣ.

«Примѣненіе этого принципа—указываетъ онъ—влечетъ за собою общее благосостояніе», но благосостояніе это, говоритъ онъ дальше, не имѣетъ ничего общаго со стремленіемъ человѣка къ обмѣну одного предмета на другой. Но если это такъ, то благодаря чему возникло это общее благосостояніе? Вѣдь не явилось же оно автоматично или случайно; оно должно было произойти вслѣдствіе нѣкотораго новаго мотива или «стремленія», какъ сказалъ бы Смитъ. Въ чемъ же заключается этотъ мотивъ?

Смитъ замѣчаетъ, правда, весьма основательно, что раздѣленіе труда является вслѣдствіе различія въ способностяхъ людей. Такъ, одинъ дикарь совершенствуется въ охотѣ, другой—въ выдѣлкѣ кожъ, третій—въ изготовленіи луковъ и стрѣлъ.

Но всѣ занятія и способности людскія, которыя онъ въ данномъ случаѣ перечисляетъ, относятся только къ области обезпеченія первѣйшихъ потребностей человѣка.

ЦАБ "Автограф"

Вслѣдствіе чего же продолжался и спеціализовался трудъ, послѣ того какъ эти потребности были удовлетворены,—этого вопроса онъ не касается. А между тѣмъ, обрати онъ на него должное вниманіе, онъ открылъ бы цѣлую новую область фактовъ, которой онъ не замѣтилъ раньше. Онъ увидѣлъ бы ту глубокую разницу, которая существуетъ между раздѣленіемъ труда у дикарей и раздѣленіемъ труда, которое является основаніемъ цивилизаціи. Различіе это заключается, вопервыхъ, въ томъ, что первое, какъ мы сказали, имѣетъ исключительною цѣлью обезпечить средства къ существованію, второе же начинается тамъ, гдѣ кончается первое, и имѣетъ цѣлью, послѣ обезпеченія этихъ средствъ къ существованію, воздвигнуть надъ этимъ достаткомъ зданіе богатства и роскоши.

Во вторыхъ, что̀ особенно важно, различіе это заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ необходимо только разнообразіе или координація въ трудѣ, въ послѣднемъ же случаѣ необходимо неравенство или градація его,—подчиненіе однѣхъ формъ труда другимъ.

Для того чтобы поддержать существованіе дикарей, достаточно, чтобы трудъ былъ разнообразенъ; для созданія и поддержанія цивилизаціи необходимо, чтобы онъ былъ не толь-

ЦАБ "Автограф"

ко разнообразенъ, но и неравенъ. Такъ, въ дѣлѣ обезпеченія пищи для своихъ сотоварищей-дикарей, и охотникъ, и дикарь, изготовляющій луки и стрѣлы, играютъ хотя и разнообразныя, но равныя по значенію роли.

При постройкѣ же желѣзной дороги землекопъ и инженеръ-строитель исполняютъ совершенно не равное дѣло. Работа инженера касается всего дѣла въ полномъ его объемѣ, работа же землекопа—только одной ничтожной части ея.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать что, съ точки зрѣнія труда, цивилизація отличается отъ первобытнаго состоянія дикарей тѣмъ, что, кромѣ раздѣленія труда, которое существуетъ у дикарей, при цивилизаціи есть еще *градаціи труда*, и слѣдовательно существеннѣйшею чертой и отличительнымъ признакомъ цивилизаціи является именно это *подчиненіе однихъ формъ труда другимъ*.

Благодаря градаціи труда, возникаютъ желѣзныя дороги и газеты; благодаря той же градаціи труда, въ людяхъ зарождается чувство единенія между собою, на которомъ демократы основываютъ всѣ свои мечты; на той же градаціи труда основываютъ они всѣ свои надежды и ожиданія.

Поэтому для насъ въ настоящее время имѣ-

ЦАБ "Автограф"

ть самое важное значеніе вопросъ о томъ, какая черта въ человѣческомъ характерѣ является причиной возникновенія этой градаціи въ трудѣ?

Почему, когда одни люди проводятъ свою жизнь пастухами, перевозчиками или чернорабочими, другіе становятся искусными механиками, электротехниками или химиками?

Почему, въ то время какъ одни люди дѣлаютъ свое дѣло безо всякихъ усилій ума, другіе трудятся, напрягая свой умъ до послѣдней возможности.

Причиной этому является, какъ я уже неоднократно говорилъ, *стремленіе къ соціальному неравенству.*

До сихъ поръ я только констатировалъ это обстоятельство; въ настоящее же время я предполагаю обосновать его ссылкой на факты и явленія дѣйствительно окружающей насъ жизни. Достаточно матеріала находится у насъ для этого подъ руками, и каждый изъ насъ могъ бы безъ особаго труда и при самомъ небольшомъ наблюденіи найти подтвержденіе правильности этого сужденія около себя, но, какъ оказывается, намъ не придется даже дѣлать этого, потому что всѣ эти данныя и матеріалы уже собраны и находятся въ нашемъ распоряженіи. Доставляются же они намъ тѣми,

ЦАБ "Автограф"

отъ кого мы менѣе всего могли бы этого ожидать.

Я говорю именно о трудахъ великихъ политико-экономистовъ.

Какъ я уже упоминалъ, политико-экономисты лишь самымъ поверхностнымъ образомъ касаются вопроса, который мы въ настоящее время изслѣдуемъ, и не придаютъ ему никакого значенія, обнаруживая этимъ полное непониманіе внутренней его сущности.

Такъ, одинъ изъ главныхъ вопросовъ, которыми занимаются политико-экономисты, заключается въ томъ, почему различнаго рода работа оплачивается разнымъ размѣромъ вознагражденія, и они объясняютъ это обстоятельство, указывая на существующій строй общества. но они не замѣчаютъ. что то, что они разсматриваютъ, какъ результатъ, является въ то же время и *причиной* этого явленія.

Политико-экономистъ подробно объясняетъ намъ *почему* вознагражденіе пропорціонально качеству труда; но онъ не обращаетъ вниманія на то, что эта градація въ качествѣ труда, въ свою очередь, какъ общее правило, развивается пропорціонально разницѣ въ размѣрѣ получаемаго людьми вознагражденія.

Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, намъ стóитъ только сдѣлать то, что мы уже дѣлали.

ЦАБ "Автограф"

раньше,—намъ стóитъ только взглянуть на обратную сторону фактовъ, которыми снабжаютъ насъ политико-экономисты, и примѣнить эти факты не только поверхностно ко всему обществу, какъ это дѣлаютъ они, а прочно установить соотношеніе этихъ фактовъ къ природѣ человѣческой. Мы не замедлимъ убѣдиться, сдѣлавъ это, что всѣ эти факты являются только единичными и частными примѣрами нѣкотораго общаго закона, который политико-экономисты должны были знать въ сущности, но котораго никто изъ нихъ не формулировалъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ.

Слѣдующее мѣсто изъ Адама Смита пояснить мою мысль.

«Мы не считаемъ, пишетъ онъ, нашихъ солдатъ самымъ трудолюбивымъ у насъ классомъ населенія, а между тѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ примѣняли на какой-нибудь частной работѣ и они получали большое задѣльное вознагражденіе, офицеры ихъ очень часто принуждены бывали просить, чтобы вознагражденіе солдатъ не превосходило извѣстной, максимальной нормы въ день, такъ какъ было замѣчено, что стремленіе къ возможно бóльшему заработку нерѣдко вело къ переутомленію и, слѣдовательно, вредно отзывалось на ихъ здоровьи».

ЦАБ "Автограф"

Въ другомъ мѣстѣ, обсуждая вопросъ о рабствѣ, Адамъ Смитъ говоритъ:

«Оказывается изъ опыта всѣхъ временъ и народовъ, что трудъ свободнаго человѣка дешевле, въ концѣ концовъ, чѣмъ трудъ производимый рабами», и профессоръ Торольдъ Роджерсъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту присовокупляетъ, въ разъясненіе высказанной А. Смитомъ мысли: «само собою очевидно что, такъ какъ у раба не можетъ быть стремленія экономизировать свой трудъ, т.-е. стремленія къ тому, чтобы, при наименьшей затратѣ труда, произвести возможно бо́льшую сумму работы,—рабскій трудъ является очень дорогимъ».

Вотъ еще мѣсто изъ Смита и примѣчаніе къ нему профессора Роджерса:

«Громадное увеличеніе количества труда»,—пишетъ первый,—«которое, благодаря раздѣленію труда можетъ быть сдѣлано тѣмъ же числомъ людей, проистекаетъ вслѣдствіе причинъ троякаго рода: вопервыхъ, вслѣдствіе увеличенія ловкости и искусства каждаго отдѣльнаго работника; вовторыхъ, вслѣдствіе сбереженія времени, которое неизбѣжно тратится при переходѣ изъ одной категоріи работы къ другой и, наконецъ, отъ изобрѣтенія машинъ, которыя, облегчая и ускоряя работу, даютъ

ЦАБ "Автограф"

возможность одному человѣку исполнять работу многихъ».

Къ этому профессоръ Роджерсъ присовокупляетъ:

«Смитъ упустилъ изъ виду еще одинъ весьма важный результатъ, проистекающій изъ раздѣленія труда, именно то, что оно даетъ возможность различнымъ участникамъ въ производствѣ одного какого-либо предмета платить вознагражденіе разнаго размѣра; тогда какъ, въ случаѣ еслибы данный предметъ былъ начатъ и изготовленъ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, низшія, наиболѣе легкія, формы производимаго имъ труда были бы оплачены одинаково съ высшими и наиболѣе сложными его формами».

Во всѣхъ приведенныхъ нами сужденіяхъ мы встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на то, что количество и качество производимаго человѣкомъ труда находится въ нѣкоторой зависимости отъ размѣра получаемаго имъ вознагражденія. Но только въ одномъ случаѣ,— говоря о работѣ солдатъ,—Смитъ ставитъ вопросъ на правильную почву. Онъ указываетъ на то, что *неравенство въ вознагражденіи является причиной неравенства въ трудѣ*; затѣмъ, изъ дальнѣйшаго его изложенія, мы видимъ какъ мало онъ понималъ все значеніе этого тезиса.

ЦАБ "Автограф"

Такъ, говоря о рабствѣ, онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Роджерсомъ, объявляютъ намъ, что рабъ всегда будетъ работать мало, потому что у него нѣтъ мотива напрягать свои силы. Профессоръ Роджерсъ присовокупляетъ еще, что—«это очевидно». Но почему это очевидно?

Оно не можетъ быть очевиднымъ, въ точномъ значеніи этого слова, потому что мало кто изъ насъ имѣлъ возможность наблюдать работу рабовъ.

Это можетъ быть очевидно только, являясь выводомъ изъ нѣкотораго всеобщаго закона, который состоитъ въ томъ, что всякій трудъ—рабовъ или свободныхъ людей—пропорціоналенъ мотиву, побуждающему человѣка работать, и что поэтому неравенство въ вознагражденіи влечетъ за собой и неравенство въ самомъ трудѣ...

То же самое, когда профессоръ Роджерсъ указываетъ, какъ на «весьма важный результатъ», на «возможность различнымъ участникамъ въ производствѣ одного какого-либо предмета получать вознагражденіе разнаго размѣра», онъ подразумѣваетъ, конечно, что такимъ путемъ мы сберегаемъ деньги, и этотъ фактъ считается снова столь же очевиднымъ, какъ и прежнее его утвержденіе. Но мы снова спросимъ: почему это очевидно?

ЦАБ "Автограф"

Это очевидно только потому, что мы можемъ получать только низшія формы труда за малое вознагражденіе, а высшія формы труда только за вознагражденіе большее.

Иными словами, мы и здѣсь видимъ подразумѣваемую ссылку на только-что упомянутый законъ о неравенствѣ въ вознагражденіи, и еще одно подтвержденіе его всеобщности.

Если мы прочтемъ всѣ произведенія политико-экономистовъ, мы всюду найдемъ подтвержденія и подразумѣваемыя ссылки на этотъ законъ. Правда, мы нигдѣ не найдемъ его выраженнымъ ясно и опредѣленно, и обстоятельство это является причиной, почему наши современные теоретики демократизма,— признавая правильность заключеній политико-экономистовъ по отношенію къ настоящему,— считаютъ, что мы можемъ такъ измѣнить весь строй общества, что всѣ эти ихъ заключенія перестанутъ быть вѣрными.

Политико-экономисты, какъ я уже указывалъ, пріурочиваютъ всѣ свой доктрины къ обществу, а не къ природѣ человѣка.

Наука ихъ въ томъ видѣ, какъ они намъ ее нынѣ показываютъ, стоитъ вверхъ ногами. Ея корни, первыя и главнѣйшія ея основанія—на воздухѣ.

Они никогда не были посажены въ надле-

ЦАБ "Автограф"

жащую и незыблемую почву, никогда не были *пріурочены къ единообразнымъ и неизмѣннымъ* свойствамъ общечеловѣческаго характера.

Будь это сдѣлано сто лѣтъ тому назадъ, очень многіе изъ современныхъ намъ демократическихъ теорій были бы просто невозможны; міръ былъ бы избавленъ отъ многихъ разочарованій; было бы много крови пролито въ прошломъ; было бы гораздо меньше опасности въ будущемъ.

Легко, очень легко, убѣдить людей въ томъ, что революція можетъ совершенно преобразовать общество; съ гораздо бо́льшимъ трудомъ повѣрятъ они тому, чтобы какая бы то ни было раволюція могла въ корень измѣнить природныя свойства человѣка, а между тѣмъ,— какъ мы это все время доказываемъ,—*только такое полное измѣненіе природы человѣка, а не что иное,*—могло бы кореннымъ образомъ перемѣнить существующій порядокъ вещей.

Какъ я уже сказалъ, политико-экономисты не сумѣли сами выяснить и установить ту истину, что только при полномъ измѣненіи характера человѣка возможна какая бы то ни была перемѣна въ строѣ современной намъ общественной жизни; но за то данныя, собранныя этими политико-экономистами, съ полною

ЦАБ "Автограф"

достовѣрностью подтверждаютъ справедливость вышеизложеннаго положенія.

Экономисты тщательно изслѣдовали всѣ тѣ отрасли промышленности, на которыхъ основана современная цивилизація, и всюду они обнаружили одно и то же явленіе, именно: что *неравенство въ вознагражденіи* идетъ рука объ руку съ *неравенствомъ въ трудѣ*, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе бываетъ равнымъ, трудъ также бываетъ одинаковъ.

Вывести нѣкоторый общій законъ изъ ряда этихъ фактовъ—разъ мы обратили на нихъ надлежащее вниманіе—весьма не трудно.

Если въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ неравенства въ вознагражденіи за работу, трудъ не возвышается надъ самыми простыми и необходимыми своими формами, и если въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ такое неравенство въ вознагражденіи, онъ возвышается надъ этими первичными своими формами,— совершенно ясно, что *неравенство въ вознагражденіи является причиной такого качественнаго и количественнаго совершенствованія труда.* Иными словами, оказывается, что свойства человѣческаго характера таковы, что, при отсутствіи подобнаго стремленія къ неравенству въ смыслѣ мотива къ труду,—невозможны ни его совершенствованіе, ни даже какія-либо высшія формы его проявленія.

ЦАБ "Автограф"

Подобно тому какъ женщина является непосредственною причиной того, что человѣкъ влюбляется, точно также указанное неравенство есть причина того, что человѣкъ совершенствуетъ свой трудъ.

Есть много такого рода истинъ, на которыхъ мы всѣ часто основываемъ свои разсужденія, но внутренняя сущность которыхъ остается намъ,—до тѣхъ поръ пока истина эта опредѣленно не установлена,—настолько неизвѣстною, что даже наиболѣе точные мыслители совершенно упускаютъ ее изъ виду. Но разъ такая опредѣленная формуловка сдѣлана—положеніе вещей совершенно видоизмѣняется.

Подобно ангелу, ниспосланному къ Валааму, истина эта станетъ предъ нами, преграждая путь къ дальнѣйшему изслѣдованію. Мы не можемъ уже болѣе игнорировать ее, и тогда происходитъ одно изъ двухъ: или мы сразу постигаемъ и признаемъ ее, или непризнаніе ея нами проистекаетъ, благодаря цѣлому ряду послѣдовательныхъ аргументацій.

Съ одною изъ истинъ такого рода мы сейчасъ имѣемъ дѣло. Пусть же читатель попытается—разъ она твердо установлена—опровергнуть ея правильность.

Единственная возможность для этого - по-

ЦАБ "Автограф"

ставить какую-нибудь другую истину на ея мѣсто. Разъ причиной градаціи въ трудѣ является не стремленіе къ соціальному неравенству—то, очевидно, должна быть какая нибудь иная причина подобнаго явленія, и причина эта неизбѣжнымъ образомъ должна быть мотивомъ свойственнымъ человѣческой природѣ вообще.

Но что́ можетъ служить такимъ мотивомъ?

На этотъ счетъ могутъ быть только два возможные отвѣта: вопервыхъ, можно утверждать, что такимъ мотивомъ можетъ быть альтруизмъ, и, вовторыхъ, — что мотивомъ этимъ является наслажденіе, испытываемое человѣкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ исполняетъ максимумъ того, на что́ онъ считалъ себя способнымъ.

Посмотримъ, могутъ ли эти мотивы замѣнить стремленіе къ соціальному неравенству?

Мы уже говорили объ альтруизмѣ и объ его отношеніи къ изобрѣтателямъ и открывателямъ, и мы видѣли, что даже для такого рода людей альтруизмъ не былъ мотивомъ для дѣятельности; тѣмъ не менѣе альтруизмъ можетъ быть мотивомъ въ настоящемъ случаѣ. Если онъ не былъ мотивомъ того, что Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ, онъ едвали можетъ быть мотивомъ къ тому, чтобы какой

ЦАБ "Автограф"

нибудь банковскій чиновникъ сталъ изучать двойную бухгалтерію.

Въ этомъ очень не трудно убѣдиться.

Пусть тотъ, кто полагаетъ, что мы ошибаемся — пойдетъ куда угодно; въ Лондонъ, Бирмингамъ, Парижъ или Берлинъ, пусть онъ въ средѣ лицъ, которыя занимаются высшими формами труда, попытается найти такихъ, которые исполняютъ свое дѣло изъ чуветва альтруизма.

Найдетъ ли онъ такого человѣка?

Неужели онъ думаетъ, что машинистъ на сѣверной желѣзной дорогѣ одушевленъ желаніемъ, чтобы лондонскіе жители имѣли возможность видѣть Эдинбургъ? Неужели онъ полагаетъ, что капитанъ океанскаго пассажирскаго парохода считаетъ себя апостоломъ міровой торговли, или что телеграфистъ относится съ какимъ-нибудь живымъ и сердечнымъ интересомъ къ вопросу о тѣхъ выгодахъ, которыя проистекаютъ, благодаря ускоренію способовъ сообщенія?

Даже еслибы нашему изслѣдователю удалось найти человѣка, который сказалъ бы ему, что онъ одушевленъ подобными чувствами,— нашелъ ли бы онъ, что такой человѣкъ работаетъ даромъ или довольствуется тѣмъ же вознагражденіемъ, которое получаетъ чернорабочій?

ЦАБ "Автограф"

Очевидно нѣтъ, и подобное ознакомленіе съ фактами и явленіями дѣйствительной жизни убѣдитъ насъ еще и въ томъ, что мотивомъ къ совершенствованію своего труда не можетъ быть также и наслажденіе, испытываемое человѣкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ исполняетъ максимумъ того, на что́ онъ способенъ, ибо вѣдь въ такомъ случаѣ—точно такъ же, какъ и при альтруизмѣ, - высшія формы труда могли бы быть оплачены тѣмъ же размѣромъ вознагражденія, какъ и низшія его формы. Искусный и опытный капитанъ могъ бы быть нанятъ за тѣ же деньги, что и простой матросъ. Такое положеніе вещей очевидно невозможно, и это убѣждаетъ насъ въ глубокой истинности того положенія, что *вознагражденіе должно быть пропорціонально степени совершенства труда*, ибо, не будь этого, совсѣмъ не было бы никакихъ высшихъ его формъ. И это относится не только къ возникновенію подобныхъ высшихъ формъ труда, но и къ сохраненію ихъ уже послѣ того, какъ онѣ возникли.

Нельзя также утверждать, что это проистекаетъ вслѣдствіе существующаго нынѣ общественнаго строя, а не вслѣдствіе коренныхъ свойствъ человѣческой природы, ибо будь мотивомъ возникновенія высшихъ формъ труда

ЦАБ "Автограф"

что-либо иное, а не стремленіе къ неравенству,—нашъ современный соціальный строй не только не препятствовалъ бы, но всячески содѣйствовалъ бы развитію подобнаго мотива.

Всѣ безъ исключенія стремленія современныхъ намъ нанимателей направлены къ тому, чтобы имѣть высшія формы труда за возможно меньшее вознагражденіе, и поэтому, еслибъ эти формы проистекали вслѣдствіе альтруизма или по какому нибудь иному мотиву, а не вслѣдствіе стремленія къ неравенству,—весьма не трудно было бы намъ увидѣть фактическое осуществленіе такого рода мотивовъ. Рабочимъ слѣдовало бы только добровольно согласиться на то, чего такъ горячо желаютъ наниматели. Между тѣмъ, насколько мы знаемъ, рабочіе энергично и съ каждымъ годомъ все настойчивѣе сопротивляются такому стремленію нанимателей.

Но намъ замѣтятъ, быть можетъ, что хотя дѣйствительно въ наши дни рабочіе стремятся получить возможно большее вознагражденіе и, разъ имѣя возможность получить его, отказываются работать за меньшую плату, — такая ихъ жадность къ деньгамъ не имѣетъ никакого отношенія къ ихъ искусству, и что, хотя нашъ соціальный строй и не является по существу причиной возникновенія подобнаго ихъ

ЦАБ "Автограф"

стремленія, тѣмъ не менѣе онъ даетъ возможность этому стремленію проявляться съ особенною силой. Благодаря нашему существующему соціальному строю, высшія формы труда имѣютъ возможность получать большее вознагражденіе, подобно тому какъ хозяева гостиницъ набавляютъ цѣны на квартиры во время сезона или въ иное горячее время года; подобно тому какъ хозяинъ гостинницы становится благоразумнымъ, разъ онъ не имѣетъ возможности ломить невозможныя цѣны, точно также измѣнится-де и положеніе высшихъ формъ труда при перемѣнѣ нашего соціальнаго строя.

Подобное возраженіе вполнѣ возможно, но для надлежащей оцѣнки его значенія необходимо обратить вниманіе на слѣдующее.

Когда мы говоримъ о высшихъ формахъ труда, объ его совершенствованіи въ какой бы то ни было области, у работника, инженера, ученаго или круплаго фабриканта, мы не имѣемъ дѣла съ чѣмъ-либо такимъ, что̀, будучи разъ произведено, останется на вѣчныя времена въ распоряженіи нашемъ. Наоборотъ, результаты всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ высшихъ формъ труда совершенно исчезнутъ по прошествіи какихъ-либо сорока лѣтъ, и по истеченіи этого времени весь этотъ трудъ дол-

ЦАБ "Автограф"

жедъ будетъ быть созданъ заново слѣдующимъ поколѣніемъ людей.

Цивилизація наша—это не что иное какъ песчаный дворецъ, постоянно разсыпающійся и поэтому постоянно подлежащій новому созиданію, и еслибъ этотъ послѣдній созидательный процессъ былъ прерванъ хотя бы на полстолѣтія, все зданіе цивилизаціи не замедлило бы превратиться въ безформенную груду развалинъ.

Гдѣ въ настоящее время тѣ люди, которые въ будущихъ поколѣніяхъ будутъ разсѣивать мракъ электричествомъ, вѣщать лживыя или вѣрныя мысли во всѣ концы свѣта со страницъ книгъ и газетъ, или будутъ порабощать проетранство локомотивами и пароходами? Нѣкоторые изъ нихъ—въ люлькахъ, другіе—въ начальныхъ школахъ; одни не могутъ еще говорить, другіе читаютъ по складамъ. Они такъ же мало знаютъ о парѣ, о географіи или мореплаваніи, какъ Адамъ. Всему этому имъ надо научиться упорнымъ трудомъ. Задача эта нелегкая для всѣхъ и весьма трудная для многихъ, и они могутъ исполнить ее не иначе какъ усиліемъ своей воли, преодолѣвая всѣ препятствія энергіей и терпѣніемъ.

Но какой же мотивъ возбудитъ въ нихъ подобное желаніе, дастъ имъ силу выполнить

ЦАБ "Автограф"

такое нелегкое дѣло? Для обезпеченія своего существованія достаточно низшихъ формъ труда, и милліоны людей имъ и ограничиваются. Почему же меньшинство добровольно избираетъ исполненіе такихъ исключительныхъ трудовъ? Нѣтъ той внѣшней силы, которая могла бы ихъ къ этому принудить, ибо, пока они сами не надумаютъ обнаружить свои способности, никто не можетъ угадать, есть ли у нихъ способности или нѣтъ. Отъ нихъ зависитъ развить ихъ или дать имъ угаснуть. Поэтому, если въ настоящее время высшія формы труда сами опредѣляютъ размѣры своего вознагражденія и возникаютъ только при условіи полученія неравной платы, они должны и въ будущемъ—разъ будетъ существовать цивилизація—сохранять подобное же положеніе, и до тѣхъ поръ пока не измѣнится кореннымъ образомъ природа человѣка,—эти высшія формы труда всегда одинаковымъ образомъ будутъ пользоваться своимъ преимуществомъ.

Изъ вышеизложеннаго читатель можетъ усмотрѣть, что то неравенство въ вознагражденіи, которое въ наши дни неразрывно связано съ градаціей труда, никоимъ образомъ не является случайнымъ результатомъ существующаго общественнаго строя, а, наобо-

ЦАБ "Автограф"

рoть, есть неизбѣжное послѣдствіе естественныхъ свойствъ человѣческой природы.

Но даже и теперь намъ могутъ возразить, что вопросъ еще этимъ не исчерпанъ, такъ какъ, допуская справедливость высказанной мысли по отношенію къ настоящему, можно разсчитывать на то, что людской характеръ измѣнится въ будущемъ.

Такъ, напримѣръ, г. Спенсеръ прямо говоритъ это, хотя и допускаетъ — насколько можно судить изъ его описаній — что перемѣна эта осуществится по прошествіи весьма долгаго времени, предѣлы котораго трудно даже установить хотя бы приблизительно.

Оставляя въ сторонѣ подобныя неопредѣленныя ожиданія, — такъ какъ въ безконечный промежутокъ времени можетъ произойти безчисленное же количество событій, — посмотримъ въ какой мѣрѣ осуществимы были бы подобныя ожиданія, еслибы послѣдователи г. Спенсера попытались установить какой-нибудь опредѣленный срокъ для осуществленія этой перемѣны — скажемъ двадцать пять, пятьдесятъ, сто или двѣсти лѣтъ, — послѣ котораго стремленіе къ неравенству перестанетъ быть главнымъ двигателемъ человѣческой дѣятельности.

Разъ намъ кто-нибудь изъ этихъ ученыхъ высказалъ бы что либо подобное, наша по-

ЦАБ "Автограф"

слѣдующая аргументація была бы совершенно опредѣлена. Мы немедленно попросили бы указать намъ на какіе-нибудь признаки въ прошломъ или настоящемъ, которые могутъ доказывать возможность подобной перемѣны. Въ настоящее время, какъ мы видѣли, нѣтъ подобныхъ признаковъ; наоборотъ, стремленіе къ неравенству болѣе сильно, чѣмъ когда-либо. Но, можетъ-быть, въ глазахъ какого-нибудь увлекающагося демократа подобное усиленіе этого принципа и есть именно такого рода благопріятный признакъ.

Онъ можетъ намъ сказать, что такъ какъ стремленіе къ неравенству въ настоящее время стало сильнѣе, чѣмъ было прежде ,— оно въ будущемъ можетъ стать слабѣе, чѣмъ оно есть теперь. Очевидно, скажетъ онъ намъ, стремленіе это измѣнчиво, и никто не можетъ установить предѣловъ подобныхъ перемѣнъ.

Но и этотъ проблескъ надежды не замедлитъ исчезнуть, разъ мы внимательнѣе разсмотримъ его. Стремленіе къ неравенству несомнѣнно было разной силы въ разныя времена; но оно измѣнилось по отношенію къ другимъ мотивамъ, но не по отношенію къ производительному труду. Бывали времена, когда преобладали другіе мотивы и стремленіе къ неравенству отступало на второй планъ,

ЦАБ "Автограф"

но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ производительный трудъ также находился на второмъ планѣ; и обратно: въ тѣхъ случаяхъ, когда пріобрѣталъ значеніе производительный трудъ, въ совершенно соотвѣтственной степени возрастало и значеніе стремленія къ неравенству.

Такъ было во всѣ времена исторіи, въ эпоху рабства, какъ въ періодъ свободнаго труда.

Въ этомъ отношеніи исторія рабства въ Римѣ является весьма наглядною иллюстраціей справедливости высказанной нами мысли.

По мѣрѣ того какъ возрастало стремленіе къ роскоши и на рабовъ начали смотрѣть какъ на орудіе высшихъ формъ труда, — все больше и серіознѣе становились доступныя рабамъ степени вознагражденія.

И, куда бы мы ни взглянули, — всюду мы увидимъ то же самое.

Поэтому, изучая и прошлое, и настоящее всѣми доступными современному знанію способами, мы не найдемъ признаковъ, которые могли бы служить основаніемъ разсчитывать и надѣяться на то, что человѣческій характеръ можетъ въ этомъ отношеніи измѣниться въ чемъ бы то ни было.

Несомнѣнно, стремленіе къ неравенству можетъ когда-нибудь ослабнуть; но если это случится, немедленно же ослабнутъ всякій про-

ЦАБ "Автограф"

изводительный трудъ и исчезнетъ совершенно или въ значительной части вся современная наша цивилизація. Такое событіе даже весьма возможно. Мы въ одинъ прекрасный день можемъ потерять и стремленіе къ неравенству, и всю нашу цивилизацію, но мы никоимъ образомъ не можемъ сохранить цивилизацію при такомъ строѣ общества, который не давалъ бы возможности возникать и въ полной мѣрѣ осуществляться стремленію къ неравенству.

Мы однако еще не закончили нашего изслѣдованія о причинахъ, благодаря которымъ сохраняется наша цивилизація. Мы говорили до сихъ поръ только о высшихъ формахъ труда; намъ остается еще сказать о низшихъ его формахъ, являющихся главныхъ фундаментомъ, на которомъ зиждутся всѣ высшія формы труда и которыя даютъ послѣднимъ возможность быстраго и широкаго распространенія.

Какъ я уже сказалъ, мотивомъ возникновенія низшихъ формъ труда является не стремленіе къ неравенству, а стремленіе къ обезпеченію своего существованія, и въ мотивѣ этомъ нѣтъ, по существу, ничего общаго съ развитіемъ и успѣхами цивилизаціи. Разъ дикари произвели достаточно для удовлетворенія первыхъ своихъ потребностей, они становятся совершенно неспособными произвести

ЦАБ "Автограф"

по собственному побужденію что-либо иное. Они приступаютъ къ работѣ, могущей тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовать дѣлу цивилизаціи, только подъ давленіемъ такого рода процесса, о которомъ мы говорили въ нашемъ фантастическомъ примѣрѣ объ островитянахъ.

Меньшинство должно тѣмъ или инымъ способомъ оказать давленіе на большинство; оно должно завладѣть источниками, изъ которыхъ большинство черпаетъ свои средства къ пропитанію, и заставить такимъ образомъ трудъ, проистекающій изъ стремленія добыть средства къ жизни, сдѣлать *нѣчто большее*, чѣмъ простое удовлетвореніе этой потребности. Исторически давленіе это началось съ покоренiемъ однихъ народовъ другими и съ установленіемъ рабства; и такъ какъ этотъ процессъ, въ данномъ случаѣ, совершенно ясно обнаруживается, я и прошу читателя обратить на этотъ примѣръ особое вниманіе.

Мы до сихъ поръ разсматривали стремленіе къ неравенству съ точки зрѣнія мотива, побуждающаго людей къ тому, чтобъ одни возвышались надъ другими. Если же мы разсмотримъ вопросъ о рабствѣ, мы убѣдимся, что стремленіе это оказывало еще и другое вліяніе на трудъ. Оно не только порождало мотивы, но и давало мотивамъ извѣстное направленіе.

ЦАБ "Автограф"

Обыкновенный рабъ получалъ въ рабствѣ не больше пищи, чѣмъ сколько онъ заработалъ бы для себя будучи свободнымъ. Онъ принялъ участіе въ извѣстномъ производствѣ не потому что у него народилось какое-нибудь новое стремленіе, но только потому что предметъ его прежнихъ желаній былъ поставленъ въ такія условія, что ему пришлось избрать другой способъ для его достиженія; эти же новыя условія были созданы подъ давленіемъ меньшинства, ибо самъ рабъ никогда бы не создалъ добровольно такихъ условій, при которыхъ для того, чтобъ обезпечить себѣ существованіе, ему необходимо было бы исполнить въ три раза больше труда чѣмъ сколько необходимо, въ сущности, для этой цѣли. Такимъ образомъ тотъ излишекъ труда, который онъ началъ производить, возникъ не вслѣдствіе собственнаго его стремленія къ неравенству, а подъ давленіемъ неравенства, къ которому стремились другіе.

По отношенію къ труду рабовъ все это совершенно ясно. Всѣ цивилизаціи, какъ я уже упоминалъ, начались противъ воли большинства людей, на которыхъ онѣ распространялись. Первоначально соціальное неравенство было неизмѣнно неравенствомъ въ силѣ, или, иными словами, было просто насиліемъ и притѣсненіемъ.

ЦАБ "Автограф"

Но, переходя отъ деревней исторіи къ исторіи новѣйшей, отъ эпохи рабства ко временамъ свободнаго труда, быть-можетъ, по отношенію къ настоящему вопросу, будетъ не вполнѣ ясно, въ чемъ собственно заключалась происшедшая перемѣна, и въ чемъ видоизмѣнилось воздѣйствіе мотива, побуждавшаго къ низшимъ формамъ труда свободнаго человѣка сравнительно съ рабомъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ перемѣна эта несомнѣнно громадна: онъ не можетъ быть проданъ; онъ можетъ свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто; онъ можетъ выбирать родъ труда и даже хозяина; и, наконецъ, что всего важнѣе, онъ можетъ копить и, до тѣхъ поръ пока ему хватаетъ его сбереженій, никто не можетъ заставить его приняться за трудъ.

Но во всѣхъ случаяхъ, когда онъ занятъ низшими формами труда, онъ находится въ совершенно одинаковомъ положеніи съ рабомъ: трудъ поставляетъ его въ такія условія, что онъ производитъ больше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія тѣхъ потребностей, благодаря которымъ возникъ этотъ трудъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда современный свободный работникъ производитъ что-либо, онъ принужденъ производить больше чѣмъ сколько онъ лично желаетъ, иными словами, больше чѣмъ сколько онъ

ЦАБ "Автограф"

произвелъ бы, не будь какого-либо внѣшняго на него вліянія.

Такимъ образомъ и въ современной нашей цивилизаціи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ, который отмѣтили въ прошлой исторіи человѣчества. Мы видимъ, что низшія формы труда становятся производительными только при условіи оказанія извѣстнаго давленія на работника. Слѣдовательно, по мѣрѣ исчезновенія рабства, тѣ силы, которыя когда-то сосредоточены были въ рукахъ господствующаго класса населенія, постепенно превращались въ нѣкоторыя основы всего нашего общественнаго строя. Работникъ пересталъ зависѣть отъ произвола своего хозяина, но то давленіе, которое въ прежнее время этотъ хозяинъ оказывалъ на него по своему усмотрѣнію, въ настоящее время оказываетъ на него вся совокупность окружающихъ его соціальныхъ услóвій, и оказываетъ уже не произвольно, а подчиняясь нѣкоторому естественному закону.

Такимъ образомъ, самое великое измѣненіе, когда-либо происшедшее въ условіяхъ производства, не повлекло за собой ни малѣйшей перемѣны въ естественныхъ свойствахъ человѣческаго характера. Для того, чтобы произвести данное количество труда, должны быть

ЦАБ "Автограф"

примѣнены тѣ же мотивы и тѣ же силы, что̀ и прежде; и единственное усовершенствованіе, которое было достигнуто съ теченіемъ времени, касается лишь способовъ примѣненія этихъ силъ.

Итакъ, дальнѣйшее существованіе цивилизаціи зависитъ отъ двоякаго рода условій: отъ постояннаго развитія высшихъ формъ труда и отъ постояннаго же усиленія низшихъ его формъ, и въ обоихъ случаяхъ основнымъ двигателемъ является неравенство.

Въ первомъ случаѣ оно порождаетъ стремленіе къ себѣ въ работникѣ; во второмъ оно дѣйствуетъ, оказывая на работника нѣкоторое давленіе. Въ одномъ случаѣ оно привлекаетъ, въ другомъ принуждаетъ Но въ обоихъ оно производитъ одинъ и тотъ же результатъ: оно придаетъ работнику такія силы, которыхъ онъ не имѣлъ бы, не будь неравенства.

Безъ неравенства не было бы никакого длящагося производства, точно такъ же какъ не было бы и высшихъ, болѣе совершенныхъ формъ труда.

Если мы хотимъ дѣйствительно научно постигнуть сущность великой соціальной задачи, мы никогда не должны забывать этой основной истины. Сила человѣка для производства бо́льшаго, чѣмъ сколько нужно для

ЦАБ "Автограф"

обезпеченія его существованія, зависитъ отъ причинъ, лежащихъ не въ немъ, *а внѣ его*: эти же причины заключаются—и всегда заключались, начиная съ самыхъ отдаленныхъ эпохъ исторіи—*въ организаціи общественнаго строя на совершенно опредѣленной основѣ соціальнаго неравенства.*

ЦАБ "Автограф"

ГЛАВА X.

НЕРАВЕНСТВО И СОЦІАЛЬНЫЙ ПРОГРЕССЪ.

Въ предыдущихъ главахъ мы изслѣдовали внѣшнюю, матеріальную цивилизацію по отношенію къ ея возникновенію, прогрессу и дальнѣйшему существованію, и выяснили, что во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ главнѣйшею, основною причиной было или стремленіе къ неравенству, или давленіе его.

При отсутствіи этой причины—не было и цивилизаціи; при ослабленіи ея—понижалась и цивилизація.

Итакъ, по отношенію къ будущему, выводъ ясенъ: *всякое измѣненіе въ существующемъ соціальномъ строѣ, направленное къ уничтоженію неравенства вмѣстѣ съ тѣмъ, въ результатѣ своемъ поведетъ къ уничтоженію или уменьшенію цивилизаціи.*

Это положеніе необходимо, однако, нѣсколько разъяснить, такъ какъ иначе оно покажет-

ЦАБ "Автограф"

ся неубѣдительнымъ для ума, привыкшаго къ прямо противоположной точкѣ зрѣнія. Мы говоримъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ неравенства, не будетъ и производительнаго цивилизованнаго труда, а тамъ, гдѣ оно существуетъ, будетъ подобный трудъ; но мы подъ этимъ не подразумѣваемъ, что количество этого труда строго-пропорціонально размѣрамъ соціальныхъ неравенствъ, увеличиваясь и уменьшаясь вмѣстѣ съ этими послѣдними. Такъ, при старомъ режимѣ во Франціи, по мѣрѣ увеличенія этихъ неравенствъ, производство сокращалось и, наоборотъ, по мѣрѣ уменьшенія неравенствъ, производство возрастало.

Но для читателя, вдумавшагося въ сущность нашей предшествующей аргументаціи, это должно показаться совершенно естественнымъ, такъ какъ неравенство оказываетъ вліяніе на производство не только потому что оно существуетъ, а потому что является объектомъ стремленія для однихъ и средствомъ къ давленію для другихъ. Вліяніе неравенства на людей, занимающихся высшими формами труда, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ оно для нихъ достижимо; вліяніе же неравенства на людей, занимающихся низшими формами труда, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ оно можетъ оказывать на нихъ извѣстнаго рода давленіе.

ЦАБ "Автограф"

Если въ первомъ случаѣ неравенство будетъ слишкомъ велико, а потому трудно достижимо, вліяніе его, какъ объекта стремленія, будетъ почти такъ же мало какъ еслибы его не существовало; а во второмъ случаѣ, если давленіе, оказываемое неравенствомъ, слишкомъ сильно, оно можетъ подавлять производство въ самый моментъ его возникновенія. Поэтому степень воздѣйствія неравенства, какъ причины возникновенія цивилизованнаго производства, будетъ увеличиваться, сообразно росту этого неравенства, лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Неравенство будетъ увеличивать производство по мѣрѣ своего возрастанія до тѣхъ поръ, пока оно, своими размѣрами не станетъ возбуждать отчаянія или равнодушія, вмѣсто надежды, въ человѣкѣ, занимающемся высшими формами труда, и слабости или угнетенія, вмѣсто бодрой энергіи, въ людяхъ, работающихъ надъ низшими формами труда. Разъ неравенство перейдетъ за эти предѣлы, производство начнетъ сокращаться, и, по мѣрѣ того какъ неравенство снова будетъ входить въ эти рамки производство опять начнетъ возрастать.

Но этотъ послѣдній процессъ никоимъ образомъ нельзя считать уничтоженіемъ неравенства. Нѣтъ, наоборотъ, онъ имѣетъ цѣлью

ЦАБ "Автограф"

поставить неравенство на наиболѣе прочное основаніе и, ни сколько не уменьшая, возможно шире распространить его вліяніе. Поэтому въ вышеизложенномъ примѣрѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго нашей основной теоріи, которая заключается въ томъ, что всякое измѣненіе въ существующемъ соціальномъ строѣ, направленное къ уничтоженію неравенства, въ результатѣ своемъ поведетъ къ уничтоженію или къ уменьшенію цивилизаціи.

Теорія эта, весьма вѣроятно, поразитъ многихъ при нынѣ господствующемъ направленіи общественной мысли. Она нанесетъ смертельный ударъ всѣмъ надеждамъ демократовъ, если только они когда-либо придутъ къ убѣжденію въ истинности этой теоріи, но даже и лицамъ, далеко не сочувствующимъ идеаламъ современной демократіи; теорія эта можетъ показаться, на первый взглядъ, очень безотрадною. Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія теорія эта совершенно опредѣленно означаетъ, что до тѣхъ поръ, пока міръ не вернется снова въ состояніе варварства, разстояніе. отдѣляющее бѣдныхъ отъ богатыхъ, не можетъ быть сколько-нибудь существенно сокращено, и что, при подобномъ возвратѣ къ варварству, не бѣдные поднимутся до положенія богатыхъ, а, наобо-

ЦАБ "Автограф"

ротъ, богатые низойдутъ до положенія бѣдныхъ, бѣдные же низойдутъ до степени нищеты и крайней нужды.

Но если мы, не поддаваясь такому первому впечатлѣнію, съ научной точки зрѣнія разсмотримъ дѣйствительное положеніе вещей, мы не замедлимъ убѣдиться, что въ нашей теоріи нѣтъ ничего, что̀ могло бы разочаровать самаго горячаго филантропа.

Внѣшняя, матеріальная цивилизація желательна только вслѣдствіе одной причины. Она желательна настолько, насколько она содѣйствуетъ счастію людей. Если бы богатство, по общему убѣжденію, дѣлало людей несчастными, едвали бы демократы желали широкаго его распространенія. Демократы требуютъ распредѣленія богатствъ только потому, что считаютъ ихъ элементомъ счастья; и они настаиваютъ на томъ, чтобы богатства были распредѣлены поровну, предполагая, что счастье обыкновенно пропорціонально богатству.

На этомъ основана вся ихъ аргументація.

Если мы считаемъ безотраднымъ тотъ выводъ, что бѣдные всегда должны существовать на землѣ, мы думаемъ такъ только потому, что полагаемъ будто человѣкъ бѣдный всегда долженъ быть болѣе несчастенъ чѣмъ богатый, и что судьба человѣка неимущаго должна

ЦАБ "Автограф"

возбуждать тѣмъ бо́льшее сострадaніе, чѣмъ онъ бѣднѣе.

Въ этомъ отношеніи необходимо замѣтить, что одною изъ существеннѣйшихъ чертъ въ области современнаго чувства является широкое распространеніе состраданія, выражающагося въ признаніи физическаго или нравственнаго несчастія людей и въ стремленіи облегчить эти несчастія.

Несомнѣнно, что физическихъ и нравственныхъ страданій больше въ средѣ бѣдныхъ, нежели между богатыми, и современные мыслители, обративъ вниманіе на этотъ вопросъ, пришли къ двумъ своеобразнымъ выводамъ: первое—что бѣдность есть главная причина людскихъ несчастій, и второе—что несчастія эти могутъ быть облегчены нѣкоторымъ всеобщимъ уравненіемъ существующихъ внѣшнихъ матеріальныхъ условій жизни.

Такимъ образомъ въ настоящее время то чувство, которое обыкновенно называютъ состраданіемъ или альтруизмомъ, является въ сущности желаніемъ, состоящимъ изъ двухъ частей: къ стремленію облегчить общую нужду присоединяется еще стремленіе къ установленію всеобщаго равенства, и оба эти желанія такъ тѣсно слиты, что ихъ обыкновенно даже не различаютъ одно отъ другого. Является ли

ЦАБ "Автограф"

это результатомъ вышеуказаннаго демократическаго движенія, или же оно, наоборотъ, причина его,—это въ настоящемъ случаѣ для насъ безразлично. Для насъ важно установить тотъ фактъ, что чувство альтруизма въ томъ видѣ, какъ оно нынѣ существуетъ, неразрывно связано съ соціальнымъ равенствомъ не только въ умахъ тѣхъ, которые считаютъ подобное равенство достижимымъ, но даже и въ умахъ тѣхъ, которые убѣждены, что это равенство есть несбыточная мечта.

Но дѣло въ томъ, что такое воззрѣніе столь же ложно, какъ и пресловутая доктрина демократовъ о томъ, что богатство есть продуктъ труда, и мы въ этомъ легко можемъ убѣдиться, примѣнивъ и въ данномъ случаѣ индуктивный методъ изслѣдованія, заглушивъ на время чувства симпатіи, отринувъ картины, которыя рисуетъ намъ наше воображеніе, и изслѣдуя факты и явленія окружающей насъ жизни такъ, какъ они есть въ дѣйствительности.

Что же показываютъ намъ эти факты? Они прежде всего выясняютъ намъ, что и среди богатыхъ весьма многіе жили и умерли глубоко несчастными, а среди бѣдныхъ многіе жили и умерли счастливыми и довольными. Фактъ этотъ, столь хорошо всѣмъ намъ извѣстный, былъ между тѣмъ совершенно упу-

ЦАБ "Автограф"

щенъ изъ виду нашими современными мыслителями точно такъ же какъ они игнорировали въ своихъ аргументаціяхъ естественно вытекающій изъ него выводъ, заключающійся въ томъ, что хотя богатство и можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствовать счастью, оно никоимъ образомъ не связано съ нимъ, и счастье не увеличивается пропорціонально богатству, такъ какъ зависитъ отъ совершенно иныхъ причинъ *).

Пусть читатель провѣритъ справедливость этого на самомъ себѣ, и, если онъ человѣкъ достаточный, привыкшій къ извѣстной роскоши, ему тѣмъ легче будетъ это сдѣлать. Онъ,

*) Въ другой своей новѣйшей книгѣ, вышедшей въ 1894 году, *Трудъ и народное благосостояніе, Labour and popular Welfare,* Мэллокъ по тому же вопросу пишетъ:

„Конечная цѣль правительственной власти есть обезпеченіе и доставленіе возможно бо́льшаго количества, не *счастья*,—какъ иногда ошибочно говорятъ,—но внѣшнихъ условій, дающихъ возможность существованія счастія.

„Что же касается самаго счастія, то оно должно корениться въ насъ самихъ и во всякомъ уже случаѣ исходить изъ источниковъ, которые стоятъ внѣ воздѣйствія правительства.

„Но хотя такимъ образомъ внѣшнія условія недостаточны для того, чтобы создать счастіе, они могутъ ему препятствовать и не давать возможности его возникновенію: поэтому цѣль всякой правительственной власти—возможно сократить подобныя, препятствующія счастію, условія".

ЦАБ "Автограф"

прежде всего, задумавшись надъ этимъ вопросомъ, увидитъ до какой степени относительно понятіе о роскоши; онъ увидитъ, какъ внѣшнія матеріальныя условія, которыя ему кажутся роскошью въ одномъ случаѣ, въ другомъ представятся ему крайнею нуждой.

Скажемъ, онъ ѣдетъ въ отдѣленіи спальнаго вагона изъ Ниццы въ Парижъ; онъ считаетъ несомнѣнно, что пользуется чрезвычайною роскошью, лежа на мягкой постели. Но представьте себѣ что, по пріѣздѣ въ Парижъ, ему отводятъ въ отелѣ комнату тѣхъ же размѣровъ и такого же убранства, какъ его спальное отдѣленіе,—и онъ несомнѣнно вознегодуетъ, сочтя ее собачьею конурой.

Возьмемъ затѣмъ какого-нибудь элегантнаго джентльмена въ то время какъ онъ охотится за оленями въ Шотландіи.

Въ Лондонѣ онъ боится промочить ноги, обходитъ малѣйшую лужицу и ни за что не станетъ ходить пѣшкомъ; въ Шотландіи онъ не боится ни усталости, ни погоды и готовъ цѣлые дни пролежать на сырой землѣ. Онъ будетъ напрягать свои силы больше, чѣмъ носильщикъ багажной станціи, и будетъ довольствоваться условіями жизни, отъ которыхъ отказался бы его кучеръ.

Если мы сравнимъ его свѣтскую жизнь въ

ЦАБ "Автограф"

Лондонѣ и его жизнь, какъ охотника, въ Шотландіи, мы увидимъ, что, по общему убѣжденію, послѣдній типъ существованія признается еще большею роскошью, чѣмъ первый; разъ же это такъ, разъ человѣкъ богатый, привыкшій къ изнѣженному образу жизни, можетъ считать, что по временамъ самыя суровыя и тяжелыя условія жизни являются роскошью, — онъ едвали будетъ сомнѣваться въ томъ, что эти послѣднія условія сами-по-себѣ не являются для бѣдныхъ источникомъ несчастія.

Богатымъ людямъ мѣшаетъ придти къ ясному сознанію этой истины то, что они смотрятъ на вопросъ чрезъ призму своего воображенія. Они смотрятъ на всѣхъ бѣдныхъ, какъ на разорившихся богачей, и считаютъ, что они чувствуютъ отсутствіе комфорта, котораго они въ сущности никогда не знали.

Точно такъ же и бѣдные смотрятъ на богатыхъ, какъ на разбогатѣвшихъ бѣдняковъ, и приписываютъ имъ въ своемъ воображеніи такое счастіе, котораго тѣ навѣрное никогда не ощущаютъ.

Дѣло научнаго изслѣдованія—разсѣять эти призраки, навѣянные воображеніемъ, и поставить на ихъ мѣсто факты и явленія дѣйствительной жизни. Сдѣлавъ это, мы не замедлимъ убѣдиться, что несчастія, существующія нынѣ

ЦАБ "Автограф"

въ мірѣ, не имѣютъ никакого отношенія къ соціальному неравенству, и поэтому нѣтъ ничего безотраднаго въ признаніи того, что эти неравенства никогда не могутъ исчезнуть съ лица земли.

Но что сказать въ такомъ случаѣ, когда мы видимъ страданія отъ голода и холода, когда мы видимъ эти сырые грязные дома, въ которыхъ бѣдные живутъ въ невообразимой, душу возмущающей, тѣснотѣ?

Отвѣтъ на это очевиденъ. Эти страданія проистекаютъ отъ нищеты, а не отъ неравенства.

Не отъ того несчастны эти бѣдные, что у нихъ меньше чѣмъ у богатыхъ, а отъ того что у нихъ меньше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія первѣйшихъ ихъ потребностей. Печально не то, что одинъ человѣкъ ѣстъ трюфели и фазаны, а другой—простой кусокъ мяса; печально то, что въ то время, какъ одинъ ѣстъ трюфели и фазаны, другой ничего не ѣстъ. Точно также нѣтъ ничего возмутительнаго въ томъ, что одинъ человѣкъ живетъ во дворцѣ, а другой въ скромномъ домикѣ; печально то, что въ то время, какъ одинъ живетъ въ здоровомъ домѣ, другіе ютятся въ сырыхъ и зловонныхъ подвалахъ.

Обезпечьте бѣднымъ достаточную пищу и

ЦАБ "Автограф"

одежду, и теплыя помѣщенія, и они, въ смыслѣ счастія, весьма возможно, будутъ находиться въ одинаковомъ положеніи съ богатыми.

Но если это такъ, если неравное распредѣленіе богатства имѣетъ такъ мало отношенія къ распредѣленію счастія на землѣ, то какъ же можетъ,—могутъ меня спросить,—стремленіе къ достиженію этого неравенства быть главною основой, созидающею и поддерживающею нашу цивилизацію?

Для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо снова обратиться къ естественнымъ свойствамъ человѣческой природы.

Но прежде этого я попрошу читателя обратить вниманіе на то, что я не сказалъ что богатство и бѣдность не имѣютъ *никакого отношенія* къ счастію и несчастію,—я сказалъ только, что они не имѣютъ *никакого постояннаго* съ ними соотношенія.

При нѣкоторыхъ условіяхъ связь эта существуетъ, при другихъ нѣтъ. Посмотримъ же теперь, въ чемъ заключаются эти *условія*.

Прежде всего здѣсь надлежитъ обратить вниманіе на то, что богатства необходимы для нашего счастія поскольку мы къ нимъ привыкли; бѣдность является несчастіемъ не тогда, когда она намъ не даетъ роскоши, а когда она лишаетъ насъ ея.

ЦАБ "Автограф"

Такимъ образомъ, богатый можетъ не желать стать богаче, но онъ будетъ усиленно желать не сдѣлаться бѣднѣе;—онъ будетъ стремиться не увеличить свое неравенство по отношенію къ другимъ, а сохранить его.

Слѣдовательно, стремленіе къ неравенству можетъ быть двоякаго рода: оно можетъ быть стремленіемъ къ возвышенію и стремленіемъ къ сохраненію нынѣ существующаго положенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно дѣйствуетъ столь же сильно, хотя и не проистекаетъ изъ чувства неудовольствія окружающими условіями жизни.

Иное дѣло при стремленіи къ возвышенію Здѣсь несомнѣнно должно быть налицо нѣкоторое чувство неудовлетворенности, хотя при этомъ надлежитъ замѣтить, что характеръ людской таковъ, что стремленіе человѣка къ тому, чего у него нѣтъ, пропорціонально, по своей интенсивности, не качеству и желательности того, чего недостаетъ человѣку, а тому, въ какой мѣрѣ легко достижимъ объектъ его желаній.

Такъ большинство помѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ желали бы быть перами, но нужно, чтобы были налицо нѣкоторыя облегчающія достиженіе этого перства условія, дабы желаніе это заставило человѣка дѣйствовать.

ЦАБ "Автограф"

То же мы видимъ и во всѣхъ слояхъ общества.

Стремленіе къ неравенству тамъ, гдѣ оно не праздная мечта, естественно ограничено тѣмъ, что̀ находится подъ рукой, и *оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе достижимъ объектъ его желаній.* Человѣкъ, мечтающій умереть первымъ министромъ, долженъ сначала ограничивать свои желанія тѣмъ, чтобы быть выбраннымъ въ парламентъ.

Воображеніе рисуетъ человѣку картину лучшаго будущаго; но для того, чтобъ онъ началъ къ нему стремиться, необходимо, чтобы разумъ подсказалъ ему, что это будущее для него достижимо; и тамъ, гдѣ разумъ и воображеніе работаютъ нормально, мы видимъ, что никогда эти новыя условія не отстоятъ слишкомъ далеко отъ тѣхъ, которыя окружаютъ человѣка въ данное время. Они являются шагомъ впередъ, но только шагомъ, и хотя человѣкъ знаетъ, что за этимъ шагомъ можетъ послѣдовать другой, тѣмъ не менѣе, въ каждомъ данномъ случаѣ, счастье его зависитъ отъ достиженія именно того шага, который онъ дѣлаетъ.

Такимъ образомъ, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ неравенство въ смыслѣ поддержанія и развитія цивилизаціи, тѣмъ болѣе оно является элементомъ не несчастія, а, наоборотъ, счастія.

ЦАБ "Автограф"

Но, могутъ мнѣ возразить, если характеръ людской дѣйствительно таковъ и таково естественное воздѣйствіе стремленія къ неравенству,—чѣмъ объяснить то жадное стремленіе, то страстное желаніе всеобщаго равенства, которое нынѣ такъ широко распространено въ мірѣ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не особенно трудно.

Мы уже видѣли, что равенство, какъ его теперь понимаютъ, является уравненіемъ матеріальныхъ условій жизни.

Мы видѣли затѣмъ, что бѣдные люди имѣютъ совершенно превратное представленіе о томъ счастьѣ, которымъ наслаждаются богатые; богатство является для нихъ объектомъ стремленія, потому что они видятъ въ немъ средство достигнуть какого-то невѣдомаго имъ еще счастія и избавиться отъ слишкомъ хорошо имъ извѣстнаго несчастія.

Такимъ образомъ, всеобщее равенство, какъ его объясняютъ народу наши современные демократы, означаетъ такого рода условія, при которыхъ народъ этотъ будетъ несравненно счастливѣе, чѣмъ теперь. Но не одно только это внушаютъ народу наши демократы: они указываютъ ему, что такой порядокъ вещей весьма легко и скоро достижимъ при извѣстномъ образѣ дѣйствій.

ЦАБ "Автограф"

Каждый, очевидно, желалъ бы быть безконечно счастливѣе, чѣмъ онъ есть, но подобныя мечты о безконечномъ счастьѣ всегда весьма опредѣленны и потому мало на насъ вліяютъ; но если намъ покажутъ, что это безконечное счастье у насъ подъ руками, тогда эта самая безконечность его станетъ только еще болѣе заманчивою.

Совершенно естественно, поэтому, что идея о всеобщемъ равенствѣ такъ, какъ ее изображаютъ современные демократы, является для толпы,—которая не понимаетъ всей ложности и ошибочности ея,—самою возбуждающею страсти идеей, которая когда либо существовала въ мірѣ.

Въ этомъ смыслѣ она представляется величайшею опасностью, которая когда либо грозила обществу, и поэтому никакой естественный и здоровый прогрессъ не возможенъ до тѣхъ поръ, пока идея эта не будетъ оцѣнена по достоинству и отринута.

Какъ мы видѣли, вся ея сила, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся ея опасность основана на двухъ различныхъ, но одинаково ошибочныхъ, предположеніяхъ: одно—въ области воображенія,—рисующее бѣдному богатство, какъ источникъ какого-то невѣроятнаго счастья; другое—въ области мысли, убѣждающее того же бѣднаго

ЦАБ "Автограф"

что порядокъ вещей, при которомъ онъ безъ особаго труда получитъ такое богатство, вполнѣ достижимъ; причемъ, безъ этого второго предположенія, картины, рисуемыя воображеніемъ, не имѣли бы никакого существеннаго значенія, такъ какъ стремленіе къ недостижимому—не болѣе какъ праздная мечта до тѣхъ поръ, пока разумъ не докажетъ намъ, что наше желаніе осуществимо.

Вслѣдствіе этого я въ настоящемъ своемъ трудѣ болѣе касался теоріи о всеобщемъ равенствѣ, чѣмъ вопроса о тѣхъ условіяхъ счастія, которыя оно должно съ собою принести.

Вся моя задача состояла въ томъ, чтобы доказать, что всеобщее равенство, не только не будучи цѣлью прогресса,—является, наоборотъ, конечною цѣлью регресса, и поэтому намъ не слѣдуетъ дѣлать никакихъ попытокъ къ его установленію.

Затѣмъ я стремился доказать, что неравенство въ обществѣ не только не есть какое-то случайное зло, подлежащее искорененію, но является, наоборотъ, главною причиной развитія и дальнѣйшаго существованія цивилизаціи, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ прошлой исторіи человѣчества событія, двигавшія впередъ цивилизацію, имѣли, повидимому, связь со стремленіями ко всеобщему равенству,

ЦАБ "Автограф"

связь эта была чисто внѣшняя, такъ какъ въ сущности происходило не уменьшеніе неравенствъ, а болѣе широкое и цѣлесообразное ихъ распредѣленіе.

Въ этомъ заключалась вся моя задача.

Главное значеніе, которое имѣетъ признаніе истинности теоріи о неравенствѣ, состоитъ не въ томъ чувствѣ спокойствія и безопасности, которое она можетъ внушить богатымъ, а въ тѣхъ новыхъ надеждахъ на болѣе мощное движеніе впередъ міроваго прогресса, которыя она должна вселить въ сердца бѣдныхъ.

Консерватизмъ въ наши дни не разъ являлся не только охранительною, но иногда и тормозящею (obstructive) силой. Но въ этомъ слѣдуетъ винить не его, а нашу партію прогресса.

Если тѣ широкія схемы объ уничтоженіи и облегченіи нужды и несчастія бѣднѣйшихъ классовъ, съ которыми выступала эта партія, встрѣчали противодѣйствіе или оставлялись безъ вниманія, то это проистекало главнѣйшимъ образомъ отъ того, что всѣ эти схемы были основаны на теоріи, совершенно противорѣчащей естественнымъ свойствамъ человѣческой природы, а потому здравый смыслъ человѣчества, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не былъ затуманенъ страстію, инстинктивно признавалъ эти схемы и ошибочными, и гибельными.

ЦАБ "Автограф"

Иными словами, теорія о соціальномъ равенствѣ, пріурочивая надежды бѣдныхъ къ осуществленію утопіи съ одной стороны и къ разрушенію существующаго общественнаго строя съ другой,—фактически сдѣлала больше, чѣмъ какая-либо иная, для увеличенія тѣхъ золъ, которыя такъ неблагопріятно вліяютъ на дальнѣйшее широкое развитіе нашей цивилизаціи.

Она сдѣлала то, что сравнительно достаточные низшіе классы населенія стали недовольны своимъ положеніемъ, которое безъ этого могло бы дѣлать ихъ счастливыми; и она лишила самые бѣдные классы всякой надежды на улучшеніе своего положенія, такъ какъ научила ихъ просить не того, что̀ дѣйствительно могло бы имъ помочь, а домогаться наоборотъ, того, что̀ неизбѣжно должно повлечь за собою и собственную ихъ гибель, и гибель всеобщую.

Ученіе о соціальномъ равенствѣ поставило бѣдныхъ въ совершенно ложное положеніе. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать цивилизацію первымъ другомъ неимущихъ и обездоленныхъ, ученіе это, введя бѣдныхъ въ глубокое заблужденіе, сдѣлало ихъ врагами цивилизаціи.

Никогда не слѣдуетъ легко предаваться надеждамъ; но еслибы современная теорія о все-

ЦАБ "Автограф"

общемъ равенствѣ была покинута и дискредитирована, есть,—кажется мнѣ,—весьма много основаній разсчитывать на то, что интересы бѣдныхъ и страждущихъ отъ этого выиграли бы весьма существенно. Богатство, культура, истинная наука и филантропія, которыя нынѣ невольно взирають на все дѣло улучшенія матеріальныхъ условій жизни низшихъ классовъ населенія съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, сразу стали бы на его сторону, и то самоубійственное стремленіе, которое нынѣ именуетъ себя прогрессомъ, исчезло бы навсегда и замѣнилось бы прогрессомъ истиннымъ, направленнымъ къ дѣйствительному благу всего человѣчества.

ЦАБ "Автограф"